

EX ORIENTE LUX

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

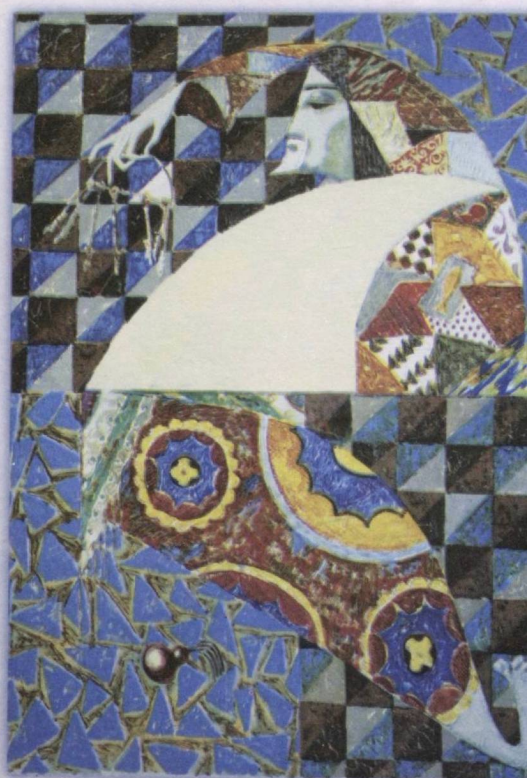
АРХИВЫ

3 / 2013

Ер-ер.
А.Нур

Ключи от небес.
А.Нур

Караван с невестой.
А.Нур

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

J

Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK

Общественный совет журнала

Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Михаил ГАР
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Шухрат СИРОЖИДДИНОВ
Абдухаким ФАЗИЛОВ
Лариса ЮСУПОВА

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

му Л

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Саъдулло КУРОНОВ

Редактор
Нургали СЫЗДЫКБАЕВ

Республика Узбекистан
Ташкент

ЧЕРНАЯ ДЫРА МЕЧИСЛАВА НЕМАЛЕЧИВА

(Рассказ)

Оставшись без работы, Мечислав, принялся судорожно «закидывать невод» – искать женщины. Ему таки удалось – выловил рыбку, правда, неказистую, но зато имеющую четырехкомнатную квартиру. Компромисс был улажен, – поступившись амбициями, закрыв глаза на непривлекательность женщины, Мечислав, как ему казалось, вновь обрел покой, крышу над головой, и ... работу, правда, уже маляром...

Владимир БАГРАМОВ

ПОЭЗИЯ

*Поэты – это жизни семена,
случайно залетевшие на землю!*

Кто я?

Песчинка из моря вечного.

Очарованный стиходум.

Пыль вселенская.

Вспоенный призрачным млеком

Млечного,

стихами Петрарки

и Вознесенского.

Марина БЕГЛОВА

проза

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КОМПАНИИ

(Повесть)

– Какой же ты тормоз, Ленчик! А вот так! Он – твой родной сын. Твой и мой. Я же сказала уже тебе, что с Рафиком у меня ничего и не было. Я все придумала. Подлым образом сочинила. Вот так! Такая я комедиантка! Ну, ругай меня, кори! Да, я виновата, я выдумала эту глупую ложь, но только, чтобы позлить тебя. Я же не знала, как иначе!.. А потом... Потом я подумала, если признаюсь, что солгала, ты все равно уже другим по отношению ко мне не станешь.

переводы

Мухаммад АЛИ

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

(Роман-эпопея)

Книга первая

ДЖАХАНГИР МИРЗА

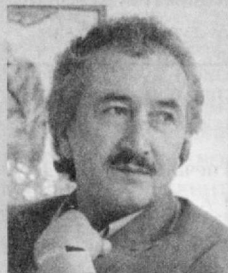
Вы правы, деньги и богатство на все способны, тем и интересен мир... – не меняя тона беседы, спокойно сказал Темурбек... Однако на дружбу следует отвечать дружбой, на верность – верностью, на мужество – мужеством... Тот, кто стремится приобрести друзей с помощью денег, состояния, богатства, ошибаются. С их помощью можно лишь нанять воинов, приумножить восхвалителей...

философия искусства

Т

Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK

Акмаль НУР

ЛЮБОВЬ - БОЖЕСТВЕННАЯ КАПЛЯ, СКОЛЬЗНУВШАЯ В ДУШУ МОЮ

Экз
№

Волею Аллаха, сердце мое, жаждущее любви, оказалось пленником Любви. Мучительно – сладкие переживания, тоска, желания – не это ли явный признак душевной неистребимости, воистину полноценной жизни? Да, конечно! Благодаря этим светлым смятениям, порывам стали рождаться мои произведения.

литературоведение. литературная критика

Бахор ТУРАЕВА

ХРОНОТОП В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ТЕКСТА

Как известно, литература принадлежит к группе искусств с динамичным временем. Художественный образ, формально развертываясь во времени, своим содержанием воспроизводит пространственно-временную картину мира.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОДЫ

Мухаммад Али. Амир Темур Великий. (Роман-эпопея, перевод с узбекского Мухаммада Али и С.Камиловой)..... 5

ПРОЗА

Абдулла А'зам. Двадцать лет спустя. (Сценарий футурологического фильма)..... 36

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Анатолий Ершов. Волшебное зеркало Абдухакима Фазилова. 42

ПОЭЗИЯ

Владимир Баграмов. Поэты – это жизни семена, случайно залетевшие на землю!..... 50

Андрей Павлюк. Стоит на этом свете думать о вечном. 56

Раиса Крапаней. Танцует белый танец аист в объятиях вымокшей весны. 59

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Бахор Тураева. Хронотоп в художественной системе текста. 61

КАРАВАН ИСТОРИИ

Ариадна Стадникова. Дочь. (К 120 летию со дня рождения В.В.Маяковского). 66

НОВЫЕ ИМЕНА

Гозал Шамузафарова. Пропавшая жена. (Иронический детектив). 68

Игорь Эрнст. Там запах трав с дыханием ветра смешан... (Лирика). 74

Наргиза Хасанова. Из истории становления художественной школы в Узбекистане. 78

Олег Саркисян. Гипотеза мироздания Вселенной (ГМВ). 81

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Акмаль Нур. Любовь – божественная капля, скользнувшая в душу мою. (Перевод с узбекского У.Назарова). 86

Владимир Карасев. Восток, где мы с тобой... 94

ПРОЗА

Николай Попов. Черная дыра Мечислава Немалевица. (Рассказ). 97

Искандер Хаммадов. Невидимая сторона луны. (Рассказ).....103

Марина Беглова. История одной компании. (Повесть).....109

Нариман Искандаров. Веточка сирени. (Рассказ).....132

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Федор Сухов. Зарафшанский диван. (Лирика).....141

Раим Фархади. Парад эпиграмм..... 65

На 2, 3 и 4 страницах обложки картины художника
А. Нура

Звезда Востока

2013 № 3

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован

Узбекским агентством печати и информации

Рег. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Хуршид Иброхимов

Подписано в печать 25.09.2013.

Формат 70х108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 564 экз. Заказ 262-13

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи».

г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала уведомляет авторов о том, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные в компьютерном наборе.

Набор текста в любом формате с приложением дисков и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

переводы

АМИР ТЕМУР ВЕЛИКИЙ

Роман-эпопея

Книга первая

Джахангир Мирза

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I

В канун праздника Навруз, лагерь тридцатичетырехлетнего Темурбека разбил свои шатры в трех фарсах¹ от города Термеза в окрестностях Буйё.

Наступал 771 год хиджры.² Ежегодно эти праздничные дни Темурбек любил отмечать в родном городе Кеше в кругу родных и близких. На сей раз были веские причины нарушить традицию и выступить в поход...

Пятнадцать дней назад в Кеше в загородной усадьбе Темурбека был созван машварат³, где обсуждался вопрос о сложившейся обстановке в крупных городах Мавераннахра – Самарканде, Ташкенте, Ходженте, Бухаре. Неожиданно с места встал сорокалетний, среднего роста с выпученными рыбьими глазами Амир Муса и, сложив руки на груди, изрек:

– Считаю своим долгом сообщить о надвигающейся опасности. Необходимо принять меры предосторожности относительно Амира Хусейна. Он снова плетет интриги. Поняли? – Амир Муса имел привычку то и дело вставлять в свою речь слово «поняли». Не прозевать бы момента, он, окаянный, способен на все, что угодно, от него всего можно ожидать!

¹ Фарсах – мера длины равная приблизительно – 7 км.

² По мусульманскому летоисчислению 771 год хиджры соответствует 1370 году.

³ Машварат – государственный совет.

Мухаммад АЛИ

Народный писатель Узбекистана. Поэт, прозаик, публицист, переводчик, автор более тридцати произведений.

Председатель Союза Писателей Узбекистана. Лауреат Государственной премии.

Родился в 1942 г.

СОЛНЦЕ НЕ ПОМЕРКНЕТ

Амир Темур – прославленный в веках великий полководец, заложивший фундамент великого государства, полководец покоривший пол мира.

Благодаря обретенной Узбекистаном независимости узбекский народ узнал своего великого соотечественника, и имеет возможность воздать должное его историческим заслугам.

В равной степени сказанное можно отнести и к представителям национальной культуры узбекского народа – А.Фитрату, М.Бехбуди, А.Чулпану, А.Кадыри, ставшим жертвами красного террора и репрессий за то, что пытались своим творчеством возродить чувство национальной гордости у узбекского народа своей древней историей и культурой.

Тема об Амине Темуре долгое время была запретной (вспомним литературную судьбу великого Айбека, Шейхзаде, трагическую судьбу Ибрагима Муминова, опубликовавшего в 1968 г. брошюру «Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии».

Никто из сидевших не отреагировал на предупреждение Амира Мусы об опасности. У многих он вызывал отвращение, но сейчас никто не показал виду. Еще вчера этот человек называл Амира Хусейна своим повелителем и покровителем, поклонялся ему, а сейчас, не стесняясь, хулил. Амир Муса был непостоянен, как весенняя погода, а значит, и обет верности его так же ненадежен. Если сегодня он на стороне Темурбека, то завтра вновь мог переметнуться к Амиру Хусейну. Непостоянство его было причиной многих его неприятностей, впрочем, он не понимал этого.

В зале наступила тишина. Где-то за усадьбой послышалось жалобное ржание лошади, затем все стихло. Не нарушал тишины Темурбек, сидевший на почетном месте, молчали и другие амиры и военачальники. Наконец, сидевший напротив Темурбека Амир Сайфиддин некуз¹, рослый, статный и красивый мужчина с аккуратно подстриженными усами и бородкой, прокашлявшись, заговорил, серьезно глядя на Амира Мусу:

– Та-ак... Извольте сказать прямо! Чего вы добиваетесь? Говорите, что этот окаянный способен на все... Что вы этим хотите сказать? Говорите прямо!

– Разжигая вражду, и нас вовлечете в скандал, – внезапно вмешался Амир Жаку барлас, мужчина лет пятидесяти с небольшими усами и козлиной бородой. – Уж не впервой, знаем мы вас!

Реденькие брови Амира Мусы нахмурились. Он, как бы уменьшившись в росте, округлился и только выпирал большой лоб, не найдя себе укрытия.

– Поняли... – промолвил он тихо, сложив свои неловкие руки на коленях, своими выпуклыми сверкающими глазами. – Мне не верят... Но я сказал то, что знаю, и только.

– Мы жаждем правды, умнейший, – сдержанно начал речь Амир Довуд дуглат². Он был шавхаром³ старшей сестры Темурбека Кутлуг Туркон оки. Всегда говорил то, что думал. Во имя правды готов был принять даже смерть. Богатырского телосложения, лет сорока пяти, он страстно любил петушинные бои. Хорошо разбираясь в них, Амир Довуд дуглат с благоговением относился к петухам особой породы, называемой Бабак. О многочисленных победах на петушиных боях и в Шахрисабзе, и в Карши знали все. На левой стороне лица виднелся неприметный шрам от сабли. – Если выберешь, как петух, правду – наши души твои! Однако, если будешь обманывать нас, как курица, пеняй на себя и моли Аллаха!

Амир Муса оживился. Степенная речь Амира Довуда придала ему сил.

– Беспокоюсь, потому и говорю, таксиры! – воодушевленно воскликнул он, – пуд соли съел я у Амира Хусейна... Знаю... Амир Хусейн затаил злобу на Темурбека. Чувствую его коварные замыслы. Умысел один – навредить Темурбеку... Вот этого я и опасуюсь...

– Правду говорит! Нет веры обещаниям Амира Хусейна! – поддержал Амир Жоку барлас каршинского амира. Летом прошлого года в битве с каронавсами⁴ в Карши он

¹ Некуз - название племени.

² Дуглат - название племени.

³ Шавхар - в значении супруг.

⁴ Каронавс - так называли монголов, смешавшихся с оседлыми народами Туркестана.

В титаническом труде писателя Мухаммада Али есть одна замечательная особенность. Его исторический роман обладает солидной научной достоверностью, и подобен жемчужине в золотой оправе.

За последние годы Мухаммад Али опубликовал три книги эпопеи «Амир Темур Великий» – «Джахангир Мирза», «Умаршайх Мирза», «Мираншах Мирза» и совсем недавно завершена четвертая часть – роман «Шахрух Мирза». К ним примыкает роман «Сарбадары» (1989), состоящий из двух книг и являющийся своеобразным прологом эпопеи «Амир Темур Великий».

Предлагаемый роман «Джахангир Мирза» – начало перевода всего романа-эпопеи Мухаммада Али. Это очень важно, ибо русский язык является инструментом глобального, культурного, научного общения, общения интеллигенции, уважительно относящейся к истории других народов. Амир Темур Великий на небосклоне многовековой истории народов Центральной Азии – это солнце, которое не померкнет никогда!

Г.Ахмеджанов, доктор исторических наук, профессор

упал с лошади и тяжело повредил спину. И сейчас травма вновь напомнила о себе резкой болью. От волнения обычно бледный нос, совсем недавно раздвоенный ударом сабли, покраснел.

– Он раб корысти и коварства этот... бесчестный! – сказал Амир Муайяд арлат¹, супруг младшей сестры Темурбека Ширин бики, дородный тридцатипятилетний мужчина с огромными усами и хриплым голосом. Внезапно Амир Муайяд смутился от своих слов, потому что Темурбек не позволял в своем присутствии говорить о казнях, проклятиях и особенно не допускал вольностей по поводу женщин. Благо, сейчас Темурбек сделал вид, что не слышит, и промолчал.

– Насколько Амир Хусейн предан Темурбеку не могу сказать, – не смог усидеть спокойно Амир Сайфиддин некуз, – однако в словах о вероломстве Амира Хусейна нет неправды.

Услышав такие речи, каршинский амир безмерно обрадовался. Он смог направить поток ярости и возмущения в сторону Амира Хусейна! Улучив момент Амир Муса смело обратился к Темурбеку:

– Темурбек! Поняли... Прошу простить и помирить меня... Отныне верой и правдой буду служить во славу вашего государства!

– Помирить, говорить... Странно, осталось ли у него то, за что можно миловать? – ядовито заметил Амир Довуд дуглат, обращаясь к Амиру Сайфиддину некузу. И хоть сказано было вполголоса, его все услышали.

Темурбек видел насквозь Амира Мусу, среди честолюбивых замыслов которого была мечта управлять государством... Хорошо помнит Темурбек послание, составленное совместными усилиями Амира Мусы, сына Боязида жалайира Али Дарवेशа и Урдой-хатун, одной из жен Тармаширинхана. Это коварное письмо, в котором строились козни против Темурбека, было отправлено правителю Мавераннахра Амиру Хусейну. Конечно, это дело рук Амира Мусы. Послание звучало примерно так: «Хусайнбек, помни! Темурбек желает посеять вражду между тобой и Его Величеством Кабулшах-ханом. Пока у тебя бразды правления, он полон корыстных побуждений, тайных намерений и злого умысла. Он готов говорить с тобой на языке войны...».

Амир Хусейн, добавив масла в огонь, поспешил донести послание хану. Вскоре Темурбек получил высочайшее повеление хана, в котором предписывалось всем лицам, упомянутым в послании, немедленно явиться в Самарканд к Урде-хатун для прояснения истины. Чистый и в делах, и помыслах Темурбек, не задумываясь, отправился в Самарканд. Узнав о его прибытии, испугавшись позорного разоблачения, Амир Муса со своими прихвостнями направил коней в сторону Ходжента. Устыдившись, Урда-хатун не посмела смотреть в глаза Темурбека.

Вероломство Амира Мусы в каршинском сражении и в битве под Бухарой – звенья одной цепи... Ныне, когда правление Амира Хусейна шло к закату, а солнце успеха Темурбека восходило, Амир Муса пресмыкался перед Темурбеком. Обделять приближенных было не в правилах Темурбека, он не обращал внимания ни на род, ни на племя своих единомышленников. И Амира Мусу он принял, сказав только: «Пусть решение твое будет истинным».

На самом деле Амир Муса говорил правду. Темурбек молча слушал присутствовавших, их души тоже тревожили сомнения. Да, Амир Хусейн никому не был другом, да и сам отталкивал желающих сближения с ним. Надеяться на Амира Хусейна все равно, что возводить крепость на зыбких песках Каракума. Эх-хе, сколько раз испытывал это на себе Темурбек! В характере Амира Хусейна все явственнее проявлялись зависть, жадность, страсть к обогащению. Все это не делало чести никому, но у него все усугублялось еще высокомерием и грубостью, неуместной дерзостью и эгоизмом. Почти десять лет вставляет он палки в колеса Темурбека. Из-за него не состоялось объединение туркестанских амиров. Если бы он не обвел всех вокруг пальца во время чиназских сражений, они бы разгромили войско Илёс Ходжи и уже торжествовали победу. И как знать, куда бы повернулась судьба целого государства. Увы... А многочисленные интриги, расставленные сети предательства? Сомнительная дань, наложенная на джигитов Темурбека за, якобы, недостаточную преданность и верность?

История с данью такова: друзья Темурбека – Амир Жаку барлас, Амир Сайфиддин не-

¹ Арлат - название племени.

куз, Аббас бахадур и Давлатшах бахши уйгур – собрали все свои ценности, но этого не хватило, чтобы покрыть сомнительный долг. Кешский амир, чтобы не подвести друзей, уже собрав большое количество золота и серебра, вынужден был вложить также драгоценные серьги своей жены Ульжай Туркан оки. Амир Хусейн узнал украшение, ведь эти серьги он сам когда-то подарил своей сестренке, но алчность не позволила ему вернуть их. Не хватало еще трех тысяч золотых.

Тогда Темурбек пошел на крайние меры: приказал отдать своих тридцать отборных скакунов.

Успокоившись, что вопрос с данью полностью решен, Темурбек с любимым сыном Джахангиром Мирзой отправился в загородную усадьбу и вызвал Мавляну Убайда, сказителя, послушать предания об Александре Двурогом.

– «...Когда я усну навеки, и вы будете нести погребальные носилки с моим телом, то уложите меня так, чтобы руки мои были видны – напутствовал император Александр. – Пусть люди увидят, что покоривший этот мир уходит в мир иной с пустыми руками...» Александру было чуть больше тридцати, когда он отправился в мир иной...

В это время внезапно прибыл гонец Амира Хусейна:

– Повелитель Мавераннахра, узнав что присланные вами скакуны из вашего табуна, не принял их, – сказал он запыхавшись. – Владыка мира повелел: «Нам нужны деньги... Хотим послать сватов Хорезмскому шаху Хусайну Суфи, просить руки его дочери, несравненной жемчужины Ханзады ханум... Необходимы большие средства...»

Взгляд Темурбека случайно упал на Джахангира Мирзу. Его высокий рослый сын был добродушным. Но сейчас по свежему лицу, с едва пробивающимися усиками, пробежала какая-то тень, он взволновался, покраснел. Хотел что-то сказать, глаза его засверкали. Темурбек заметил это, но почему это произошло – от впечатления преданий об Александре или от слов гонца – не понял. Необходимо было срочно ответить гонцу, Темурбек изрек:

– Передайте нашему владыке Амиру Хусейну наше согласие. Деньги немедленно будут доставлены повелителю!

Не откладывая, Темурбек собрал нужную сумму и немедленно отправил Амиру Хусейну в столицу Салисарай.

Прошло не так много времени и Темурбек получил хвалебное послание от хокима Хутталонского вилоята, расположенного в междуречье Вахша и Панжа, Амира Кайхусрава и хокима крепости Хисори шодмона Шейха Мухаммада Баяна сулдуза¹. В послании говорилось о взаимопомощи и необходимости объединения против общего врага Амира Хусейна. Случайно это письмо попало в руки самому Амиру Хусейну... Темурбек был осведомлен об этом. Так случилось, что в эти дни Темурбек по пути к Бадахшану заехал в Арханг. Амир Хусейн, находившийся там, встретил его очень радушно, согласно всем законам гостеприимства оказывая гостю всяческие почести. Прогуливаясь по живописному берегу реки Пандж, они душевно беседовали...

Темурбек ожидал услышать из уст хозяина нужные слова, размышляя: «Хусейнбек обязательно упомянет о том послании, чтобы еще раз закрепить взаимную преданность. Открытая тайна сердца – залог чистоты души». Амир Хусейн не сказал о послании ни слова! В сердце Темурбека шевельнулась неприязнь, однако его выдержка и смелость властителя, степенность сильного мира сего не позволили излиться внутренним переживаниям. Он засобирався в дорогу. Два амира распрошались, ничем не выдав своих мыслей.

Недавно опять произошла одна история. Амир Хусейн, поддавшись на провокации отдельных людей, забыл обет верности и возомнил о себе невесть что. Он послал человека к Темурбеку с указанием, чтобы тот собрал всех именитых людей Кеша и пригорода и переселил их в Балх. Какое проявление щедрости! Вдобавок еще одно несчастье: Амир Муайяд арлат во время попойки сгоряча забил до смерти сына одного амира и скрылся. Потребовали привезти в Балх к Амиру Хусейну Ширин бику, младшую сестру Темурбека, супругу Амира Муайяд арлата. Было также приказано отправить в распоряжение правителя Амира Мусу со всеми его домочадцами...

Чашу терпения переполнил очередной бестактный поступок Амира Хусейна: он отправил домой принца амира Джахангира Мирзу, любимого сына Темурбека, который

¹ Сулдуз - название племени.

находился при дворе как гарант дружбы. Это сильно уязвило Темурбека. Отношения совсем испортились. Империя Амира Хусейна сильна могуществом Темурбека, и баста! Амир Хусейн сам хотел испортить отношения и добился своего. Аллах свидетель, все это время Темурбек был сдержанным и рассудительным. Теперь терпимость, доброта и мягкосердечие не уместны. Пусть не назовут благоразумие трусостью!

Размышляя об этом, Темурбек усмехнулся. Он не стал открыто высказываться против Амира Хусейна. Ведь его верные друзья и последователи хорошо знали об обете верности. Темурбек ничем, даже помыслами, не хотел нарушать его. Иначе все могли подумать, что Темурбек стремится управлять государством, и эта мысль затмила все другие его светлые помыслы. Теперь другое дело. Теперь сами амиры, тот же Амир Муса, открыто осуждают происки Амира Хусейна. Говорят, всему свое время.

– В борьбе против Амира Хусейна мы должны быть едины! Пока не уберем его с пути, не успокоимся! – заявил самый старший Амир Жаку барлас. Поглаживая покрасневший нос, он продолжал: – Настоятельно просим Темурбека. На сей раз они¹ не должны быть против!

– Конечно, не будут против, они же родом из Кеша! – неожиданно вмешался в разговор Амир Довуд дуглат, удачно используя игру слов. Слово «Карши» имело два значения: название города и «против». В шатре раздался одобрительный громкий смех по поводу уместной шутки. Темурбек улыбнулся в усы.

Вновь воцарилась тишина. Взгляды присутствующих были направлены на Темурбека. Все ждали, что скажет амир.

Темурбек был высоким и статным мужчиной с широким лбом, густыми бровями, большими глазами, мягким и кротким взглядом, с сильным и властным голосом. Говорил он не спеша, голос был необычным, завораживающим слушателей. Когда он произносил слова молитвы, они звучали, как у известных чтецов священной книги мусульман, звонко и притягательно. Рана на правой руке совсем зажила, но временами, особенно в ненастную погоду, напоминала о себе, заставляя страдать. Правая нога не гнулась, и он ступал не торопясь, чтобы скрыть хромоту, лишь слегка прихрамывая. Темурбеку больше нравилось ездить верхом, а отдыхал он полулежа на пуховых подушках. Восседая он и в кругу друзей, и во дворце на меджлисах на супе² или на сури³ всегда на почетном месте, а чиновники, дворцовая знать чуть ниже, располагаясь в форме полумесяца.

– Как говорил наш Пророк, да пребудет с ним мир, я всегда опираюсь на машварат, – начал Темурбек. – Моя задача – выполнять то, что решит совет. Наш мир – золотой сундук со змеями и скорпионами, коим подобны люди. Вы верно рассуждаете, достойные амиры, становится ясно, что наш друг Хусейнбек встал на путь вражды... По законам шариата⁴, смутьян должен быть наказан, и это зачтется на страшном суде как доброе дело. Устранение Амира Хусейна – первостепенное дело! Для будущего необходим прочный фундамент, чтобы не оказаться потом в тисках сожаления и раскаяния. О Аллах, убереги нас от этих несчастий!

– Всевышний, да поддержит нас!

– Да отвернет от нас лица противников!

– Аллах поможет нам!

– Аллах с нами! Аллах с нами! – Поддержали амиры Темурбека, и он продолжил свою речь:

– Амир Довуд и Амир Сайфиддин! Немедленно объявите мухолифат⁵ правителю! Господин Амир Жаку! Издайте указ о сборе войска! Рискнем, во имя Аллаха, но риск должен быть оправдан! Амир Муайяд! Разыщите Хинди Каркару кипчака, пусть найдет Шайха Мухаммада Баяна сулдуза, бежавшего через Сайхун⁶ в Отрар. Пусть доставят его сюда немедленно! Пошлите гонца к Амиру Кайхусраву, который сейчас на Алае, повелеваем правителю Хутталана занять достойное место в наших рядах. Необходимо всем дать понять, что дело важное и исход будет благоприятным для всех!

В результате мгновенно принятого решения просторная поляна вблизи селения Ход-

¹ Здесь: чтобы выказать большое уважение персоне, о ней говорят во множественном числе.

² Супа - возвышение.

³ Сури - высокий настил из досок.

⁴ Шариат - свод мусульманских религиозных, уголовных, гражданских законов и правил, основанных на Коране.

⁵ Мухолифат - оппозиция существующей власти.

⁶ Сайхун - древнее название реки Сырдарья.

жа Илгар, покрытая свежей зеленой травой, стала военным лагерем. Приведя в порядок бесчисленную армию и определив авангардные войска, Темурбек поручил их Амиру Жаку барласу. Амир Муса был назначен предводителем фланга: пусть докажет сказанные им слова и заодно пройдет испытание. Сам Темурбек отправился в путь с несколькими богатырями, как месяц сияя в окружении звезд.

Увы, для испытания верности Амира Мусы оказалось достаточно и одного дня. Он поступил как обычно, в соответствии с предательской натурой. Едва отправившись в сторону Балха, не достигнув даже Хузара, Амир Муса, выходец из племени Тойживутов, забыв данный им обет верности и бросив воинов, в страхе, тайком удрал в Самарканд. Никто не стал его искать. Эта история вызвала много насмешек. Амирам было невдомёк, в каком сложном положении оказался Темурбек. Однако он держался так, будто ничего не произошло. Поручив войско Джахангиру Мирзе, Суюргатмиш оглану, Амиру Муайяду арлату, Амиру Сарибугу жалайиру¹, осветив его, словно лучом солнца, Темурбек отправил воинов на передовую. – Фланги возьму в свои руки, – объявил он, дабы укрепить боевой дух воинов.

На подступах к Термезу, издали заметив многочисленных воинов авангардного подразделения Джахангира Мирзы, войска Амира Хусейна, которыми командовали Хиндушах и Амир Халил, ретировались, почуяв что-то недоброе. Собрав боевое снаряжение, они отступили в сторону Балха. В тот же день Амиру Хусейну донесли о вступлении большого войска в Балх. Но он не знал, что это воины Темурбека. Он отправил гонца, чтобы срочно прояснить ситуацию...

Местом для привала Темурбек выбрал живописный уголок Турана в окрестностях Буйё. Весна, с яркой зеленой свитой наступала на дремлющие долины. Из кладовых природы потянуло живыми натуральными запахами. Земля просыпалась и обновлялась. То там, то здесь на склонах сверкали, радуя глаз, маленькие огоньки – алые маки. Земля будто прихорашивалась к празднику. С гор тянулись не холодные отзвуки суровой зимы, а приятное дыхание наступающего светлого лета. Ветерок успокаивал. Прохладой тянуло и со стороны гор, и со стороны реки. Темурбек был доволен выбранным местом. Ведь для военного лагеря, прежде всего, необходимо удобное место обитания и хорошая питьевая вода. Надо остерегаться прямых солнечных лучей.

Шатер Темурбека величаво возвышался на холме.

Все разместились лишь к вечеру, было решено утром встать пораньше, завтра – Навруз! Устав в дороге, Темурбек, едва коснувшись подушки, сразу уснул. Этой ночью ему приснился удивительный сон. Он увидел бурные потоки реки Ходжент, несущиеся со страшной силой вперемешку с камнями. Темурбек оказался в самой стременине реки на обломке бревна. Беспреданно молясь, он просил помощи у Аллаха, лишь он один способен внять и помочь попавшему в беду. В этот момент его накрыло огромной волной! Что было дальше, Темурбек не помнил, он потерял сознание. Придя в себя, он обнаружил, что находится на побережье недалеко от Самарканда. Неистовые волны превратились в ласкающие ноги спокойные воды...

Темурбек проснулся.

Все погрузилось в тишину. Воины спали. Только там, вдали, в каждой из четырех сторон света полыхали костры, вокруг которых бодрствовали в ожидании рассвета дозорные.

Слуга приготовил воду, Темурбек совершил ритуальное омовение. Затем, войдя в шатер, расстелил бархатный молитвенный коврик и приступил к утренней молитве – бом-дод.

После молитвы Темурбек еще долго, мысленно обращался к Аллаху, вновь и вновь повторяя, что Всевышний – единственная опора для правоверных мусульман. Просил творца, пророков и всех святых об исполнении праведных желаний. Сколько он так просидел? Находясь в полузабытии он услышал голос свыше: «Темурбек! Да будет победа за тобой!» Или послышалось?.. Оглянувшись, однако в шатре кроме него никого не было. «Аллах велик и всемогущ!» – воскликнул Темурбек... С просветленной душой он вышел из шатра.

Небесный свод был необыкновенно чист, как будто его только что протерли. И эта чистота возвышала душу человека. Всюду чувствовалось дыхание Навруза.

¹ Жалайир - название племени.

Темурбек повелел пригласить к себе сказителя Мавляна Убайду. Чуть ниже шатра слуги устанавливали деревянный топчан. Вокруг кипящих котлов толпились люди, и по всему стану разносился аппетитный запах шурпы – крепкого бульона из баранины, куда добавляли индийский тмин, пряный аромат которого шекотал нос, возбуждая аппетит. Только теперь Темурбек понял, как долго он просидел в шатре, обращаясь к Всевышнему..

– С праздником Навруз, Ваше Величество! – поклонился Мавляна Убайд, приближаясь к топчану. – Посетили ли Вас вешие сны?

– Благодарю, Мавляна. – Темурбек пригласил сказителя сесть рядом. – Я видел странный сон... – Он неторопливо и подробно рассказал о сне Мавляне Убайду. – Истолкуете его значение?

Мавляна Убайда был на шесть лет старше Темурбека. Это был один из лучших слушателей в медресе Садра Сулеймана в Самарканде, всегда внимал речам мудрых, любил читать. При среднем росте Мавляна Убайда имел тонкий голос. Голова у него была маленькой, и от этого спутанная борода на его красивом лице казалась еще больше. Узкие, всегда улыбающиеся глаза, покоряли всякого. Выходец из махалли наддофов – хлопкочитителей – Мавляна Убайд вот уже пять лет служил сказителем у Темурбека.

– Слава Аллаху, Ваше Величество, Аллах одарил Вас своей щедростью! – воскликнул Мавляна, радуясь от души. – Вы ливневым дождем смоете своего врага, а это значит разгромите его войско. Как удачно и желанно то, что вы оказались на самаркандской стороне берега реки. С помощью Аллаха, подобный раю Самарканд, станет столицей империи!

Толкование сказителя совпадало с мыслями Темурбека. Он вдруг спросил:

– Есть ли какие вести о тех, кто поехал за Шейхом Мухаммад Баян сулдузом и Амиром Кайхусравом?

Пока вестей нет, Ваше Величество...

Темурбек повернул содержание беседы на удачные и неблагоприятные дни. Его интересовало, в какие дни можно отправляться в путь, в какие следует избегать сражений.

– Есть поговорка: в пятницу не кроить, в субботу не переезжать, – ответил Мавляна Убайд. – В народе счастливым днем считается среда, все добрые дела свершаются именно в этот день. Посевные и другие сельскохозяйственные работы начинаются в среду – в середине недели. Недаром говорится: «Среда – счастливый день». Четверг тоже считается днем спасения... У конгратцев именно в этот день выходят на летовку.

Затем сказитель начал говорить о днях, предназначенных для военных походов.

– Наши предки отправлялись в путь в определенные дни месяца. К слову сказать...

Здесь их разговор был прерван. Слуга сообщил о Джахангире Мирзе и Амире Сайфиддине некузе. В свои четырнадцать лет принц был высоким и хорошо сложенным юношей. Он с почтением приблизился к отцу и поцеловал ему руку.

– Приветствую Вас, о достопочтимый отец! Да будет благословенным Ваш Навруз!

– Здравствуйте! Пусть и для Вас Навруз будет благословенным, мой принц! – ответил Темурбек, обнимая сына. Он с теплотой и любовью смотрел на еще по-детски нежное лицо сына, на его едва пробивающиеся усики, на большие добрые глаза. Темурбек поцеловал сына в лоб. Неожиданно луч солнца отразился в слезах радости, блеснувших в глазах Темурбека. Это заметил Мавляна Убайд. Отец впервые встретился с сыном после того, как они покинули окрестности Хузара.

– Пусть Аллах сделает начало года достойным Вас! – поздравил Темурбека Амир Сайфиддин некуз.

– Благодарю! Благодарю!

Джахангир Мирза присел подле Темурбека, Амир Сайфиддин некуз сел рядом со сказителем. Прочли благодарственную молитву создателю.

– Стало быть, Мавляна, только определенные дни месяца благословенны, так?

– Именно так, мой амир, – подтвердил сказитель. – Наши прадеды не начинали походов в сторону восходящего солнца в первый день нового месяца, в третий день не шли на запад, в пятый день – в сторону захода солнца, в седьмой день – на север... Вся правда от Бога.

– Что на это скажет господин Амир Сайфиддин? – Темурбек хорошо знал, что Амир Сайфиддин некуз был сведущ в вопросах астрологии и ворожбы.

– Итак... – привычно откашлялся амир. – Слова Мавляна Убайда весьма справедливы. Неспроста наши предки действовали именно так. Сам Аллах свершает свои знамения в опре-

деленные дни каждого месяца. В астрологии тоже есть такие предзнаменования: в одиннадцатую ночь месяца жадий¹, в девятую ночь месяца далв, в седьмой день месяца хут, в пятый день месяца хамал, в третий день месяца савр, в первый день месяца жавзо звезды Большой Медведицы закатываются одновременно с луной... Так... Говорят в ту пору ночами либо идет дождь, либо поднимается ветер. Если идет дождь – к добру, если дует сухой горячий ветер гармсель – это дурное знамение... Милость Аллаха безгранична...

Тем временем к ним стали приближаться другие амиры и прославленные воины. Суюргатмиш оглан, Амир Жаку барлас, Амир Довуд дуглат, Амир Муайяд арлат, Амир Сарибуга халайир, Амир Акбуга найман, Давлатшах бахши уйгур, Аббас бахадур кипчак, Эльчи бахадур и Хусайн барлас прибыли с поздравлениями.

– Да будет благословенным для Темурбека великий день улуса! – поздравил Амир Жаку барлас, старший среди амиров. Старые друзья обнялись.

– Да будет он счастливым! Да будет он благословенным! – присоединились амиры.

– Дай бог, чтобы день улуса и весь год были изобильными, а народ его целым-невредимым! – сказал Амир Давуд дуглат.

– Будьте счастливы! – звенел голос Темурбека.

– Да будет счастье! Да будет изобилие! – подхватили остальные.

– Аминь! Аллаху акбар! – поднял руки для молитвы Амир Сайфиддин некуз.

– Аминь! – все провели ладонями по лицу.

– А ну, скажите-ка, богатыри, – обратился Суюргатмиш оглан к воинам, – Аббас бахадур! Эльчи бахадур! Изобильным ли будет новый год или неурожайным? Давайте-ка узнаем!..

Возгласы: «Узнаем-ка!», «Узнаем-ка» наполнили мироздание. Согласно обычаям предков в круг вышли два неразлучных друга – Аббас бахадур и Эльчи бахадур. Первый символизировал «Изобильный год», другой – «Неурожайный». Амиры и бахадурсы разделились, часть поддерживала Аббаса, их противники Эльчи бахадур. Оба были виртуозами сабельного боя, Темурбек радовался, глядя на них.

«Изобильный год» перешел в ожесточенное наступление, стараясь занять место соперника, но и «неурожайный год» не уступал позиций. Клинки их сабель блестели на солнце. Присутствующие понимали, что «Изобильный год» победит, но одинаково шумно поддерживали обоих соперников.

– Аббас бахадур! Держись, бахадур!

– Эльчи бахадур! Не уступай! Давай-давай!

– Аббас! Дави его, дави!

– Эльчи! Держись! Крепись!

Непосвященный был бы удивлен: как же так два человека безжалостно бьются, а люди вокруг подзадоривают их? Наконец, «Изобильный год» стал брать верх: «Неурожайный год» отступил и положил саблю на землю...

– Новый год, с Божьей милостью, будет урожайным, изобильным! – радовались люди, поздравляя друг друга.

На широком поле в стороне заката солнца в это время уже построилась группа всадников, желающих участвовать в улаке² – они еле сдерживали своих гарцующих коней. Услышав одобрительные возгласы амиров и воинов, всадники начали улак.

Солнце было в зените. Темурбек пригласил всех к праздничному дастархану. В предвкушении роскошного угощения все последовали за ним.

II

В самый разгар праздника слуга доложил о том, что с двух сторон прибыли по два всадника. Вошло в привычку, сначала разглядеть, расспросить гонца и только потом докладывать Темурбеку. По знаку Аббас бахадур направился прояснить ситуацию. В ста шагах, в одном из шалашей с северной стороны, он увидел четверых уставших путников, присевших перекусить.

¹ Жадий – название месяца солнечного года, соответствующий десятому месяцу (22 декабря – 21 января) современного календаря. Солнечный год, начинающийся с 21 марта, состоит соответственно из следующих месяцев: хамал, савр, жавза, саратан, асад, сунбула, мезан, акраб, кавс, жадий, далв, хут (22 февраля – 21 марта).

² Улак – конноспортивное состязание, в котором участники вырывают друг у друга козлиную тушу.

– С прибытием, джигиты!

– Да сбудутся ваши желания, господин! – одновременно приветствовали его гонцы. Встав с места, они поклонились Аббасу бахадуру. Двое из них были Хинду Каркара кипчак и Шодраван найман – йигиты Темурбека, которых Амир Муайяд арлат отправлял в сторону Отрара и Алая.

– Шейх Мухаммад Баян сулдуз оценил намерения Его Высочества, направленные против Амира Хусейна как божью благосклонность, – начал говорить Хинду Каркара кипчак, невысокий, крепкого телосложения, черный, как негр. – На этой неделе, горя чувством солидарности, расправив крылья, мы с большим войском отправимся в Термез, – передал он. Мой спутник Амир Токли сулдуз, дядя Шейха Мухаммада, прибыл как посол. Шейх Мухаммад одновременно с нами отправился в дорогу...

– Господин Амир Кайхусрав, покинув Алай, уже прибыл в Андижан. Милостью Аллаха долгая дорога подошла к концу... – начал говорить Шодраван найман, крепкий, жилистый мужчина. На его левой щеке была родинка, похожая на бородавку. Аббас бахадур хорошо знал его. – Услышав эти новости, я не знал, куда деть себя от радости! И раньше я часто предлагал Темурбеку устранить эту язву! Ради такого дела я пойду с вами на все! – сказал он. – Дал отдохнуть только два дня: «Богатыри не устают! Не нам опасаться дороги, пусть дорога боится нас!» – и с этими словами, отправил нас обратно. Амир Кайхусрав все время твердит одно и то же: «Выдаст ли Темурбек Амира Хусейна в наши руки? Отдаст ли? Амир Хусейн должен заплатить за кровь моего младшего брата Кайкубада!»... Кайхусрав собрал большое войско... Сам скоро будет здесь. А этот парень, – Шодраван посмотрел на своего попутчика, – прибыл как посол.

Аббас бахадур посмотрел на молодого, рослого человека с пышными усами. Очень знакомое лицо... Где же он видел его?

Попутчик Шодравана наймана, улыбаясь молча смотрел на Аббаса бахадура, который вдруг воскликнул:

– Ахий Джаббар! Неужели это ты?! Родной мой!

– Аббас ога! Брат мой! – с волнением воскликнул молодой человек. – Да, это я! Я!

Старые знакомые – подданные самаркандского диковинного Царства ночи – крепко обнялись, радуясь встрече. Присутствующие удивленно смотрели на них.

Аббас бахадур любил и уважал Ахия Джаббара за смелость и добродушие. Совсем недавно, когда выбирали десятников и сотников, он почему-то вспомнил Ахия Джаббара и покойного Хасана корноухого, да, именно того, который, будучи одним из стражей Царства ночи, поймал на улице Каландархана в Самарканде самого Аббаса бахадура. Неплохо было бы, если бы все воины были такими молодцами. Именно такие достойны звания и тысячника, и амира...

Надеясь на удачу, муж уповал на Бога,

Не заботясь ни о пище, ни о шите, ни о чертогах,

Не имея ничего над головой и за душой.

Справедлив мой путь и не нужен иной. –

продекламировал Аббас бахадур. В Царстве ночи эти строки знали наизусть все. Для тех, кто выбрал путь справедливости, они стали гимном.

– Не забыли, Аббас ога, не забыли! – обрадовался Ахий Джаббар. – Сам Всевышний помог мне и направил сюда!

– Будешь служить в моем подразделении! – Аббас бахадур похлопал по плечу своего давнего друга.

– Дай Бог, господин бахадур, если угодно Аллаху! – поклонился Ахий Джаббар.

– Я должен срочно доложить Темурбеку эти радостные вести. Его Величество ждет с нетерпением. Вы устали с дороги... Аббас бахадур приказал одному из слуг: «Хорошенько обустройте этих молодцов! Они приехали издалека, пусть отдохнут».

Вдвое увеличилась радость Аббаса бахадура. Он был счастлив сообщить Темурбеку радостную весть. Услышав, Темурбек вспомнил свой сон. Нахлынувший ливень, Ходжентская река – это неисчислимые войска Шейха Мухаммада и Амира Кайхусрава! Как только они придут и соединятся с воинами Темурбека, войско сразу отправится в Балх и захватит крепость Хиндуван...

Весть о прибытии новых войск безмерно обрадовала всех амиров и бахадуров, будто приблизив победу. Испытанные в боях амиры и опытные воины понимали, что захватить балхскую крепость будет не так-то просто и неисчислимая рать весьма кстати.

Неожиданно произошло еще нечто знаменательное.

Разговоры сами по себе затихли. Амиры и военачальники окружающие Темурбека, обратили внимание, что он пристально смотрит на человека в мантии, идущего со стороны восхода солнца в двухстах шагах от сидящих. Незнакомец, одетый в белое, шел медленно и спокойно, в одной руке он держал флаг, в другой литавру, поблескивающую на солнце. Поразительно, Темурбек увидел человека и непроизвольно вздрогнул. Что это, нечистая сила, святой дух или ангел? Как мог он внезапно появиться в этом открытом поле, сливающимся с линией горизонта? Как будто вынырнул из-под земли или сошел с неба. Может он Ходжа Хизр, о котором идет молва в народе? Поговаривали, что святой Хизр появляется именно в таком белом облачении. А может, Темурбеку снится сон? Может, этот великолепный пир, амиры, гости – все это игра воображения? Сейчас он проснется и поймет, что это был сон...

Темурбек поспешно сомкнул веки.

Перед его глазами предстал образ отца, почтенного Амира Тарагая. Отец часто говорил, что сына вымолил у Аллаха, и каждый раз Темурбек чувствовал, как наполняется гордостью сердце Амира Тарагая... Затем всплыл в памяти образ любимой матери Текины Хатун. При встрече она всегда радостно целовала сына в обе щеки и хлопала его по плечу. О чем тогда болело материнское сердце? Темурбека охватила скорбь. Теперь, когда на его плечо опустилась птица счастья, и он готов принять бразды правления государством, рядом нет самых дорогих людей – отца и матери! Он знал, что это рай – иметь их рядом и жертвовать ради них даже собой, даря им сыновнее почтение и любовь... Вспомнилась старшая сестра Кутлуг Туркан ока. Бедняжка! Ласковая и сердечная, добрая и отзывчивая! Она была готова пожертвовать всем ради братишки! Раньше это было не так заметно, а теперь, когда Амир Тарагай и Текина Хатун ушли в мир иной, сестра и брат стали опорой друг другу. Темурбек очень уважал и лелеял свою сестру, а Кутлуг Туркан ока любила его безгранично... Окружающие искренне завидовали взаимоотношениям брата и сестры.

Все это в одно мгновение пронеслось в голове Темурбека. Внезапно он открыл глаза: это был не сон! Таинственный незнакомец в белом одеянии продолжал шествовать, медленно приближаясь к ним. Белизна его одежды была ослепительной на солнце, полы халата развевал ветер, словно лучи, и человек был окутан солнечным сиянием... Их разделяло около ста шагов.

Темурбек, не отрывая глаз, глядел на него, незаметно для себя привстав с места. Какая-то сверхъестественная сила притягивала к незнакомцу. Амиры и военачальники тоже привстали. Все взгляды были прикованы к тому человеку... Темурбек медленно спустился с возвышения и, по обыкновению, стараясь не показать свою хромоту, пошел навстречу человеку со знаменем и литаврой, шепча: «Это несомненно доброе предзнаменование внимания Всевышнего...».

Приближаясь, Темурбек увидел симпатичного мужчину среднего роста с большой белой чалмой на голове, один конец которой спал на левое плечо. У него было румяное округлое лицо, большие глаза... На вид ему было не более сорока, по крайней мере, густая борода была иссиня-черной. С этим ангелоподобным человеком Темурбек ранее никогда не встречался и ничего о нем не знал.

Таинственный человек остановился в нескольких шагах..

– Во имя Аллаха милостивого, милосердного, господин Темурбек! – звучно произнес он. – Да будет это угодно Аллаху! Аллах Вам защита и Ваш покровитель. Я дарю Вам этот флаг, дабы Ваши власть и мощь стали известными всему свету. Возьмите еще один мой дар – эту литавру, которая возвестит весь мир о Вашей славе! Эти символические дары станут знаками власти и царства! Всевидящий и Всемогущий Аллах послал меня, раба своего пиром¹ к Вам, к Сахибкирану. Мир Сайид Барака, Ваш покорный слуга, является подданным священной Мекки. Хвала Аллаху, Господу миров!

Мир Сайид Барака, всеми уважаемый и влиятельный из людей священной Мекки, сумевший усмирить в себе гордыню, людские страсти испытаниями и воздержанием, был выдающимся учёным своей эпохи. Он никого не извещал о своем приезде и не давал никому никаких обещаний. Темурбек только потом понял, что его приход был знаменательным, предназначенным самим Богом и станет жизнеутверждающим событием в его жизни. Однако сейчас Темурбек замер от изумления.

¹ Пир – духовный наставник.

Мир Сайид Барака, улыбаясь, распростер руки, чтобы обнять Темурбека. Люди, чувствуя, что происходит что-то необычное, окружили их со всех сторон. Темурбек поклонился Мир Сайиду Бараке, поцеловав полы его одежды. Выпрямившись, взял из рук потомка Сайидов¹ медную литавру из львиной кожи и темно-голубой флаг, и все это передал в руки Джахангира Мирзы, проворно подбежавшего к ним. Амиры восприняли это как знамение. На флаге ярко выделялись три кольца серого цвета.

Темурбек внимательно смотрел на Мир Сайида Барака, благородное лицо которого будто светилось, и произнес:

– Пир мой!..

Этих двух слов было достаточно. Мир Сайид Барака и Темурбек еще раз обнялись. Глаза Темурбека увлажнились, на душе стало легко, он всегда следовал заветам наставника своего отца Шейха Шамсиддина Кулала. Но недавно тот покинул этот бранный мир. И сейчас Темурбеку нужна была духовная опора, он понял, что Всезнающий послал ему наставника! Теперь он будет следовать мудрым наставлениям Мир Сайида Бараки.

– Благодаря щедрости и милости Аллаха, я удостоен прибыть в эти края, – сказал Мир Сайид Барака. – Сие есть истина... Вдохновение, посланное мне Творцом, не позволяет молчать моему грешному языку. Воля Создателя мира такова, что вы, Сахибкиран, под этим флагом будете мчаться на скакуне по просторам мира! И он станет Вашим! Вы достигнете власти и богатства, вернее, власть и богатство пребудут с Вами! Не власть Вас возвеличит, но сама станет великой благодаря Вам. Вы удостоены такой участи – повелевать, и вы заслуживаете величайшей власти, достойны править миром!

Темурбек, амиры и военачальники внимательно слушали речи этого праведного человека. Они погрузились в безмолвие, особенно после слова “сахибкиран”, ведь раньше они не слышали его. Мир Сайид Барака продолжал:

– Ваше Величество, когда Вы родились, Вы были облагодетельствованы Божьей милостью. Планеты Юпитер и Марс находились в противостоянии. Сие есть истина, Юпитер – планета удачи и счастья, побед и торжеств. Марс – символ мощи и славы. Вы появились на свет в момент встречи этих двух планет. Поэтому вы являетесь Сахибкираном. И Ваша судьба сложится так, что, уничтожив врагов, вы станете повелевать великой державой, и удача и счастье, победа и слава станут сопутствовать ей, т.к. Вы станете ее опорой и славой. Так угодно Аллаху, ибо вы – Сахибкиран – рождены при счастливом расположении планет, под счастливой звездой!..

Мир Сайид Барака умолк и, предавшись своим мыслям, поглядел вдаль, будто видел будущее. Услышав слова пира, Темурбек почувствовал, что Аллах вселил в его душу несравненное вдохновение! А вокруг стали перешептываться:

– Какой великий человек! Вай-вай! Какие предсказания!

– Какое доброе благословение наших начинаний!

– Он, видать, искусный оратор...

– Нашего амира зовут оказывается Сахибкираном...

– Уразумели смысл этого слова?

– Да-да, уразумел. Впервые слышу. Какое значимое слово!

– Это Божья милость...

– Замолчи! Сайидзаде говорит!

Не сводя глаз с Темурбека, Мир Сайид Барака продолжал:

– Сахибкиран! На свете было много знаменитых царей и правителей: Искандар Зулкарнайн², Чингисхан... С древних времен завоевывать и покорять мир означало стать джахангиром, и это было мечтой и целью жизни многих. Владыки Хоросана и Турана, Китая и Индии, Персии и Египта прибавляли к своему имени слово «джахангир», но не всегда они были способны оправдать его. Темурбек! Рабы божьи должны быть счастливыми, жить в мире и спокойствии. Единственный путь к этому во всем мире – это овладеть миром, то бишь стать джахангиром³! Войны, от которых устали люди разных наций и стран, тяжелое положение в улусах в здешних землях, беззастенчивое угнетение простых людей, жадность завоевателей и разбойников – все это можно устранить только справедливостью царствования. Темурбек, вы возьмете бразды власти в свои руки и с

¹ Сайид – почетное звание потомков Мухаммада.

² Так называли на Востоке Александра Македонского, что означает Александр Двурогий.

³ Джахангир – властелин мира.

Божьей помощью избавите людей от тирании, осчастливите и защитите их от извергов. По воле Аллаха, вывести людей из мрака заблуждений, из вечной темноты невежества на светлый путь радости будет для всех бесценной наградой!

Темурбек застыл в изумлении! Первым, кто назвал его «сахибкираном», был Шейх Шамсиддин Кулал. Это случилось десять лет назад, но Темурбек до сих пор никому ни словом не обмолвился об этом. Видимо, теперь наступило время объявиться этому таинственному слову...

Вдруг ему вспомнилось, как он когда-то в Кеше навешал известного святого Баба Али Шаха. Когда Темурбек сетовал на разрозненность туркестанских амиров, отсутствие единства, святой отец успокаивал его: «Есть повеление милостивого Аллаха: если на небе будет два бога, на белом свете все расстроится!». Темурбек размышлял над этими словами. Получалось, что на весь мир достаточно одного царя, второй будет лишним. Потом Баба Али Шах прочитал в Коране следующий стих: «Инна жаалнока халифатан фил арз...» что означало: «Мы сделали вас халифом – своим заместителем на Земле». Да-а, честь и хвала вечному Творцу!

Страдания, испытания и трудности, которые выпадут на его долю при завоевании мира в будущем и сопутствующая этому слава владыки – вот о чем размышлял Темурбек. Он таил эти мысли в глубине души, стремясь к власти. Возможно, это действительно единственный путь к счастью людей. Воцарится мир и спокойствие во всем мире, ведь им будет править один справедливый владыка. Мир Сайид Барака как будто угадал его тайные мысли. Невероятное совпадение! Выходит, намерения Темурбека величественны и справедливы...

– Сахибкиран! По милости Аллаха я хотел бы стать не только Вашим духовным наставником, сие есть истина, но и искренним другом и братом! Станьте мне другом на всю жизнь! Хвала Аллаху, Господу миров!

Темурбек был счастлив, услышав такие слова от потомка пророка, он поклонился и поцеловал руку Мир Сайида Бараки.

– Благодарен Вам, пир мой! Тысячу раз спасибо! Своими золотыми словами вы настежь открыли семь ворот великодушия и щедрости души! Ваши слова пленили мое сердце. Благие помыслы ваши и искреннее желание Вашей дружбы я приму от чистого сердца!

– Слава Аллаху, Сахибкиран! Вы порадовали меня! – прослезившись, воскликнул Мир Сайид Барака. Темурбек обнял своего нового духовного наставника. Затем, обратился к людям:

– Мои дорогие амиры! Мои верные военачальники! Аллах ниспослал нам удачу! Знайте же, что отныне предводитель Саййидов наиизвестнейший ученый Мир Сайид Барака – мой духовный наставник и самый искренний друг и брат!

– Да благословит Аллах его жизнь! Слава!

– Слава!.. Слава!.. – прокричали амиры и военачальники.

– Темурбек! – воскликнул Амир Жаку барлас. – Получивший благословение великого человека в знаменательный день улуса, без всякого сомнения достигнет желаемого. Аллах милостив, мы все достигнем своей цели!

– Достигнем! Бог даст! Достигнем цели! – всех радовала встреча Сахибкирана с новым духовным наставником.

Над станом прокатились крики торжества и вернулись издалека многократно усиленные эхом.

Темурбек пригласил Мир Сайида Бараку к трапезе. Джахангиру Мирзе приказал установить над шатром темно-голубое знамя, подаренное духовным отцом, а литавру повесить над дверью. «Даст Бог, эти реликвии станут символами нашей державы», – подумал Темурбек.

Амиры и военачальники, обсуждая неожиданную встречу, признали, что на их глазах произошло знаменательное таинство, но их мучил вопрос: откуда незнакомый доселе духовный отец так много знал о Темурбеке?

– Та-ак-с, – слегка кашлянув, сказал Амир Сайфиддин некуз Суюргатмиш оглану. – Год наступил благоприятный, не так ли?

И он многозначительно улыбнулся Амиру Сайфиддину некузу. Слово «барака» означает «изобилие», другое значение – имя человека: Мир Сайид Барака.

– Да-да, изобильный год наступил, изобильный! – подтвердил Суюргатмиш оглан, давая понять, что уловил игру слов.

Амиры радовались наступлению изобильного года, даже не предполагая, что не только год, но и вся жизнь Сахибкирана отныне будет изобильной и богатой.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I

Еще до наступления сумерек два всадника стрелой промчались через Ходжи Укаши, настезь открытые восточные ворота города Балх. Улицы были пустынными, жители попрятались в домах. Город словно вымер. О том, что здесь есть кто-то живой, напоминал лишь залихватский лай собак, которым они встретили и еще долго провожали гостей. Всадники свернули на Чорсу, торопясь войти в крепость Хиндуван еще до наступления темноты.

Крепость, построенная на возвышении в северной части города, издавна служила надежным убежищем для ханов Балха, но со времен Чингисхана превратилась в руины. Два года назад здесь были начаты большие восстановительные работы. Амир Хусейн повелел собрать налог с населения, мобилизовал подданных и воинов для восстановления стен и рвов вокруг крепости. Это случилось как раз в тот год, когда послушавшиеся его приказов амиры Пулад и Акбуга ясури, своевольно присвоили город Кабул. Тогда Амир Хусейн и Темурбек, пройдя через перевал Хиндукуш, напали на взбунтовавшихся амиров, взяли их в плен и Хусейн поделился с Темурбеком: «Я почитаю Балх главным из всех городов и хочу его превратить в столицу... Благоустроим крепость Хиндуван...»

Чтобы убедиться в серьезности намерений Амира Хусейна, Темурбек спросил:

– Хотите оставить Салисарай?

– Почему же? Салисарай тоже мой. Однако мой дед, Его Величество Амир Казаган, всегда почитал Балх как столицу. Говорят, Хиндуван некогда был внушительной крепостью, рвы были очень глубокими, а минареты кургана подпирали небо. Я задумал это, чтобы задобрить святой дух деда!

Не по душе это пришлось Темурбеку, и он поспешил возразить:

– Хусейнбек! Вы хорошо знаете историю вашего дяди Амира Абдуллаха ибн Амира Казагана. Чтобы сделать Самарканд своей родиной, он перенес сюда столицу из Салисарая, хотя верные ему амиры советовали другое. Они говорили, что оставлять свою родину и жить в другом месте – наипаснейшее дело, ибо, если что-нибудь случится, чужие люди не помогут, будут только безмолвно наблюдать. К чему повторять ошибки предков? Потом сожалеть будет бесполезно.

Амир Хусейн промолчал. Он понял, что Темурбек дает ему добрый совет, но не мог поступиться своим решением. В дальнейшем Балх стал резиденцией Амира Хусейна, властителя Турана.

Увидев издали людей, прищипывающих своих лошадей, Амир Халил, приземистый, крепкого телосложения комендант крепости, одетый в кольчугу крикнул:

– Даже муха не должна пролететь! Ты меня понял, привратник? Закрой ворота, да побыстрей!

– Понял, мой амир, понял! – пробормотал привратник, торопливо закрывая тяжелые расписные ворота. Его звали Саттаркул. – Не дурак ведь, чтобы не понять! Только открыл, а теперь закрой... Открой, закрой... закрой, открой... Вот мирские дела.

Мирские дела, по мнению пятидесятилетнего Саттаркула-привратника, заключались в том, чтоб открывать и закрывать эти ворота. Открываешь ворота – жизнь продолжается, закрываешь – все останавливается. Все зависит от Саттаркула-привратника и его ворот... Если он не открывает ворота, то в крепость не попадут не только амиры, но и ханы. Да-а, все в руках Саттаркула-привратника.

Он не успел запереть ворота, к которым задыхаясь от усталости подсакали два всадника. Один из всадников, кажется, был влиятельным человеком и, чтобы услышали его стражи крепости, громко сказал своему попутчику:

– Прикажи! Пусть откроют ворота! Важные вести для Высокочтимого Поднебесного владыки!

Второй всадник – молодой человек лет двадцати пяти, по имени Тармачук – крикнул с угрозой:

– Откройте ворота! Эй! Кто там наверху?.. Что это такое, стража спит что ли?!

Ответа не последовало. От потных коней клубами валил пар.

По народному поверью, если в свои последние дни зима озлится, то морозы могут продолжаться долго. И действительно, пришел Навруз, а на дворе морозы.

– Понятно... – проговорил первый всадник. Но в это время сверху послышался голос:

– Что говорят, когда подходят к закрытым воротам?

Всадники переглянулись, а сверху опять последовал вопрос:

– Что такое урон? Расскажите об уроне! Об уроне!

Первый всадник знал пароль урон, но иногда стражу тоже проверять не мешает и промолчал.

– Поняли...

Неожиданно со стороны старого города послышался громкий лай собак.

Первый всадник крикнул Тармачуку, чтобы он спросил: «Есть ли индеец в Хиндуване».

Тот звонко произнес таинственные слова.

– Ясно! – послышался ответ. – Кто вы такие? Откуда вы, из каких краев?

– Божьей милостью, правитель Карши господин Амир Муса, один из самых верных приближенных султана-султанов счастливой эпохи Его высокопревосходительства Амира Хусейна! – быстро ответил Тармачук.

– Все еще жив, Муса? – сказал Амир Халил с высоты, узнав голос старого друга.

– Что же, Халил, ты забыл про свое обещание? – ответил Амир Муса вопросом на вопрос. Закадычные друзья постоянно подшучивали друг над другом. – Сначала умрешь ты, кто похоронит тебя, если не я? А потом уже и мой черед...

Раздался раскатистый громкий смех, заставивший даже собак примолкнуть. Комендант приказал Саттаркулу-привратнику открыть ворота.

– Только закрыл, теперь опять открывать... – проворчал про себя Саттаркул. – Открой, закрой... Закрой, открой... Вот мирские дела.

Ворота отворились. Войдя в крепость, Амир Муса увидел, что она полна воинов и про себя заключил: «До Амира Хусейна дошла все-таки весть, что Темурбек идет на него войной... Хитрец, большой хитрец, и лазутчиков у него много...».

Он велел Тармачуку остаться с привратником, а сам с Амиром Халилом направился ко дворцу хана.

II

Скоро опустилась тьма, в которой невозможно было различить друг друга. До дворца было недалеко. На углу висел фонарь, но от него почти не было проку, он едва освещал дорогу. Два амира, весело смеявшиеся только что, теперь шли молча, погружившись в свои мысли. Амир Халил проронил: «Успел приехать к Наврузу, Муса». Амир Муса молча кивнул головой.

Приблизившись ко дворцу, они увидели у ворот толпу людей. В полумраке Амир Муса понял, что это, оказывается, не воины, а простолюдины. В темноте трудно было разобрать, что происходит, стоял гвалт. Амир Муса прислушался к голосам из толпы:

– Пусть нас отпустят!

– В чем мы повинны?

– Никому ничего плохого не сделали, чего нам бояться?

– Сжальтесь! Да возблагодарит вас за это Бог!

– Дай Бог вам многие лета!

– Пропустите нас!

Охранники старались успокоить людей, разогнать толпу. Амир Халил объяснил Амиру Мусе, который удивленно наблюдал за происходящим.

– Был издан высочайший указ о переселении жителей старого города в крепость, дабы они не погибли при вражеском налете. Несмотря на это, многие остались в своих домах. Это повеление Хусейнбека. Люди не могут понять этого и твердят о своем: «Домой, домой!».

Амиру Мусе только теперь стало ясно, почему так безлюдны улицы Балха. Амиры сквозь толпу добрались к роскошным двустворчатым воротам дворца, у которых два напыщенных есаула преградили им путь. Узнав, что это гости, уважаемые амиры, они сразу пропустили их. Им пришлось пройти еще девять таких постов. Каждый из них передавал следующему имя влиятельного амира.

– Его Величество приглашает вас в гостиную... – сообщил наконец девятый есаул.

Амиры вошли в зал, в котором звучала музыка, по углам мерцали свечи. На почетном месте сидели хан Адил Султан, Амир Хусейн и амир Хиндушах в окружении амиров из Кундуза, Архангсарая, Боглана и Толикана.

Амир Хусейн на радостях встал и пошел навстречу Амиру Мусе.

– Родной мой, мой брат! – воскликнул Амир Хусейн хриплым голосом, раскрывая свои объятия. – Заставляете нас скучать по вам!

Правитель Мавераннахра обнял Амира Мусу, при этом тот заметил, что повелитель был сильно пьян. Взяв гостя за руку, он усадил его рядом, радостно повторяя:

– Добро пожаловать! Добро пожаловать!

Недаром он назвал Амира Мусу «родственником». Сараймулькханум, жена Амира Хусейна, была дочерью старшей сестры Амира Мусы, то есть его племянницей.

Амир Муса, осмотревшись, заметил, что собравшиеся не так радушны как хозяин. В действиях Амира Хусейна чувствовалась нерешительность, он напоминал человека, попавшего в безвыходное положение. Какой-то поникший, в глазах нет огня... «Следует поднять настроение повелителю, это я сейчас и сделаю, – подумал Амир Муса и насмешливо улыбнулся. – Я сейчас такое скажу, что душа в пятки уйдет!».

– С какими вестями пришли, амир? – спросил Амир Хусейн, вытирая круглое мясистое лицо платком и прищурившись глядя на Амира Мусу. Потом, заметив нерешительность гостя, успокоил его:

– Можете не опасаться, здесь все свои...

– Поняли... Хусейнбек, положение не очень благоприятное... – начал он. – Темурбек замыслил недоброе. По всему видно, что он злейший враг. Собрав войско, он планирует встретиться с вами лицом к лицу. Сидя с амирами, он назвал мир сундуком, наполненным человекоподобными змеями и скорпионами. Очевидно, что, когда он говорил это, имел в виду вас, потому что в тот момент разговор шел о вас, государь! Все так и поняли, да-да! Другие амиры не говорили так плохо, все начал он, Темурбек. Подстрекая амиров на поход... «Я сам накажу его как следует», – говорил он, бахвалился много раз...

– Та-а-а! Меня он хочет наказать? Меня? Султана Турана? – Амир Хусейн от ярости за метался. Его мясистое лицо начало дергаться. – Ага-а-а! Говорите! Говорите же! Что еще? Никто не смел шелохнуться.

– Прошу прощения, Ваше величество, если скажу не то... – растерялся Амир Муса...

– Говорите! Продолжайте! Нам необходимо знать обо всем!

– Вашего покорного слугу он назначил военачальником... – продолжал Амир Муса. – Но я подумал: «Неужели я против своего амира пойду, когда мой повелитель ждет меня!». Вот такие намерения у Темурбека. Я счел своим долгом все это немедленно донести до вашего сиятельства. Улучив момент, ночью в Хузаре, я сделал вид, что убежал в Самарканд, а на самом деле повернул на дорогу, ведущую в сторону Балха, к вам. Его люди везде рыщут. Чего только я не повидал на своем пути! Ехал ночью, а днем, спрятавшись от людей, отсиживался в укромных углах...

– Э-э-э, к чему все эти ваши подробности! – крикнул Амир Хусейн. – Говорите о Темурбеке! Где он сейчас? Темурбек где?

– Темурбек с большим войском сейчас приблизительно в Термезе... – спокойно ответил Амир Муса, будто не замечая нервозности повелителя. – Все преданные ему амиры с ним. Военачальники ждут-не дожудтся высочайшего повеления... Велел пригласить Шейха Мухаммада Баян сулдуза, уехавшего в Отрар. Послал гонца на Алай за Амиром Кайхусравом, который давно на вас зуб имеет. Он объединяет всех против вас. Темурбек вскочил на коня, имя которому «ярость». «По законам шариата я строго накажу Амира Хусейна, который стал на путь вражды, он смутяня, заговорщик, поэтому убрать его с дороги значит совершить благое дело!», – объявил он. Ваше сиятельство, я только теперь узнал, как он ненавидит вас... Если в мире и есть у него враг, то это вы. Вы...

– Заткнись!!! – не сдержавшись, закричал Амир Хусейн. – Замолчи! Надеешься на свой подвешенный поганый язык, что ли?!

Все замерли. Амир Халил пришел в ужас. Амир Хиндушах пытался было что-то сказать, но промолчал. Амир Муса не решался поднять свои выпуклые рыбы глаза, чтобы взглянуть на сидевших. Внимательный человек смог бы заметить его самодовольную ухмылку.

Амир Хусейн пришел в дикую ярость! Именно этого и добивался Амир Муса. Сейчас самый злейший в мире его враг – Темурбек! Теперь он делает все, чтобы уничтожить его, а Темурбек хочет убрать Амира Хусейна. Отлично! Это и есть главный его, Амира Мусы, замысел, цель его жизни! В Туране сейчас два влиятельнейших амира – Амир Хусейн и Амир Темур, и Амир Муса ненавидел их обоих! Вот и появилась возможность убрать их с дороги!

Разве Амир Муса сам не сможет управлять страной? Претендуют же на трон Амир Хусейн и Темурбек? Один – внук Амира Казагана, а другой – сын бека из барласского племени. Оба не из ханского рода. Амир Муса тоже важная птица: он потомок одного из беков племени Тойживут, представитель знаменитого рода. Жаль, что его отец, как отец племянницы Сараймульханум, не был из ханов Чингизидов, тогда и его считали бы ханским отпрыском, и трон хана точно был бы его.

В это время неожиданно трижды содрогнулась земля. Свечи закачались, усиливая ужас. Амиру Мусе почудилось, что земля вздрогнула от ярости Амира Хусейна... Все повскакивали с мест. Началась паника.

– Аллах един, Мухаммад – его посланник! – растерянно стал читать молитву Амир Муса. – «Ла хавла вала куввата!».¹

Он стремительно ринулся к двери, настежь открывшейся от толчков земли. Амир Халил и Амир Хиндушах поспешили помочь Его сиятельству. Амир Хусейн, пошатываясь, торопливо вышел из гостиной, заботясь лишь о себе. Другие тоже засуетились, стараясь выбежать на улицу, спастись. Среди всеобщей суматохи и шума слышались вопли и стоны женщин из гарема, выбегающих из своих комнат.

У Амира Мусы мелькнула мысль, что это не землетрясение, это пошатнулось обреченное царство Амира Хусейна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Переход через термезскую речную переправу был трудным из-за поднявшейся в реке воды. Крепость Урбуз, к которой подошли войска, была расположена в пяти фарсах на берегу притока реки Балхоб Дарай Гез. Здесь Темурбек объявил ханом Турана одного из своих преданных друзей, Суюргатмиш оглан ибн Донишмандчахана и отправил с этой новостью гонцов в разные города. Амиры и военачальники радостно кричали:

– Теперь у нас есть хан! У нас есть свой хан! Свой хан!

– Служим своему хану! Да будет он благословенен!

Хотя по обычаю со времен Чингизхана ханом в Туране провозглашался непременно представитель этой династии, начиная со второй половины четырнадцатого века все изменилось: теперь титул «хан» стал номинальным. Первый шаг предпринял Амир Казаган, которому хотелось захватить бразды правления ханством у чингизидов.

Суюргатмиш оглан сильно разволновался, когда Темурбек после собрания амиров предложил ему стать ханом – ханом Турана! Повелитель земли Турана! Среднего роста сухощавому, энергичному Суюргатмиш оглану было лет сорок. Будучи скромным человеком, он никогда не кичился своим высоким происхождением. Темурбек вспомнил, как пять лет назад они вместе с Амиром Хусейном вытащили Кобушаха-виршеплета из мира отшельников и выдвинули ханом. Стихи его в народе передавались из уст в уста. Потом Амир Хусейн, не советуясь с Темурбеком, назначил ханом Адил Султана, который по сей день «правил» Тураном. Теперь же весть о выдвижении ханом Суюргатмиша оглана станет развязкой многих создавшихся проблем, тугих узлов. Это означало, что отныне не существует правительства Амира Хусейна. С другой стороны, войну против Амира Хусейна ведет не сам Темурбек, потому что, каким бы влиятельным человеком он ни был, он лишь один из амиров и только. А настоящим ханом в стране является теперь Суюргатмиш оглан.

Суюргатмиш оглан хорошо понимал, на каких условиях он становится ханом, что без ведома Сахибкирана он не сделает ни шагу, и, скорее всего, так и останется его слугой. Но он и за это был благодарен. Вон сколько амиров Чингизидов ходят без короны, никто их не назначает. А Темурбек посчитал его достойным престола. Суюргатмиш оглан осознавал, что должен это ценить.

– Не только я, а всем своим родом будем служить вам, Сахибкиран, Покровитель мира! – Суюргатмиш оглан поклонился и поцеловал руку Темурбека.

– Смутьян Амир Хусейн провозгласил своей столицей город Балх, принадлежащий нашему салтанату, видно, не может он отказаться от притязаний на власть! – уважительно обратился Темурбек к Суюргатмишхану. – Надобно проучить его, Ваше величество.

– Несомненно, Повелитель мира, вы совершенно правы! – подтвердил хан.

¹ Выражение означает: "О, боже! Только ты мне опора!"

Военачальники и амиры были довольны происходящим. Землетрясение в день Навруза ошеломило Амира Хусейна, но выдвижение Суюргатмиш оглана ханом, оказалось еще более сильным ударом. Амир Сайфиддин некуз, поздравляя Суюргатмишхана, намекнул на свою дружескую симпатию:

– Ваше величество! Та-ак... Да будет благословенно ваше ханство! Новый год идет с изобилием... изобильным... Что скажете?

– Поистине изобильным, господин амир! Слава Аллаху! – благодарно улыбнулся Суюргатмишхан. – Все это благодаря Сахибкирану...

Пять дней назад один из уважаемых амиров, Амир Улжайту, прибыл со своим войском из Кундуза, подтвердив тем самым чистоту своих намерений и полное согласие с действиями Темурбека. Хаким Шибиргана Зиндачашм опарди со своим войском тоже перешел на сторону Темурбека. Это были радостные вести. Войска Шейха Мухаммад Баяна сулдуза и Амира Кайхусрава и другие полководцы с нетерпением ждали высочайшего повеления.

Темурбек медленно обходил войска, обозначая их месторасположение. Проверил одно за другим все подразделения: хировул – авангард, чоповул – войско, предназначенное для атаки, внезапного нападения, кол – аррьергард, калб – центр войска, барангар – правое крыло, жавангар – левое крыло, чанах – небольшое, так называемое маленькое крыло. Сахибкиран был удовлетворен боевым настроением воинов.

Хвала Аллаху, Господу миров! Пусть победа будет за вами! Аллах велик! – благословил Мир Сайид Барака.

«Аллах велик! Аллах велик!» – подхватили тысячи голосов.

Им предстояло идти на город Балх.

Неисчислимая рать Темурбека вошла в Балх, не встретив сопротивления, и окружила крепость Хиндуван. Внезапно послышалась дробь барабана из львиной шкуры, подаренного Темурбеку духовным отцом. Затрубили карнаи. Громкие крики полководцев и нестройные возгласы воинов, топот и ржанье коней оглушали людей. Началась подготовка к бою.

Шум и гвалт доносились и из крепости Хиндуван – воины Амира Хусейна были готовы к бою. Амир Халил рывкнул на привратника Саттаркула:

– Чего разинул рот? Открывай ворота!

– Вчера закрыл, сегодня открою, – проворчал Саттаркул-привратник, суетливо растворяя ворота. Казалось, он не понимал, что происходит. – Открой, закрой... Закрой, открой...

Едва ворота распахнулись, конница и пехота Амира Хиндушаха и Амира Халила под громкие звуки карнаев вылетела за пределы крепости и столкнулась с войском Темурбека. К ним присоединились еще четыре подразделения и все смешалось в беспощадной схватке. Сражение разгоралось.

Темурбек установил шатер на высоком холме около старого города вдали от крепости. От Хумаюн урду¹ до Хиндувана поле боя было как на ладони.

Неожиданно перед воинами появился Мир Сайид Барака, ударяя в бубен из львиной кожи, он прокричал:

– За Аллаха, за Родину, за Повелителя!

«В будущем эти слова станут девизом воинов», – подумал Темурбек, испытывая чувство благодарности к своему духовному наставнику.

Этот призыв мгновенно прокатился среди сражающихся и усилился многократным эхом:

– За Аллаха, за Родину, за Повелителя!

– За Аллаха, за Родину, за Повелителя!

Окрыленное, нетерпеливое войско Турана ринулось в бой!

Началось сражение.

Согласно правилам ведения боя вначале обе стороны пускали стрелы. Затем сражались копьями. Амир Жаку барлас бился поодаль от Джахангира Мирзы. Старейший среди амиров, он, глядя на любимого сына Сахибкирана, радовался за него. Джахангир Мирза приходился внуком Амиру Жаку барласу, он был сыном рано ушедшей дочери Турмиш оки. Принц глубоко чтит его, называя дедом. Амир всегда издали наблюдал за внуком.

¹ Хумаюн урду – августейшая царственная резиденция Темурбека.

Вот и сейчас Джахангир Мирза бился, как лев, с юношеским задором и отвагой. Темурбек не одобрял, когда полководец сам участвовал в сражении, так как с ним могло случиться несчастье, тогда войско останется без предводителя, оказавшись еще и бесславно опороченным. И это откроет врагу путь к победе. У умного полководца воины и сами чувствуют себя уверенно на поле брани, а если же предводитель и вступит в бой, то, по возможности, он должен быть осторожным и не допускать оплошностей.

Джахангир Мирза хорошо знал о строгих правилах, но в разгар боя забыл про все, участвуя в битве, он лицом к лицу сошелся с врагом. Возможности сражаться копьём на поле боя не было, а принц именно в этом виде боевого искусства снискал себе славу. Ему пришлось сражаться саблей, а противников не становилось меньше, они то оттесняли его, то отступали сами. Джахангир Мирза направо и налево рубил и крушил врагов. Амир Жаку барлас беспокоился, что его внук останется один в окружении врагов. В толпе он крикнул Амиру Сарибуга жалайиру:

– Иду на подмогу Джахангиру Мирзе! Сейчас он во власти юношеского азарта!

– И я с вами! Вам одному будет тяжело, господин амир, не могу вас одного отпустить, будем оберегать его с двух сторон! Здесь же может справиться и один Амир Муайяд арлат! – ответил Амир Сарибуга жалайир, имевший тонкий голос, но мужественный нрав.

– Идите! Идите! Надо беречь его и от шальной стрелы, и от проклятого врага! – одобрил Амир Муайяд арлат, не спуская глаз с врагов.

Два амира, повернув коней в сторону Джахангира Мирзы, стали пробираться сквозь толпу сражающихся.

Оказываясь, кто-то уже успел прийти на помощь принцу. Один из нукеров защищал Джахангира Мирзу, ловко, проворно преграждая путь замахнувшемуся саблей врагу, незнакомец бился не щадя себя. У принца как будто выросли крылья. Он ударил саблей по колчану со стрелами на плече своего врага. Срезанные стрелы веером рассыпались в разные стороны. Увидев это, Амир Халил разозлился и направил туда своего коня. Принц заметил его еще издали и, когда тот подъехал к нему вплотную, улучив момент, саблей рассек голову его коня! Конь зашатался, а Амир Халил, соскочив, скрылся в толпе сражающихся.

Темурбек наблюдал за общей картиной боя, не упуская из виду Джахангира Мирзу. Было непостижимым, что принц оказался в самом центре сражения. Но его отвага и бесстрашие, несмотря на молодость и неопытность, радовали сердце Темурбека.

– Джахангир Мирза тоже в гуще боя!.. – тихо и гордо, со шепчущим сердцем сказал Темурбек Мир Сайиду Бараке и одному из термезских саййидов Абульмаоли Термези. – Рядом с ним кто-то бьется, не щадя себя. Кто же это из моих амиров?

Боже, упаси! Ну разве не нашлось других бойцов, кроме него, достойных принять участие в сражении? – с досадой произнес Абульмаолий Термези. – О, боже!

Сие есть истина! Возможно, юношеский задор, пыл толкнули его на поле боя – сказал Мир Сайид Барака, в душе поддерживая порыв Джахангира Мирзы. – Он порывист и храбр. У опытного толкового учителя такой же ученик!

Наблюдая за сыном, Темурбек вспоминал.

Когда родился Джахангир Мирза, Темурбек, от расприравшей его радости не зная, куда себя девать, сел на самого быстрого коня и помчался куда глаза глядят. Расслабив поводья, предоставил коню самому выбирать дорогу и стегнул его плеткой: и он, и конь будто летели в открытой степи. Кругом алели маки, цвели пестрые полевые цветы, и казалось, что все это мчится вместе с ним. Только степь сумела вместить безмерную радость Темурбека. Взмыленный конь лишился сил. Утомленный быстрой ездой Темурбек соскользнул на землю. Свежая зелень травы волновалась от ветра, лаская его колени. Он отпустил коня и лег в густую траву, как на бархатный ковер, предоставленный Богом. Темурбек чувствовал тепло и ласку земли. Небо было прозрачным, ни одного облачка. Он смотрел в небо, и глаза его незаметно сомкнулись от усталости... Проснувшись, он почувствовал себя удивительно легко. Поспешно вскочив на коня, помчался в Кеш. Он навестил отца и Шейха Шамсиддина Кулала. Пир поздравил Амира Тарагая с внуком, Темурбека – с сыном. Нарекли младенца Джахангир, что означало «властелин мира». – Темурбек, пусть он будет счастливым началом в твоих стремлениях к победе. Аллах Велик! – благословил его духовный отец. Темурбеку тогда едва исполнилось двадцать лет...

Мир Сайид Барака заметил, как вдруг изменилось лицо Темурбека. Сахибкиран молча хмуро вглядывался в битву. Мир Сайид Барака проследил его взгляд...

Темурбек непроизвольно вскочил с места...

Джахангир Мирза бился самоотверженно, но вдруг шальная стрела вонзилась в его ногу, и принц склонился в седле. Молодой человек, который дрался рядом, быстро взял поводья коня принца и стал пробиваться прочь с поля боя. К ним подъехали Амир Жаку барлас и Амир Сарибуг жалайир.

– Здоров ли, невредим ли, мой принц? – с тяжелым сердцем спросил Амир Жаку барлас у Джахангира Мирзы. – Сильно ранен?

– Не так уж, дедушка... – постарался улыбнуться Джахангир Мирза.

– Давайте, попробуем ее вытащить! – предложил Амир Сарибуг жалайир, глядя на ногу принца. – Вонзилась-то как...

– Стрела пробила ногу насквозь... – объяснил принц.

– Нет, амир! Мы не сможем стрелу вытащить! Можем искалечить ногу... – сказал Амир Жаку барлас и обратился к молодому человеку.

– Кто же ты, бахадур?

Молодой человек почувствовал себя неловко и смущенно ответил:

– Я ... я не бахадур... я Ахий Джаббар! Из отряда господина Аббаса бахадура. Они послали меня помогать принцу...

– Быстро к лекарю! Вон туда, в сторону шатра! Он безболезненно извлечет стрелу из раны! Потерпите, мой принц! – обратился Амир Жаку барлас к Джахангиру Мирзе.

– Вы идите с ними, мой амир! – сказал Амир Сарибуг жалайир. – Я останусь здесь, проучу этих подлецов! Вот и Аббас бахадур подоспел. Вперед, в бой, дадим взбучку этим негодьям!

Оба, повернув коней, примкнули сражающимся.

Амир Жаку барлас осторожно засунул руку под седло и притянул коня к себе. Ахий Джаббар изо всех сил старался заставить коня идти шагом, чтобы было не так больно принцу при сильных толчках, но медлить было нельзя.

Намазходжа Шаши, личный лекарь Темурбека, был очень опытным. Этого добродушного человека никогда не видели рассерженным или чем-нибудь недовольным. Он был медлителен в движениях, сдержан, замкнут. И когда принца доставили к нему, лекарь быстро срезал сапог на ноге Джахангира Мирзы, освободив ее. Сапог был наполнен кровью, которая, не останавливаясь сочилась из раны. Очень сложно извлекать стрелу, насквозь пробившую кость ноги, острый конец может разорвать сухожилие. Намазходжа Шаший велел раскалить на огне шомпол – железный прут – и принести острую саблю. Амир Жаку барлас протянул купленную недавно в Шибиргане острую саблю. Ахий Джаббар подумал, неужели ногу отрежут, и со шемящим сердцем стал следить за лекарем. Намазходжа Шаши саблей осторожно вырезал острый конец стрелы из ступни. Бережно вытащив стрелу из ноги, он тут же раскаленным железом проткнул это место насквозь... Железо, прижигая свежую рану, проскользнуло сквозь ступню! Кровь перестала хлестать, а Намазходжа Шаши обработал рану бальзамом...

Мужество не покидало принца. В свои четырнадцать лет, преодолевая боль, сжав зубы, он не издал ни звука... Юноша держался изо всех сил, зная, что его достойный отец в этот момент находясь где-то рядом наблюдает за ним и переживает. Это и придавало ему сил, и смущало его.

Амир Жаку барлас отметил про себя: «Дети властителей рано взрослеют. Вот Джахангир Мирза вырос, достиг совершенства. Дай бог ему долгую жизнь. Он – опора Темурбеку, нескончаемая радость, сила и надежда, его мощь!» Вдруг он всхлипнул от жалости к подростку и от гордости за него. Слеза потекла по его сплюснутому ударом сабли носу. Амир быстро взял себя в руки, вытер слезы и, легонько положив руку на плечо Джахангира Мирзы, сказал:

– Мы все восхищаемся вами, мой принц, вы отважный и смелый джигит!

– Да-а, наш принц настоящий джигит, наши враги – прах, когда есть такие молодцы! – промолвил Ахий Джаббар.

– Я в своей лечебной практике уже сталкивался с такой ситуацией – сказал Намазходжа Шаши, вновь проверяя перевязку. – Раненый, не в состоянии терпеть такую боль, он стонет. Джахангир Мирза не проронил ни звука! Кстати, история повторяется. Восемь лет назад в Сеистане стрела попала в правую ногу Темурбека, отца принца. Я так же лечил его трану. И тогда тоже мы не услышали ни одного стога!

– Отвага, выдержка тоже наследуются от отца! – подтвердил Амир Жаку барлас.

От этих похвал на бледное лицо Джахангира Мирзы набежал румянец.

– Ты, как я вижу, мастер красиво говорить! – Амир Жаку барлас посмотрел на Ахий Джаббара. – Рубишь саблей тоже хорошо, а теперь вместе с воинами отнесите принца в его шатер! Следи за его состоянием! Я вернусь на поле боя.

– Понял, Величайший из амиров! – поклонился Ахий Джаббар.

Осторожно положив Джахангира Мирзу на носилки, в сопровождении воинов двинулись в сторону шатров. Ахий Джаббар, ведя буланого коня Джахангира Мирзы, заметил, что за ними крадется сухошавый человек в синей чалме с черной козлиной бородкой. Было видно, что он замыслил что-то недоброе.

– Если есть что сказать – скажи, если нет – проваливай! – приказал Ахий Джаббар повернувшись к человеку в синей чалме.

– Отдайте моего коня, храни вас Аллах! Это мой конь! – нагло заявил вдруг человек, бесцеремонно указав на коня. – Три дня назад я потерял его и не смог найти. Я собирался на нем участвовать в улаке. Завтра козлодрание... Слава богу, нашелся конь...

Ахий Джаббар опешил:

– Ты в своем уме? Совсем спятил? Говори, да не завирайся!

– Знаю, знаю... Не поверите! – спокойно ответила синяя чалма. – Я потерял его три дня назад, пути развязались. Мой сын мал еще, неразумный, хорошенько не спутал его. Где только не искал. Вот вы его нашли еще и оседлали. Этот конь для скачек – незнакомец, подойдя поближе к коню и хлопая его по шее, продолжал. – Точно он, буланный, глядите, и хвост крючком... Да, видать, потеряв хозяина, он натерпелся бед! Твой хозяин тоже получил по заслугам...

Чтобы не беспокоить принца, Ахий Джаббар угрожающе шепнул:

– Эй, ты, головотяп, ты, видать, совсем из ума выжил! Спятил! Думаешь, что говоришь! Это не твой конь!

Человек в синей чалме не унимался:

– Нет! Это мой конь! Конечно, моя лошадь, а чья же еще! А вот даже челка на лбу... Точно она! Смотрите, как она ему идет... Я бедный человек, а таких не обижают...

– Этот буланный конь принадлежит сыну Сахибкирана Джахангиру Мирзе! Если не знал, то теперь знай! Все, заткнись! – Ахий Джаббар разозлился не на шутку. – Бестолковый! Придурок!

– Мой конь, говорю, это мой конь! Я пойду к судье! – не унималась синяя чалма.

Ахий Джаббар остановился и одним ударом свалил синюю чалму на землю, быстро скрутил ему руки назад, своим кушаком связал руки и ноги, платком заткнул рот и посадил на холм. Пригрозив огромным кулаком, сквозь зубы процедил:

– Сиди тут и считай проходящих мимо тебя, растяпа! Я скоро вернусь! А за клевету на Его высочество принца еще проучу тебя! Понял?

Человека в синей чалме от страха бросило в дрожь! Выпученные от испуга глаза долго смотрели вслед уходящему Ахий Джаббару и буланому коню...

II

Темурбек издалека увидел, что Амир Жаку барлас рядом с Джахангиром Мирзой, и от души отлегло. Ему было неловко войти к сыну в шатер. Сердцем чувствовал, что душевная слабость не пристойна человеку, который вот-вот взойдет на престол страны. Возвращаясь, он подумал, что нельзя показывать людям своих чувств. «Не жалеть о былом, не ликовать от побед», – подумал Темурбек. Он любил это выражение и старался следовать ему. Однажды он прочитал двадцать третий стих в коранической суре «Железо». Там говорилось: «...не огорчайтесь тому, что потеряно, не обольщайтесь тем, что досталось: Аллах не привлекает высокомерных и хвастливых...» Изречение настолько глубоко запало в душу Темурбеку, что он временами повторял его про себя в своей, упрощенной формулировке. Он точно видел: Джахангир Мирза был ранен в ногу. С божьей милостью он непременно поправится. Чего только не бывает на поле боя, и на том спасибо. Печалиться о том, что миновало – даром время терять. Не надо печалиться, надо думать о том, что необходимо делать завтра, вот о чем надо беспокоиться...

В сегодняшней схватке воины Темурбека были на высоте. С наступлением сумерек остатки войска Амира Хусейна, понесшие большие потери, спаслись, спрятавшись в крепости. Благо, к вечеру бой прекратился. Перевес был явно на стороне Темурбека. Однако это не успокаивало и не радовало его. Чему же радоваться? Ведь завоевание – плоды

благородных намерений. Победа, удачи, достижения – само собой разумеющееся, они божий дар, награда за старание, за искренние чувства Темурбека, это его жизненный удел, соответствующий его возможностям... Неужели человеку надо радоваться своей доле, тому, что дает ему жизнь, да еще гордиться этим? Он должен не радоваться, ибо это откроет путь к тщеславию, высокомерию, а благодарить Всевышнего.

Ранним утром Саттаркул-привратник с привычным бормотанием открыл ворота. Появившаяся из крепости рать стала еще многочисленнее. Вновь началась беспощадная битва. Напротив крепостных ворот лицом к лицу со смертью ожесточенно сражались отряды Зиндачашма опарди, Амира Кайхусрава, Шейха Мухаммада Баяна сулдуза, Амира Улжайту. Отважный Суюргатмишхан старался быть степенным. Победа была не за горами. Рвы вокруг крепости наполнились трупами. Темурбек понял, что для победы необходим еще один удар. Он послал гонца к главе десятитысячного войска Амиру Жаку барласу с приказом о выступлении нафтандозов.¹

Амир Хусейн наблюдал за происходящим из верхнего окна крепости. Вчера до наступления темноты отсюда он отдавал приказы, посылая необходимую поддержку. К сожалению, войска Темурбека превосходили численностью. Амир Муса же бесследно исчез после землетрясения в день Навруза. Долго искал его Амир Хусейн, но не нашел ни на земле, ни на небе. Земля его поглотила что ли? Остыл пыл и у самых верных амиров, Амира Хиндушаха и Амира Халила. Множество раз посылал к ним гонцов с приказом не ослаблять позиций. Видит: нет коня у Амира Халила, ходит по полю пешим. Не к лицу амиру, да еще полководцу самого Амира Хусейна... Велел немедленно доставить ему коня.

Сегодня то же, что и вчера. Воины Темурбека напористые, отважные, а в войске Амира Хусейна какая-то душевная надломленность, нерешительность... Наблюдая за удручающей картиной на поле боя, он впервые испытал чувство страха. Чей-то труп валялся на площади без рук, чей-то без ног, у кого-то разбита голова, кто-то лежит ничком без признаков жизни с торчащим в спине копьем. Вода во рве стала багровой...

Сжалось сердце у владыки. Неужели наступила пора падения его царства? Говорят, царство как полнолуние – уменьшаясь, постепенно распадается, неужели и у него началось крушение? Он хорошо знает Темурбека, если он попадет в его руки, тот не отпустит, сведет с ним счеты... Однако, Амир Хусейн, во всем ты сам виноват, пеняй на себя, пришло время расплаты. Цена жизни человека – одна стрела. Не пожалей ты этой стрелы, давно бы сгнили кости Темурбека в землях Чакчака², Сеистана или Мохана! Теперь вот расплачивайся за свою беспечность! Жаль! Как жаль!

Узкие глаза Амира Хусейна еще более сузились, мир показался ему тесным, мясистое лицо дергалось. Верный признак – Амир Хусейн в бешенстве. И низкорослый хан Адил Султан, и старший сын Амира Хусейна высокий Навруз Султан, сопровождающие его, заметили, что обстановка накаляется, но ничего путного посоветовать не могли.

В эту трудную минуту сообщили о гонце Темурбека. Ошарашенный такой новостью, Амир Хусейн оторвал глаза от смотрового окна и распорядился:

– Скажи, пусть поднимется!

После приветствия гонец четко и ясно передал слова Темурбека: «Хусейнбек, если вы хотите остаться в живых, есть единственный путь: сдаться и выйти из крепости».

Гонец Темурбека подарил Амиру Хусейну луч надежды. Растерянный, не раздумывая, он согласился на предложение, ибо другого выхода не было.

– Передайте Темурбеку: я готов покинуть крепость.

Гарантом своих слов он отправил вместе с гонцом Темурбека хана и сына Навруз Султана и просил передать: «Сообщаю, что готов безоговорочно подчиниться, покорнейше прошу простить меня...»

Не успели хан и его сопровождающие покинуть крепость, обеспокоенный Амир Хусейн вызвал писаря и велел написать Темурбеку такое послание: «Воля Аллаха такова, что птица счастья и удачи отвернулась от меня и полетела к Вашему сиятельству. Раз так, совершенно отказываюсь от всех богатств, имущества, притязаний на царство. Свою жизнь, полную тревог и страданий, теперь хочу посвятить Аллаху. Если будет благоволение с вашей стороны, я бы хотел посетить святейшую Мекку...»

Вскоре Адил Султан и Навруз Султан прибыли в резиденцию Темурбека, подоспело

¹ Нафтандоз - воин, использующий военное снаряжение наполненное горячей нефтью.

² Чакчак - местность на юге современного Узбекистана.

и послание Амира Хусейна. Как только Мавляна Убайд прочитал письмо, Темурбек тут же озвучил свое решение:

– Если хочет принять страдания во имя Аллаха, я согласен. Пусть никто не препятствует ему! Пусть идет, куда хочет...

Позже поступила еще одна просьба Амира Хусейна. В письме-просьбе были слова: «Если будет угодно Аллаху, если не будут покушаться на мою жизнь, если гарантируют безопасность, с наступлением утра отправлюсь в путь...»

Беспрерывно поступающие просьбы свидетельствовали о том, что Амиру Хусейну мир стал тесен. Темурбек понял это и удовлетворил просьбу властителя Турана. Был издан фирман: «Пусть Амир Хусейн с восходом солнца спокойно покинет Хиндуван, пусть убирается, куда хочет, скатертью дорога...»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вспомним о землетрясении, случившемся неделю назад, когда Амир Муса сидел в крепости Хиндуван во дворце хана. Тогда Амир Муса, испугавшись, выбежал во двор. Крепость была объята паникой. Мгновение он стоял, озираясь вокруг, не зная, что предпринять. В голову приходили разные мысли. Остаться в Хиндуване или уходить? Останется – не сегодня-завтра Темурбек будет здесь, и начнется война. Ничья победа его не устроит. Оба бы ушли в преисподнюю! Заклятые враги – и тот, и другой. Его услужливость, обходительность не от хорошей жизни. Вот уже более десяти лет, как познакомились два амира, – Амир Муса живой свидетель, – два тигра не ладили и дальше не уживутся, это понятно. Надо срамливать их, пока они не уничтожат друг друга.

Ведь та встреча в устье Чакчак тоже должна была состояться по наущению Амира Мусы. Он не давал покоя Амиру Хусейну нашептывая, что необходимо убрать Темурбека с пути, что для этого нужно заманить его в устье Чакчак, связать его там по рукам и ногам и зарезать, как барана. Эта мысль была по душе и Амиру Хусейну. Он послал отряд в то устье, но сам оставался в стороне. Побоялся?.. Темурбек очень смывленный, дальновидный и коварный, сразу направился в устье. Если он обещал, то обязательно держал слово.

Но прежде он отправил разведчика, укрепил засаду, и собрал отряд из отборных воинов. Вступив в устье, заметил внушительный военный отряд Амира Хусейна. Ситуация не походила на дружескую встречу. К тому же ему донесли, что самого Амира Хусейна в устье нет. Разгневанный Темурбек, не теряя времени, повелел воинам из засады внезапно ударить по врагу с тыла, а сам вышел навстречу противнику лицом к лицу. Нукеры Амира Хусейна, оказавшись в безвыходном положении, сдались в плен. Амир Муса же в это время с нетерпением ждал исхода столкновения в своем родном городе Карши.

Четыре года тому назад покинула свет жена Темурбека, сестра Амира Хусейна Ульжай Туркан ока. Она была непрочной связующей нитью. Отношения между двумя амирами были и не дружескими, и не родственными, скорее хуже чем у чужих друг другу людей. Ситуация накалялась, нервы были взвинчены до предела. Как раз это и нужно было Амиру Мусе. В окрестностях Дизака¹ произошло сражение. Воины Амира Хусейна потерпели поражение. При посредничестве знатных людей Ходжента и Ташкента амиры заключили перемирие, и, объединившись, пошли войной против восставшего правителя Бадахшана. Совершили поход в Кобулистан... И все же Амир Муса чувствовал, что между двумя амирами образовалась невидимая пропасть, поэтому он не хотел отказываться от своего замысла и теперь натравил на Амира Хусейна кешского амира. Об этом он заговорил в Кеше на машварате амиров в усадьбе Темурбека. И вот результат: Темурбек с большим войском идет на Хиндуван...

Амир Муса в панике кинулся в сторону крепостных ворот. Значит, уйдет. Да, уйдет! Не может остаться в крепости! «Еще трясет, что ли?.. – подумал он и посмотрел на фанарь, висевший на углу крепости. Он как начал качаться во время землетрясения, так все еще колыбался. В темноте шумели, суеились куда-то бежали люди.

– Что? Муса? Куда же?.. – вдруг кто-то спросил в темноте. – Куда бежишь? Поняли!..

Амир Муса по голосу узнал друга Амира Халила. «Вот тебе на! Коварный, он узнал, что я замышляю? – встревожился Амир Муса. – Или напал на мой след, Как я теперь избавлюсь от этого нечестивца?..»

¹ Дизак - древнее название современного города Джизака.

– Не убегаю я... Куда же мне бежать, Халилбек, и зачем бежать? Только приехал, то-сую по вас,... Что ты несешь, дружище!..

– Пошутил, Муса... Ты чего это испугался?.. – Хотя в темноте Амир Халил и не видел лица друга, но по голосу понял, как тот взволнован.

– То же мне шутка... Удивляюсь, как в такое время можно шутить. Еще землетрясение тут!.. – Взял себя в руки Амир Муса. – Супруга, домочадцы остались в старом городе, наверно, сидят, сердца рвутся. Пойду узнаю только и все...

– Так бы сказал! Есть разговор... – сказал Амир Халил. – Возвращайся быстрее! Поговорим, хорошо?

– Хорошо!

Амир Муса поспешно подошел к воротам. Тармачук и Саттаркул-привратник были неподалеку от ворот, обеспокоенно поглядывая на небо.

– Тармачук! – позвал Амир Муса...

– Я тут, мой амир!

– Где лошади? Быстрее подавай коней! Пошевеливайся!

Потом крикнул удивленному Саттаркулу-привратнику:

– Чего смотришь, разиня? Открывай ворота! Быстро, надо уехать! Саттаркул как всегда бормоча, направился к воротам.

– Недавно закрывал, теперь снова открываю...

Бесконечный лай собак в старом городе и неприятная суматоха после землетрясения угнетали душу. Амир Муса с Тармачуком выехали из ворот Ходжи Укаши и, более не задерживаясь, поскакали на север, в сторону переправы. Расстояние до переправы составляло около сорока верст.

Одолели часть дороги, Балх остался позади, Амир Муса успокоился. Только теперь он почувствовал, что очень устал. Была бы возможность броситься на землю и уснуть крепко-крепко!.. Было бы хорошо где-то передохнуть и перевести дух. Ему не давала покоя мысль найти ночлег в каком-нибудь ближайшем кишлаке. Он долго и пристально осматривался в надежде увидеть какой-нибудь кишлак. Вдруг, далеко впереди Амир Муса заметил всполохи костров. Увидел – душа в пятки ушла!

– Вон там, в стороне Дараи Гез, что-то горит, Тармачук! – сказал он, натягивая поводья. – Не дом ли какой-нибудь горит? Посмотри, у тебя глаз зоркий...

Это не дом горит, мой амир, это горят костры! – сказал Тармачук. – Видно, какое-то войско отдыхает на привале.

Именно это беспокоило Амира Мусу.

– Говоришь, войско?.. Поняли!.. Это воины Темурбека! – раздраженно сказал он и осознал, что его надежда на приятный ночлег оказалась сладкой, но недостижимой мечтой. Нельзя здесь задерживаться, надо ехать не останавливаясь! Нужно гнать коня и днем, и ночью! Иначе легко попасть в руки людей Темурбека! Надо торопиться!

– Тармачук, нам нужно налево, понял?

– Понял, чего тут не понимать-то...

– Если пойдем прямо, как раз наткнемся на костер! Повернув налево, через поле и обрывы можем добраться до переправы.

– Как скажете, мой амир!

Луна закатилась, вокруг было темным-темно, не видать ни зги. Тармачук долго разыскивал и, наконец, нашел справа что-то похожее на тропинку. Отсюда они резко повернули коней налево, костры, затейливо украшавшие ночную тьму по правую сторону, постепенно исчезали ...

Амир Муса хорошо знал эти места, обходными путями лишь к утру они добрались до переправы. Переправа шириной в тысячу шагов была в самом узком месте Жайхуна. Хорошо, что здесь никого не было. Войска Темурбека уже вступили в Балх, и не было необходимости защищать переправу. Амир Муса благодарил судьбу. Перешли вброд и, не останавливаясь в пути, на второй день добрались до Карши. Амир Муса задумал, пока не установится мир и спокойствие, забрать свой гарем из Карши и перебраться в Йангкент.¹

Охрана Карши была поручена Тамуке кавчину.² Между Амиром Мусой и Тамукой кавчином водилась давняя дружба, вообще, часто поговаривали о дружеских отношениях

¹ Йангкент - старое название нынешнего Авлие́ ота.

² Кавчин - название племени.

между кавчинами и тайживутами. На вопрос Тамуки кавчина «Куда путь держишь?», Амир Муса неопределенно ответил, что выполняет важные поручения Темурбека.

– С Амиром Хусейном еще не началась война?

– Нет еще. – Амир Муса повернул разговор на другую тему: – Не пострадали ли от землетрясения?

– Слава богу, все хорошо. Развалился один запущенный дом, только и всего..

Амир Муса попрошался с Тамукой кавчином, взял жену Орзумульк ока, четырехлетнюю дочку Туман ока, одну любимую невольницу и нескольких слуг во главе с Тармачуком и пустился в сторону Йангкента.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I

Когда гонец принес добрую весть от Темурбека, Амир Хусейн немного успокоился. Он хорошо знал, что Темурбек, – хозяин своего слова и непременно выполнит данное обещание. Амир Хусейн обдумывал, как завтра покинет Балх, и что возьмет с собой. Конечно, прежде всего, жемчуга и золото, богатство ведь никогда не помешает. Дорога в святую Мекку далека. Честно говоря, у него нет желания совершать паломничество, просто нужна передышка. С утра пораньше с двумя верными есаулами отправится в путь, гарем же его пока останется здесь. Когда все поутихнет, постепенно всех заберет. А зачем их забирать-то? У него большие надежды на Аллаха, Балх еще вернется в его руки, птица счастья еще сядет на его голову. Восстановит Хиндуван!.. Цыплят по осени считают, пока еще только весна, насмешливо улыбнулся про себя Амир Хусейн. Вы еще не знаете Амира Хусейна, придет время и вы узнаете, кто есть кто!

Властителя Турана волновало только одно. До сих пор нет никаких вестей от сватов, которые были отправлены в Хорезм. Поговаривают, что в роду Хорезмшаха Хусайна Суфи растет луноликая девушка, мир не видел такой сказочной красоты. И имя достойно её – Ханзада ханум! Из династии ханов, внучка Узбекхана, хана Золотой Орды, царя государства узбеков...

Одним словом, услышав похвалу этой очень изяшной, прелестной, белолицей девушке, тонким станом, он потерял покой и сон. Больше всего его интересовало не то, что он станет обладателем такой несравненной красавицы, а слухи о том, что он добился руки внучки Узбекхана! Его дед Амир Казаган в 747 году хиджры, победив повелителя Турана Казан Султанхана, казнил его и взял власть в свои руки. Дочурке хана Сараймулькханум было шесть лет, когда убили ее отца, а когда она выросла, по желанию Амира Казагана, который думал о будущем своего внука, ее отдали в жены Амиру Хусейну. Он сделал Амира Хусейна зятем хана, то есть кураганом. Но быть зятем Казан Султанхана ничто в сравнении с честью называться зятем Узбекхана!.. Он станет зятем Узбекхана! Прошло много времени с тех пор, как Амир Хусейн отправил в Хорезм сватов с редкими и дорогими подарками. Теперь, наверно, это доброе дело будет перенесено на потом. Что же делать?..

Посреди ночи Амир Хусейн проснулся от страха. Беспокоили кошмары. Осмотрелся вокруг, во дворце тишина, все спят... – Скоро рассвет... – подумал он, глядя на темный потолок дворца. – Выйду из Балха спокойно. Только бы выбраться из Балха...

В это время какой-то внутренний голос запротестовал:

– Говоришь, выйти спокойно? Куда выйдешь? Да, выйдешь, а потом?..

– Что потом?.. – нетерпеливо спросил первый голос.

– Выйдешь из крепостных ворот, но тут же тебя схватят и...

– Нет! нет! – снова перебил его первый голос. – Мне сам Темурбек обещал! Темурбек никогда не нарушал своего слова...

– А ты? Ты тоже давал обещания! – резко оборвал второй голос. – А твоё обещание? Ты хоть иногда думаешь о своих обещаниях?

– А что с моими обещаниями?

– Ты непостоянен, ты много раз предавал! – сказал второй голос резко. – Ты заманил Темурбека в устье Чакчак. На самом деле, ты намеревался убить его. Но он оказался умнее...

– К чему ты стал так расхваливать Темурбека? – иронизировал теперь первый голос.

– Ты расхваливаешь, не я! Я с самого начала не считал Темурбека другом, он мой злейший враг!

– Но он дал слово, что Хусейнбек спокойно покинет крепость и уедет, куда захочет...

– Ну, допустим, он так сказал... А другие? Разве забыл? Шейх Мухаммад Баян сулдуз, Зиндачашм опарди, Амир Кайхусрав? Все они точат сабли, хотят твоей крови...

– Хватит! – закричал Амир Хусейн...

Повелитель в замешательстве озирался вокруг. Теперь он не верил даже самому Темурбеку. Встав с постели, Амир Хусейн направился к выходу и увидел, что к нему кто-то приближается. При слабом свете свечи показалось, что этот человек поджидал его в укрытии и теперь, уловив момент, вышел навстречу... Испугавшись, Амир Хусейн невольно схватился за рукоять сабли...

– Ваше величество, все ли хорошо? Услышал ваш голос. Это я, ваш слуга... – прошептал силуэт.

– А, это ты, хоть бы подал знак! – немного успокоился Амир Хусейн. – Я хотел узнать, не проспал ли ты... Разбуди тех двух есаулов! Пусть будут готовыми!

– Будет сделано, мой государь! – слуга быстро ушел.

Амир Хусейн не стал терять времени. В полночь, когда все сладко спят, он сможет спокойно выйти из крепости, а утром он будет уже далеко от города. От такой мысли посветлело на душе.

Приближаясь к крепостным воротам, послали одного из есаулов, чтобы быстрее открыли ворота.

– Закрывал ворота поздно вечером, а теперь открываю... – стал сонно бормотать Саттаркул-привратник. В темноте он не разобрал, что один из всадников – это сам Его Величество Амир Хусейн, одетый в теплый черный стеганный чапан.

II

Амир Хусейн благополучно выехал из крепости, но в тревоге, с тяжелым сердцем не знал, куда ехать. Темнота вроде и защитит от посторонних глаз, но, когда торопишься, скроет дорогу. Спасительный путь лежал через Старый город, в других местах рышут воины Темурбека. Без сомнения, где-то наверняка наткнешься на стражу. Как говорится, трусливому все двоится. Так и Амир Хусейн, на все смотрел с опаской. От тревожных мыслей стал сомневаться даже в своих есаулах. «А что, если Темурбек нанял их? – одолевали его подозрения. – Кто знает... Вдруг в какой-нибудь глуши убьют меня и захватят все мое состояние? Надо избавиться от них!...»

Отъехав от крепостного рва, он распорядился:

– Здесь много врагов... Нам не следует ехать вместе, один из вас пусть едет справа от меня в ста шагах, а другой – слева! Если кто набросится, я дам знать, только не замешкайтесь.. Если все спокойно, то встретимся у выхода из Старого города, под старым платаном у Андохской дороги... Понятно?... Не задерживайтесь!

Ничего не подозревавшие о замыслах повелителя есаулы, послушно повернули в разные стороны. Было трудно разобрать дорогу, в одном месте конь остановился. Как ни попукал его Амир Хусейн, конь не двигался. Приглядевшись, амир понял, что перед ним была большая канава. Пока нашел мост и перешел на другую сторону, потерял много времени.

На перекрестке, что в центре города, Амир Хусейн на мгновение замешкался, выбирая дорогу. Налево пойдешь – выйдешь к Чорсу, а оттуда можно попасть прямо на кабульскую дорогу, если повернешь направо – выйдешь к старому платану у выхода из города, а там встретишься с двумя есаулами. Именно там начиналась Андохская дорога.

Амир Хусейн резко повернул налево и прищепил коня. В это время из ворот дома справа выбежала большая собака и с лаем бросилась на него. Лаяла собака все громче и громче. К ней присоединились другие, и вскоре громкий лай огласил всю округу. Властитель государства поспешил продолжить свой путь.

Ночь начала медленно снимать с лица земли тонкую черную вуаль. Совсем рассвело у подхода к площади Чорсу. Амир Хусейн, опасаясь, что его могут увидеть, отказался от плана сегодня покинуть город. Он решил найти укромное место, провести там день и с наступлением темноты вновь пуститься в путь. Но, к сожалению, такое место найти было трудно. Он внимательно оглядел окрестности и не увидел ни одного подходящего дома. Мечеть, что слева, не годится, скоро люди начнут собираться туда на утреннюю молитву. На базаре тоже нельзя, а в медресе тесно. По сути дела, Амир Хусейн и раньше недолюбливал медресе, у него сердце сжималось, когда он заходил в тесные и полумрачные кельи.

Вдруг, взгляд Амира Хусейна упал на высокий внушительный минарет, возвышавшийся посреди площади. Минарет! Видать, это сам всевышний воздвиг его для Амира Хусейна. Он спрячется там, наверху, в минарете, никто и не заподозрит, он будет высоко над землей. Когда стемнеет, спустится на землю и продолжит свой путь.

На радостях Амир Хусейн отпустил коня, так как из-за него могла раскрыться тайна и, рискуя жизнью, стал поспешно подниматься на минарет.

Вскоре просторная площадь мечети заполнилась людьми в белых и синих чалмах. Амир Хусейн глянул вниз и сердце его сковал страх, от высоты перехватило дух. На площади кто-то спешил на омовение, кто-то в стороне мыл ноги, кое-кто направлялся к молитвенному ковру. Шум постепенно стихал. Началась утренняя молитва – бомдод. Во дворе мечети воцарилась тишина.

Волнение не покидало Амира Хусейна. Чтобы отвлечься, он посмотрел вдаль. Странно, первый раз в жизни взобрался на минарет. Он помнит, когда ему было лет двенадцать, он боялся подняться на знаменитый минарет Арсланхана, что в Бухаре. Ровесники хвастались, что это здорово. Да, оказывается все видно, как на ладони! Во-он, величественный Хиндуван сиротливо проглядывает через белесую мутную завесу утреннего тумана, будто напоминает, что остался без хозяина. Лучше не смотреть, чтобы не растреваться. Он резко отвернулся. На юге распласталась Кабульская дорога, какой-то всадник мчит стрелой, поднимая белую пыль... Этим всадником мог быть Амир Хусейн, но... Потом в стороне заката солнца, за городом взгляд наткнулся на большой старый платан. Под деревом он заметил два силуэта. Да, два есаула ждут своего повелителя. Анджойская дорога тоже ждет Амира Хусейна...

Шум, голоса людей, доносившиеся со двора мечети, отвлекли мысли правителя. Молитва кончилась. Из мечети текла река людей.

Все разошлись, только один человек в синей чалме остановился посреди двора мечети и стал озираться. Амир Хусейн стал внимательно следить за ним. Это был тот бедолага, который приставал к Ахий Джаббару, чтобы тот вернул коня, и был оставлен, связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту. Оставшись в своем шатре один, Джахангир Мирза задремал, Ахий Джаббар в полутьме поскакал к человеку в синей чалме. Бедняга, увидев его, перепугался, вытарашил глаза. «Теперь он меня сильно накажет», – подумал он. И действительно, Ахий Джаббар вынул из ножен острый кинжал!.. У синей чалмы глаза на лоб полезли: «Все, – думал он, – настал мой час, зарежет меня, как барана». От испуга он что-то хотел сказать, но кляп во рту мешал ему. Ахий Джаббар ударил кинжалом... по веревке, что была на ногах синей чалмы, потом срезал веревку на руках.

– Кляп изо рта сам вытатишь, будешь честным – не умрешь! – крикнул Ахий Джаббар, сел на коня и стегнул его кнутом. Скакун взвился на месте и полетел стрелой.

Человек в синей чалме не верил своим глазам, не верил, что остался целым и невредимым. «Вот тебе и лошадь... Пропади она пропадом! Нужно ли было пялить глаза на чужое добро, – корил он себя целый день, – а теперь увидишь то, что написано на лбу. Слава богу, спасся». Он решил рано утром непременно сходить в мечеть, возблагодарить Аллаха за божью милость.

Он совершил бомдод – утреннюю молитву – потом сто раз повторил суру из Корана «Чистое исповедание», которая гласила: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Скажи: «Он – Аллах – един. Он не рождал и не рожден: равного Ему не бывало!»

Без этих слов его молитва казалась неполной. Выйдя во двор, на мгновение задумался. Побывал во многих местах Балха, но нигде не было буланого коня. Даже не было людей, которые бы сказали, что видели где-то. Или пропал без вести? «Скакун, он словно крылатый, как-никак скучает по простору, по широкому полю... – подумал он. – Наверно, где-то блуждает, где же мне искать его? Однажды мой сосед взобрался на этот минарет и оттуда увидел свою потерянную корову. Дай-ка, поднимусь и я, осматрив окрестности, авось, найду свою лошадь...»

Человек в синей чалме, направился в сторону минарета. «Что же замыслил этот человек? – стал беспокоиться Амир Хусейн. – Или он тоже хочет спрятаться...» Ясно, люди узнали о том, что он здесь, и теперь схватят! Что же предпринять? Сразу-то и в голову не приходит дельная мысль. «Так... пусть он поднимется и, улучив момент, ударю его по голове, убью и все!» – успокоил себя Амир Хусейн и положил рядом с собой камень. Но тут же раскаялся: «О боже, прости своего раба, помыслившего зло!», – и отбросил камень подальше. Нет, Амир Хусейн по-доброму поговорит с синей чалмой. Не пожалеет ни жемчугов, ни золота – сколько он захочет, уговорит его, если надо, будет умолять, упрашивать, словом, они найдут общий язык. Разве найдется человек, который не склонит голову перед богатством?..

Наступила тишина. Амир Хусейн стал ждать человека в синей чалме. Почему-то его

охватила горькая обида. Он сейчас так одинок! Никто, кроме Аллаха, не может ему помочь. Ах, нет у него ни одного друга, который поддержал бы его... Бог не дал ему таких друзей. Вот у Темурбека, другое дело, его друзья постоянно рядом, словно мотыльки вокруг лампы выются, готовы пожертвовать собой ради друга. Амир Сайфиддин некуз, Амир Жаку барлас, Амир Довуд дуглат, Амир Муайяд арлат, Аббас бахадур кипчак, Давлатшах бахши уйгур... Всех не перечислишь. Они очень преданы и привязаны друг к другу. Жаль, что нет таких людей у Амира Хусейна! Вот, Амир Муса! В такие черные дни бросил и убежал. Тоже мне родственник! А, остальные?..

Однажды, слово за слово, он заспорил с Темурбеком о преданности и самоотверженности. Тогда Темурбек произнес: «Всегда нас должны окружать верные, преданные люди, их называют ахий, жаванмард.¹ У воинов необходимо воспитывать чувства щедрости, благодетельности, преданности и самоотверженности как у ахийцев и жавонмардов. Нужно начинать с себя...»

Хотя последние слова немного рассердили его, но он не подал виду, ограничился возражением:

– Сначала следует умножить состояние, деньги, богатство, завоевать престол... Щедрость, благодетельность, преданность и самоотверженность, ахий, жаванмард!.. – иронизировал Амир Хусейн, намеренно подчеркивая эти слова. – Ах, ах, ах!.. Какие слова! Они не убегут, можно и потом обратиться к ним. Да...

Темурбек спокойно ответил:

– Деньги, богатство – все преходяще... Щедрость, благодетельность, преданность и самоотверженность – это вечные понятия. Трудно их за деньги приобрести.

– Темурбек, вы видевший мир, многознающий амир ... – высокомерно продолжал Амир Хусейн, – а рассуждаете как младенец... Ведь мир интересен деньгами и богатством! Деньгами и богатством можно добиться всего. Лишь бы было богатство...

– Вы правы, деньги и богатство на все способны, тем и интересен мир... – не меняя тона беседы, спокойно сказал Темурбек. – Нет сомнения, что все это очень нужно: и богатство, и деньги, и состояние... Однако на дружбу следует отвечать дружбой, на верность – верностью, на мужество – мужеством... Тот, кто стремится приобрести друзей с помощью денег, состояния, богатства, ошибаются. С их помощью можно лишь нанять воинов, приумножить восхвалителей, Хусейнбек! Среди моих воинов-жаванмардов высоко ценятся такие качества, как отвага, преданность, самоотверженность.

Слова о том, что нельзя приобрести друзей с помощью денег, состояния, богатства сильно задели Амира Хусайна. Ему очень захотелось загнать Темурбека в угол. Намекая на последние слова Темурбека, он с иронией спросил:

– Так, значит, среди ваших воинов высоко ценятся такие качества, как отвага, преданность, самоотверженность. Так, да? – хитро улыбнулся Амир Хусейн. – А мы-то не ведали... Мои джигиты тоже не с гор спустились... Мои тоже хорошо понимают, что такое отвага, самоотверженность. Или... проверим?

– Проверять, так проверять... – Темурбек ухом не повел на призыв Амира Хусейна.

Оба амира решили испытать отвагу и верность своих воинов. Это происходило в Бухаре в месяце далв – между январем и февралем. Стоял лютый мороз. Плевок падал на землю льдинкой. Амир Хусейн заставил в полночь разбудить крепко спящего воина и сказал, чтобы он пошел к реке, прорубил лед и окунулся в ледяную воду. Воин, не проявляя недовольства, встал и направился к реке, съёжившись от мороза, прорубил лёд, нырнул в воду и, дрожа, вернулся назад.

– Вот образец преданности! – похвастался надменный Амир Хусейн. – Даже в такой мороз этот джигит не проронил ни слова...

Очередь дошла до Темурбека. Он тайно пригласил Давлатшаха бахши и сказал: «Данный разговор держать в секрете. Найдите две кошмы, чтобы они были прочными и плотными, пусть двадцать пять человек будут начетку. Завтра во время утренней молитвы один молодой человек бросится вниз с минарета Арсланхана. Туго натяните кошму и поймите падающего воина...» Но кто будет прыгать Темурбек не сказал.

Утром весь народ собрался вокруг минарета Арсланхана. Темурбек велел одному джигиту:

– Поднимись на минарет!

¹ Ахий, жаванмард - название людей широко известных на Востоке в средние века, щедрых и самоотверженных, своего рода рыцарское движение. Имели свои общины и уставы.

– Есть на минарет! – поклонился джигит.

Он, не спрашивая зачем, побежал к минарету и мигом очутился у окошка на самом верху минарета, высота которого составляла порядка семидесяти гязов.¹ Снизу на него смотрели тысячи людей... Никто не знал, что сейчас произойдет. Амир Хусейн старался угадать решение Темурбека, но даже он не подозревал, что Темурбек прикажет молодому человеку прыгнуть вниз.

Темурбек посмотрел на минарет и крикнул:

– А ну прыгни, смельчак!

Молодой человек... тут же бросился вниз!

Тяжелый вздох прокатился над площадью, многие отвернулись. У Амира Хусейна дрожь прошла по телу. В это мгновение двадцать пять джигитов, подготовленные Давлатшахом бахши, кинулись из толпы и туго натянули кошму! Джигит упал на кошму, лишь слегка коснувшись земли...

Вскрики заполнили округу!

Темурбек даже не изменился в лице, только похлопал по плечу побледневшего парня:

– Ты показал настоящий образец отваги, бахадур, – сказал он тихо.

Целый и невредимый молодой человек, потерявший надежду на жизнь, признал сообразительность, сочувствие и милосердие Темурбека и еще больше стал верить в него.

И люди узрели воочию, насколько может быть высока преданность своему повелителю. Темурбек поблагодарил своих отважных воинов. Словами «ты показал настоящий образец отваги, бахадур!» Темурбек, оказывается, присвоил парню воинское звание «бахадур». Его звали Аббас бахадур кипчак.

Тогда Амир Хусейн ничего не сказал Темурбеку...

Сейчас, вспоминая о том случае, Амир Хусейн убедился в верности слов Темурбека. А тогда он просто не хотел признавать этого из бессмысленного упрямства. Вдруг он спросил себя: «Ну, так что же ты сделал для друзей? Какую отвагу ты проявил, чтобы твои друзья лелеяли и уважали тебя? Наоборот, ты постоянно ставил им подножки. Они постепенно переставали верить в тебя. Близко подружился с Темурбеком, покаялся в верности на Коране и после этого, скажи на милость, почему не отказался от злого умысла? Намеревался убить Темурбека, друга своего! Поставил соглядатаев, обманывал, лицемерил, не погнушался измены, предательства, облагал несправедливыми налогами, вешал сарбадаров², строил каверзные планы? В то время когда Темурбек высоко ценил самоотверженность и отвагу и проявил себя как истинный жаванмард, ты не смог отречься от своих низменных замыслов. Пожнешь то, что посеял. И вот теперь повелитель Турана, еще вчера правитель страны, сегодня никто, сидит, забившись в угол, одинокий, спрятавшись в мышиной норе! Вот тебе игра судьбы! То лежал в темнице, в подземелье Алибека Жоникурбани, теперь же – на небесах, узник минарета... О, боже!..»

В это время послышались звуки шагов, нарушившие ход мыслей Амира Хусейна. Человек в синей чалме поднимался, тихо напевая какую-то песню, совершенно не подозревая, что на минарете в страхе ждет его повелитель Турана. Из-за боли в ногах он часто оставался и переводил дух. Поднявшись наверх, он увидел насупившегося человека, полного злобы и ненависти. «Неужели так много в мире людей, потерявших коней? – подумал он. – Этот бедный тоже, наверно, один из них... Как и я, он тоже пришел искать пропажу сюда, на минарет. Нашел он или нет? Узнав, где он нашел, я тоже отправлюсь туда, найдется и мой буланый. Спрошу-ка...»

Он начал приглядываться. Человек, стоящий напротив, был в скромном черном стеганом чапане, но по его внушительному облику можно было сразу определить, что это человек высшего сословия. Кого-то он напоминал... Неужели? Неужели он?... Да, он! Ах, как он натерпелся от него! Как он страдался!

– Ассаламу алайкум! – с опаской приветствовал человек в синей чалме. Амир Хусейн обратил внимание, что тот невооружен.

То, что гость ведет себя смущенно, говорит побаиваясь и, главное, не узнал его, подбодрило Амира Хусейна. Он вновь ощутил себя не жалким изгнанником, а повелителем

¹ Гяз - мера длины, равная 0,71 см.

² Сарбадары - участники народного движения XIV века. Смысл высказывания: "Идущие на виселицу". Здесь имеется ввиду самаркандские сарбадары.

Турана. Небрежно ответил на приветствие:

– Здравссь... Что тебе здесь нужно?

По виду и манерам Амир Хусейн не был похож на человека, потерявшего коня и поднявшегося на минарет, чтобы найти его. Человек в синей чалме теперь точно убедился: перед ним стоял повелитель Турана Амир Хусейн! Раньше он часто видел его, конечно, в царском одеянии, в иной обстановке. Потом в поисках своей лошади слышал разное. Говорят, что в войне с Темурбеком потерпел поражение и изгнан с престола... По разрешению Темурбека, надев старое рубище, будто бы отправился в паломничество, еще говорят, будто он сбежал... Если он отправился в паломничество, то почему прячется в минарете, – все это удивляло человека в синей чалме.

– Коня своего ишу, Ваше сиятельство... – негромко промолвил человек в синей чалме. – Потерял скаковую буланую лошадь, так сказать... Поднялся на минарет, чтобы посмотреть свысока, авось, увижу. Я не знал, что вы здесь, повелитель!

Амир Хусайн остолбенел. Синяя чалма узнал его! Именно то, чего так боялся повелитель Турана! Не зная, что делать, взял из кармана пригоршню жемчуга и дрожащими от волнения руками протянул человеку в синей чалме:

– На, возьми это! Возьми! Только прошу, никому не говори, что я здесь! – стал умолять Амир Хусейн. Былое высокомерие улетучилось. – Если я избавлюсь от постигших меня бедствий и несчастий с божьей помощью, воздам сторицею за твою услугу. Да! Этот жемчуг стоит десяти твоих лошадей. Запомни! На, возьми! Возьми! Только никому ни слова обо мне! Ладно? Бери!

Человек в синей чалме от удивления попятился. Он в жизни не видел такого богатства и боялся протянуть руку за жемчугом.

– Не-е-ет... Не-е-ет!.. Не могу взять, не нужно... Что мне делать с ним? Не надо... – отказывался он.

– Бери! Чего боишься? Разве можно бояться жемчуга? Не бойся! Бери! Не укусит...

– Не надо! Не нужно! Не-е-ет!...

– Вот как!? Почему не нужно? Разве жемчуг бывает ненужным?.. – притворно засмеялся Амир Хусейн и, приблизившись к человеку в синей чалме, от испуга прижавшемуся к стене, насильно вложил жемчуг ему за пазуху. – Не бойся, возьми! Теперь это твоё! Только никому не говори, что я здесь, что здесь скрываюсь!.. Останусь здесь только до вечера. С наступлением сумерек выеду из города... Только никому ни слова, это моя просьба к тебе!.. Никому не говори!

Человек в синей чалме немного успокоился. Напротив стоял не повелитель Турана Амир Хусейн, только одно имя которого внушало людям страх, а какой-то слабый, дрожащий от страха, весь обросший, беспомощный человек. Он был жалким и странным.

– Избавлюсь от неприятностей – я еще отблагодарю тебя, да! – продолжал Амир Хусейн. – Сделаю тебя правителем какого-нибудь края. Будешь жить в свое удовольствие, да! Будь уверен! А сейчас мне нужна твоя помощь. Обещай, что никому ничего не скажешь о том, что я здесь! Обещай! Обещай, что ничего не скажешь!

– Хорошо... обещаю, что не скажу!.. – промолвил, в конце концов, человек в синей чалме.

– Нет, не надо обещать! Поклянись! Поклянись, что никому, даже Темурбеку ничего не скажешь о том, что видел меня здесь, – настаивал Амир Хусейн не то угрожая, не то моля.

После многочисленных настойчивых просьб человек в синей чалме дал клятву, что никому не скажет о том, что видел здесь Амира Хусейна, и был рад, что избавился от него. Бедный, он даже про лошадь забыл и поспешно стал спускаться вниз по ступенькам. Успокоившийся Амир Хусейн, прислушивался к удаляющимся звукам шагов. Через некоторое время все стихло.

III

Из Хумаюн урды пришла добрая весть: Темурбек собирается посетить шатер Джахангира Мирзы...

Слуги засуетились.

Рана от случайной стрелы значительно измотала молодого принца. Во время процедур Намазходжи Шаши он терпел, стиснув зубы, но, когда его привезли в шатер, боль стала невыносимой. Рана терзала его, даже когда он лег в восьмислойную постель.

Вам больно?..

Ахий Джаббар по лицу принца видел, как он мучается и страдает. Бледное лицо слегка припухло, светлые влажные глаза будто подпернулись пленкой. Ему было неловко, видя и зная о его состоянии, спрашивать о здоровье:

– Была бы возможность, мой принц, я бы принял ваши страдания на себя...

Джахангир Мирза промолчал. Ахий Джаббар хотел успокоить его и вернуться в свою палатку. Там его ждали воины: Учкара, Яналтекин, Юлкулуг. В эту ночь они были каравальными. Ахий Джаббар осторожно приподнял больную ногу и подложил под нее две подушки. Боль как будто немного отступила, принцу стало чуть легче.

Вслед за гонцом пришёл духовный наставник Мир Сайид Барака с четками в руке. Он опустился на колени рядом с принцем и стал читать молитву. Временами, подув на больного, шепча заклинания, повторял «Суф!», «Суф!», снова закрывал глаза и слегка покачиваясь продолжал молитву. Вся прислуга и вслед за ней Ахий Джаббар вышли на встречу Темурбеку. В шатре остался один Мир Сайид Барака.

Темурбека сопровождали Суюргатмишхан, Амир Жаку барлас, Амир Сайфиддин некуз, Амир Довуд дуглат, Аббас бахадур кипчак, Амир Сарибуга жалайир. Аббас бахадур и Амир Сарибуга проворно соскочили с коней и поспешили, опережая конюхов, к Темурбеку, чтобы помочь ему высвободить ногу из стремени, Ахий Джаббар подхватил поводья.

Духовный наставник, почувствовав присутствие Темурбека и других людей, последний раз проговорил «Суф!», «Суф!» и перламутровыми четками дотронулся до головы, плеч и груди Джахангира Мирзы.

– С божьей милостью поправитесь, дитяtko мое! Аллах велик! Хвала Аллаху, Господу миров!

Во время посещения достопочтенного отца Джахангир Мирза, испытывая неловкость от того, что не может встать, хотел поменять позу, и красный шелковый пододеяльник соскользнул с него.

– Не двигайтесь, мой принц! – с трепещущим от какого-то непонятного чувства сердцем остановил его Темурбек и укрыл сына спадавшей курпачой. – Лежите, вам разрешено...

У Темурбека три сына: Джахангир Мирза, Умаршайх Мирза, Мираншах Мирза и две дочери: Ока бегим и Султан Бахт бегим. Слава Аллаху! Среди них Джахангир Мирза был на особом положении. Первый сын, подобно правой руке, которая первой придет на помощь. Но, как говорится, в береженный глаз соринка попадает, Джахангир Мирза частенько болеет. Особенно часто после смерти любящей матери Турмиш оки. Турмиш ока в двадцать семь лет скоростижно покинула этот свет. Принц привлекателен с виду, а людей с дурным глазом много... Чтобы его не сглазили, Темурбек послал человека в кишлак Тайбад, что вблизи Герата, к достопочтенному шейху Зайниддину Абубакру Тайбади, который сделал треугольный талисман в черном бархате. Темурбек велел сыну носить талисман ближе к сердцу.

Два года назад Джахангир Мирза сильно захворал. Его беспощадно трясла лихорадка, сколько бы ни укрывали его, говорил, что мерзнет, ничто не помогало... Потом поднялась температура, стал задыхаться. Темурбека охватил страх, ночью, когда все спали, он сидел на молитвенном коврике и просил Аллаха послать сыну здоровья. Лекари оказались бессильными, хотя использовали все средства. Температура не падала. Тогда по опыту некоего лекаря собрали дождевых червей, появившихся после обильного дождя, выжали сок, пропустили сквозь марлю и дали выпить. Принцу стало лучше. За неделю бедный мальчик осунулся, исхудал. А теперь эта шальная стрела..., из всех воинов выбрала именно Джахангира Мирзу.

Темурбек понял, что нельзя так сильно оберегать и лелеять детей. Любить одного ребенка больше, чем другого – неуместно богу. Всех надо любить одинаково, пусть их защитит только Аллах, Аллах милостив!..

– Пусть простит Аллах, не смог встать, отец мой ... – извинился Джахангир Мирза.

– Не вставайте, не вставайте...

Другие амиры кинулись убеждать принца не двигаться. Темурбек осторожно поднял одеяло, окинув взглядом рану под повязкой. Странно, принц, как и Темурбек, ранен в правую ногу. Весь в отца...

– Джахангир Мирза проявил отменную смелость и отвагу! Я сам тому свидетель – похвалил внука Амир Жаку барлас. – Детеныш льва будет львом!

– Да-а-а... – кашлянул Амир Сайфиддин некуз. – Птица делает то, что видела в своем гнезде.

Темурбеку стало неловко, он постарался изменить тему разговора. Джахангира Мирзу нужно отвлечь и от мыслей о побоище, и о ране.

– Бахадур! – сказал Темурбек Аббас бахадур. – Оказывается, на поле брани рядом с принцем сражался воин из твоего отряда.

– Да, он был из моего отряда, Великий Амир, – подтвердил Аббас бахадур.

– Видать, отважный парень. Кто же он? – спросил Темурбек.

Амиры переглянулись.

– Да, он оказался отважным воином! – подтвердил Амир Жаку барлас.

Все заинтересовались неизвестным храбрецом, потому что знали, на кого Темурбек обратит внимание, тому откроются дороги к высоким должностям, чинам. Ни один из воинов и амиров, самоотверженных и отважных, не будет не замечен и будет оценен по достоинству.

– Его зовут Ахий Джаббар... – произнес Аббас бахадур. – Амир Сохибкиран, может быть, вы сами хорошо помните... Из сарбадаров Самарканда, подданный Ночного царства. Я его давно знаю, честный, смелый, преданный парень... Мы подружились с ним, когда я был в Самарканде.

– Откуда он приехал? – вновь спросил Темурбек.

– Он приехал вместе с послом Амира Кайхусрава.

В это время вступил в разговор Жахангир Мирза, забыв про боль в ноге.

– Этот воин находится здесь, достопочтенный отец мой.

– Где же он?

Именно этого ждал Аббас бахадур. Он вышел из шатра и привел Ахий Джаббара, который, остановившись у порога, поклонился, поприветствовал и, преклонившись, поцеловал край одеяния Темурбека. При слабом свете свечи Темурбек увидел высокого, с густыми усами, широкоплечего молодого человека. Конечно, помнит... Этот парень во время похорон сарбадаров на кладбище Шехизинда горько оплакивал погибших друзей. Особенно, когда опускали в могилу Мавляназаде, одного из предводителей сарбадаров. Он плакал и причитал, называя его «жигарим» – родным... Больше Темурбек его не встречал. «Нам нужны именно такие самоотверженные люди, – подумал он. – На таких и надо опираться...»

– Молодец, проявил отвагу, будь здоров!.. – сказал Темурбек сдержанно. – Быть жанмардом, мужественным и великодушным – это Божья милость! Не все устаиваются этой чести.

– Сие есть истина. Красиво сказали, Амир Сахибкиран! – подтвердил Мир Сайид Барака.

Ахий Джаббар стоял, с почтением склонив голову.

Темурбек собрался обойти войска, чтобы донести до всех, что первый день стал первым шагом на пути к победе, а также узнать настроение амиров. Следом за ним все вышли из шатра.

(Продолжение следует)

*Перевод с узбекского автора
и Саодат Камиловой¹*

¹ Саодат Камилова родилась в 1974 г. в Ангрене. Кандидат филол. наук, доцент, автор многочисленных литературоведческих публикаций, переводчик.

проза

Абдулла А'зам

Родился в 1947 г. в Андижанской области, окончил МГУ им. Ломоносова, доктор физико-математических наук, работает в системе высшего образования, член СП Узбекистана, автор многочисленных научных публикаций и художественных произведений. Живет в Ташкенте.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

(Сценарий футурологического фильма)

Ее звали Еврипида.

Она была стройной, блистала своей неподвластной годам свежестью кожи, особенно лица, как витрина элитного бутика. Даже самые опытные в физиологии и психологии женщин специалисты допускали грубые ошибки при определении ее возраста. Ноги, загорелые под солнцем средних полос и его отражения на светло-синем море, волосы от природы спокойно-светлые, а главное, конечно же, сердце, работающее в таком равномерном режиме, которому невозможно найти сравнения – все в ней утверждало, что она будет жить долго, устойчиво преумножая материальное и прочее благосостояние.

Стоя на террасе с видом на небесно-голубой залив, упершись руками на парапет широкой террасы, она с глубоким удовлетворением, как Цезарь, утвердивший свою власть в Риме, изрекла:

– Наконец, добилась!

Двадцать лет своей драгоценной жизни потратила она, чтобы наступил этот день, эти минуты. Она была готова чуть ли не взлететь в небо. А духом уже парила там.

Утром, когда проснулась и ей в постель принесли кофе, у нее еще не было стопроцентной уверенности в вердикте суда. Кофе так и остался не тронутым, потому что позвонил старший группы адвокатов:

– Поздравляю, мэм!

И утро стало для нее самым счастливым в жизни. Еще бы, выиграть такое дело! Одержать такую победу. Над закоренелым ханжеством равных по положению, над железобетонными комплексами тех, кто пониже. Над целой ордой журналистов, политических, культурных («нет» – промелькнуло где-то в уголке ее сознания, – не очень культурных и даже бескультурных) и иных деятелей, над консервативным крылом Высшего суда. Более того, она была склонна считать свое достижение победой над целым миром, над всей историей – прошедшей и будущей. При всем при этом нашла нужным возразить себе: «Нет, впереди будут еще победы. Не менее значимые». И настроение у нее поднялось еще выше, туда, где лениво плыли белые лоскуты облаков.

В какой-то степени она имела право на все это. А как же иначе? Если она сумела взять верх в длительной борьбе за свое право жить так, как она хочет, то тем более имела полное право быть удовлетворенной и наслаждаться успехом.

Несмотря на такие внутренние самоуверения, в ее ощущениях присутствовала крупинка беспокойства, как пятно случайной капли, оставившей след незримо мутного городского воздуха на только что вымытом лобовом стекле. И Еврипида начала оттирать его твердой логикой:

– Разве не сама судьба вела ее к этому рубежу?

Она слыла в среде избранных респектабельной дамой, дважды овдовевшей, оттого как бы дважды пережившей весеннее цветение и ожидающей очередного.

Лишь отдельные знатоки женской души мимолетно замечали, и то очень редко, загадочную озабоченность в ее искрящихся глазах. Мужчины, одетые по-разному, но по самой высокой моде, и в соответствующей одеянию степени галантности поведения, на

официальных раутах и неофициальных приемах пытались тронуть ее душу, с прищелом установить близкие отношения и с потаенной надеждой овладеть ее сердцем.

Но она проявляла к ухаживаниям безразличие, граничащее с отвращением. Поначалу это объясняли тоской по бывшим мужьям. Позже выводом о том, что у нее каменное сердце.

На самом деле причина была несколько иной. Вряд ли кто-нибудь мог подозревать это, пока она в один прекрасный день не объявила сама:

– Я вступаю в брак с Оранжем!

Это был громом среди ясного неба, с коим нельзя было сравнить никакую грозу, разразившуюся с тех пор, как на земле появились первые люди, которые называли себя людьми, потому что считали, что они ЧЕЛОВЕКИ, составляющие род *Homo Sapiens*, отличающиеся от всех остальных божьих созданий не только бесшерстной внешностью, не только членораздельной речью и даже не сознанием с развитым логическим мышлением (как потом оказалось, всеми этими качествами владеет и Оранж), а, главным образом, чувством стыда, чего никогда не было у тварей любого рода и вида. В том числе и у Оранжа, пусть и выращенного в домашних условиях как человеческое дите.

– Этого нельзя допустить категорически! – возмущались многие.

– Надо отправить ее в психбольницу! – предлагали некоторые.

Другие же просто вертели указательным пальцем у лба, сочтя не стоящим предлагать что-либо.

– Пусть убирается вместе со своим избранником к свекру и свекрови! – сострил кто-то.

– Как она могла дойти до такого? – недоумевали многие.

– Любопытно! – изрек с улыбкой довольно ошутимый слой окружающих.

– А мне какое дело? – считало абсолютное большинство. Зато нашлось немало людей противоположного мнения:

– Что тут особенного?

– Нет, все нормально.

– Надо отдать должное ее смелости.

– Я бы сказал, честности! Так должны поступать порядочные люди, живущие в демократическом обществе!

Блоггеры и пользователи социальных сетей были в основном единодушны: «Это ее личное право!»

Спор длился пять лет во всех видах СМИ, включая главные каналы телевидения.

Пытливые журналисты всеми доступными и недоступными, порою запрещенными, в том числе неэтичными средствами выискивали подробности истории любви Еврипиды к Оранжу. Было опубликовано неисчислимое количество научных и юмористических, полемических и сатирических книг. Кто-то хотел было сравнить случай Еврипиды с романом Веркора¹ о тропи, но ученые это нашли неудачным – Еврипида не рожала от мужей из человеческого рода и не собиралась рожать вообще. Стала бестселлером книга группы ученых «Дарвин воскрес?» В ней, несмотря на ироничное заглавие, была дана достаточно объективная линия жизни Еврипиды. (Автор для этого рассказа многое почерпнул именно оттуда).

Будучи красавицей, с богатым приданым, она долго выбирала себе спутника жизни. В конце концов, остановилась на коренастом и темпераментном графе, с усами «а ля Штраус». Как раз от него ей досталась нынешняя вила на лазурном берегу.

В начале супружества ее устраивало в нем все, так что она ничего, кроме синего неба над головой, просто не замечала. Совместная жизнь, как хорошо известно, имеет одно качество, которое не всегда предвидится брачующимися, хотя имеет решающее значение для крепости и долговечности супружества. А именно, чем дольше вместе, в тесной близости, живут два человека, тем больше они начинают видеть и слышать, осязать и чувствовать, более четко замечать даже мелкие штрихи характера друг у друга. Есте-

¹ Веркор (Жан Марсель Брюллер; 1902-1991) – французский писатель, драматург, издатель и иллюстратор, активный участник антифашистского движения. Перевел (вместе с женой Ритой Бариссе-Веркор) несколько пьес Шекспира. Его роман «Молчание моря» Ф.Бегбедером был включен в число лучших 50 образов прозы XX века. В приключенческом романе «Люди или животные?» (1952), посвященном критике расизма, главный герой Дуглас Темплмор, чтобы спасти тропи (полулюдей-полуобезьян, якобы найденных на одном из островов) от рабской эксплуатации фабрикантами, идет на авантюрный эксперимент – искусственным оплодотворением добивается рождения смеси человека и тропи, которого он убивает, затем в суде доказывает, что тропи тоже люди и превращать их в рабов преступно.

ственно, не все то, что всплывает на поверхность, будет иметь знак плюс: одно покажется непонятным, другое – раздражающим, что-то – отталкивающим. То, что жене кажется важным, мужу видится пустяковым и наоборот. Такие важно-пустячные мелочи быта, накапливаясь, как сумма бесконечно малых Лейбница, набирают вес и превращаются в гирию, которая волочится, прикрепленная к ногам.

Эта участь не обошла и Еврипиду с мужем. В такую увесистую гирию превратился темперамент графа. Он был азартным человеком. Азартным во всем. Что имеет свои положительные стороны. Особенно безудержным он был в любви к охоте. Это было для нее большим минусом. О том, чтобы она сопровождала мужа в его сафари, не могло быть и речи. Кроме отсутствия всякого интереса к хобби мужа, у нее была слишком нежная кожа и доктора настоятельно рекомендовали избегать прямых солнечных лучей, разрешая загорать только ее рукам до запястья и ногам до колена. Последствия его пристрастия к охоте постоянно ощущались дома – муж держал охотничью собаку и сокола. Не просто держал, а очень любил их, большую часть суток возился с ними. Особые отношения были у него с собакой. Она всегда спала рядом с их ложем. Однажды она рано утром вышла на прогулку, а вернувшись с моциона, разинула рот, увидев, как собака спала в обнимку со своим хозяином, то, бишь, ее мужем. Когда потрогала собаку, чтобы та сошла с постели, изумилась почувствовав, насколько шелковистой была ее шерсть. Невольно рукой потрепала свои волосы и с горечью призналась, что они не выдерживают сравнения.

Такие нюансы в «семейных отношениях» привели к трещине в супружестве. Последняя точка была поставлена, когда муж заявил, что назначен руководителем охотничьего заказника где-то в джунглях Африки, куда можно добраться только на вертолете. Разумеется, она категорически отказалась поменять виллу на лазурном берегу со всеми современными удобствами на экзотическое и дикое место жительства, с единственной привилегией – справляя нужду где хочешь.

Хотя она официально не развелась, все равно оказалась вдовой – через два с лишним года получила извещение о том, что муж умер от укуса змеи. Вместо того, чтобы хоть для вида печалиться, она улыбнулась краешком губ, отметив про себя, как мудро поступила, не поехав с ним, ведь это она могла бы быть укушенной.

Таким образом, к фактической свободе, которой Еврипида пользовалась после отъезда мужа, добавилась и формально-юридическая. Она снова начала посещать вечера так же, как до замужества, как-то похорошев еще больше. Снова вокруг нее начали суетиться охотники за ее сердцем, тем более, все знали, какое наследство ей досталось, о чем по крайней мере ясно свидетельствовала всем хорошо известная вилла с зимним бассейном, наполняемая морской, минеральной и дистиллированной водой на выбор.

Стрела одного из претендентов попала-таки в «цель» – Еврипида приняла предложение дрессировщика с усами «а ля Дали». Казалось, привязанность нового избранника к животным должна была отпугнуть ее. Но, как известно, душа человека, в особенности женщины – потемки.

После отъезда первого мужа в Африку она иногда тосковала по нему, а иногда – по его соколу и собаке. Так что, профессия нового мужа легла весомым грузом на чашу весов при выборе свежего спутника жизни.

Дрессировщик, разумеется, держал всех своих подопечных в специальном помещении при цирке. За исключением обезьяны-мерина, которого очень любил – именно благодаря ему дрессировщик стал всемирно известным: на манеже его воспитанник показывал чудеса интеллекта, вплоть до решения арифметических задач, с которыми не справились бы и некоторые старшеклассники. Этологи это объясняли тем, что обезьяна-интеллектуал была из рода орангутангов по материнской линии, а по отцовской – из рода горилл. Поэтому была названа именем «Оранжелла», для удобства «Оранж». Это был самец с хорошей осанкой, достаточно светлым бронзовым цветом кожи, шерсть марки блонд-2 вокруг лица придавала его облику довольно импозантный вид.

Так вот, этот любимчик публики переехал к ней на виллу вместе с партнером по манежу. (Не наоборот же.)

Первые недели совместной жизни (имеется в виду – с дрессировщиком) она была немножко растеряна:

– Как это, обезьяна будет жить вместе с нами? Что подумают люди?

Но не прошло и месяца, как она привыкла к нему, и ей даже стало немножко неловко за эти мысли. Оранж был не только, как было отмечено выше, очень умным, но столь же благодрессированным. Не шумел, не бегал, наоборот, большую часть времени проводил в наблюдениях. Не редко Еврипида негромко, но долго, то удерживая себя, то безудержу

смеялась, застав его в позе «мыслителя» Родена, копия которого торчала тут же у входа в парадный холл. Однажды она спросила у мужа, о чем Оранж думает.

– Обо всем том, что он наблюдал и видел, – ответил он серьезно на этот, в общем-то шуточный, вопрос.

Тут она вспомнила, как Оранж быстро научился пользоваться Ай-ТВ, который был подарен ему, в общем-то с целью подшутить над ним, посмотреть, что из этого выйдет. Результат оказался неожиданным: Оранж почему-то не любил передачи типа «В мире тварей», «Интернэшнл Жеографик–Уайлд», а любовался сериалами про Тарзана и Маугли, а из серьезных обожал Чарли Чаплина. Если же наткнется на цирковые номера с участием обезьян, хмурился, долго фыркал, ворча под нос, и переключал на другой канал или вовсе нажимал на клавишу «Выход».

Нередко муж рассказывал после возвращения с выступления, как Оранж выкидывал неожиданные номера, заставляя зрителей давиться от смеха. Например, недавно он подарил букет цветов даме из десятого ряда, стоя на коленях. «Кстати, она была одета в такое же платье, как у тебя», – добавил он при этом. – Зрители аплодировали мне, думая, что это я его научил такому номеру, а ту даму считали подсадкой. Если бы они знали, что все это он сам, благодаря своей наблюдательности и интеллекту, то не знаю, хохотали бы еще больше или, наоборот, умолкали».

В общем, в семье Еврипиды в те времена царил сказочная идиллия. Но жизнь, как было замечено еще древним мудрецом Соломоном, не сказка, она переменчива как погода в горах. Очередное испытание на долю Еврипиды свалилось как снежная лавина – мужа прямо во время выступления растерзали на куски бенгальский тигр, лев из Серенгети и нильский крокодил. Говорили, что реакция хищников была защитная – они уstraшились полуголой девы, разρισованной тату с ног до шеи, которая сидела в первом ряду.

Обогатившись новым крупным наследством, бедная Еврипида снова оказалась вдовой. Но на этот раз она горевала долго, вообще перестала появляться в обществе. Оранж тоже наотрез отказался выступать и горевал не меньше. От того он стал еще ближе своей хозяйке. Так они и скорбели – он по любимому наставнику, она – по мужу, плюс к тому же от того, что холостяки стали с опаской относиться к сватовству к ней – друг их тоже....

Шли годы. Общество Еврипиды украшал один Оранж. Оно было совсем необременительным. Совсем наоборот: в меру умным, в меру тактичным и ничуть нетребовательным. Что бы ни подавали на стол – ел с удовольствием. Чтобы ни предлагали надеть – надевал беспрекословно. Самое дивное, он был довольно чувствительным. Гулять с ним – в тихом саду ли, или по многолюдной набережной – Еврипиде было одно удовольствие.

Она ошущала, что как-то привязывается к Оранжу, он уже давно стал самым близким существом.

Оказалось, все это были только цветочки. Однажды созрела и ягодка. Это произошло в августовский вечер, перед ужином. Будучи самовлюбленной, Еврипида имела привычку в день рождения собирать цветы с клумбы и ставить на подставке у своего портрета, подаренного мужем-дрессировщиком. В том году, скорбя о гибели мужа, она не вспомнила об этом. А потом, даже вспомнив, не стала следовать своей привычке. В день ее рождения, про который она и не вспомнила, направляясь в столовую на ужин, она увидела букет цветов на подставке. Это было невообразимо трогательно: прислуга на такое не осмелилась бы; это могло быть только делом рук Оранжа. Стало настолько приятно, что от умиления расплакалась. Когда подошла к столу, увидела сидящего Оранжа с сияющими глазами. Она все поняла и приказала заново сервировать стол, у владельца самого элитного отеля «Негреско» не хуже, чем в день рождения. А сама подошла к бару, чтобы приготовить любимый ликер, который гости Еврипиды в свое время называли «Розовым Дьяволом», состоящий из ровных частей коньяка, бренди, портвейна, мадеры, шнапса, джина, водки – всего более двадцати видов напитков, на основе лучших соков «Нестле».

Еврипида налила Оранжу и себе. Чокнулись. Выпили. Яства, от которых ломился стол, остались почти нетронутыми. Стало душно. Послав Оранжу воздушный поцелуй, она помахала рукой: «Спокойной ночи, милый!» Чутьочку пошатываясь, как стебелек на ветру, направилась к спальне. «Розовый Дьявол» разогревал кровь. Стянув всю одежду, накинула на себя роскошный пенюар и бросилась в кровать. Среди ночи начался дождь, повеяло прохладой. По ее сонному телу прошла легкая дрожь. В состоянии полудремы пыталась натянуть на себя одеяло – не достала.

Через несколько секунд она ощутила желанное тепло, будто ее прикрыли пуховым одеялом. Стало уютно.

Ложе качнулось как лодка и поплыло среди облаков...

Когда она открыла глаза, увидела себя в объятиях Оранжа.

Если подумаете, что она пришла в ужас или ярость, то допустите большую ошибку. Наоборот, она тоже крепко-крепко обняла его. Она ценила уют и тепло.

Так она нашла себе третьего мужа. Гражданского, если уместно так сказать.

Она была довольна судьбой, и о чем не тревожилась. Конечно, как разумная женщина, она приняла все меры, чтобы происходящее в ее доме не получило огласки. Чтобы уберечься от электронных и космических папарацци, приказала накрыть виллу тончайшей сеткой из титана.

С течением времени она стала подумывать о том, как выйти в свет в новом статусе, реакцию на который трудно предсказать. В конце-концов пришла к твердому мнению, что в этом нет ничего зазорного. Она хочет не только гулять со своим любимым избранником, но и посещать ночные клубы, отправиться в кругосветное путешествие, наняв одну из красующихся в заливе яхт.

После раздумий Еврипида созвала пресс-конференцию.

– Я вступаю в брак с... (тут она на мгновение запнулась, ища формулировку) с господином Оранжем! – заявила она.

Конференц-зал был почти полон, хотя среди присутствующих журналистов было немного – большинство представителей прессы не проявили интереса (и потом кусали локти). Ее заявление слышали, главным образом, ее бывшие друзья, знакомые, а также праздные любознатели, каких уйма на курортах.

В зале все стихло секунд на десять. Затем кто-то съязвил (а может и нет):

– А где жених?

В рядах сидящих и стоящих началось перешептывание, которое постепенно перешло в шум и гвалт. Еврипида не обращала на это внимания. Гордо покинув зал, она отправилась на свою виллу, – она сделала свое дело. А что до остального...

О том, что было после ее заявления я уже рассказал.

Новость за день облетела город, затем и весь мир.

Для газет и телевидения, считайте, как метеорит с неба упал – огромная сенсация. Папарацци начали охоту на молодеженцев, сравнимое только с преследованием незабываемой принцессы Ди и ее уже забытого спутника в Париже. Но Еврипида и Оранже, в отличие от последних, вели малоподвижный закрытый образ жизни. Правда, это еще больше подливало масла в огонь ажиотажа вокруг темы. На всех каналах телевидения были проведены круглые столы и ток-шоу. Были высказаны десятки различных точек зрения, даны сотни оценок. Одна из передач даже закончилась потасовкой между противниками нового типа брака и сторонниками либеральных ценностей. Было явно преобладание сторонников Еврипиды. Когда в программе "Пусть болтают" профессор-сексопатолог заикнулся было о том, что такое явление давно известно в медицине и считается отклонением от нормы, на него тут же набросились:

– Ты сам зоофил! Сам лечись! Сразу видно – ненормальный!

Когда пересуды начали понемногу стихать, разразился новый скандал. Оказалось, что Хелливуд в сотрудничестве с французской компанией, в свое время снявшей киноповесть "Мужчина и женщина", начал съемки фильма про роман Еврипиды с шимпанзе в роли Оранже. Пока возились с новоиспеченной кинозвездой, чтобы обучить его актерскому мастерству, Белливуд обошел своего конкурента – продюсеры нашли в одной из соседних стран мужчину, который после грима вполне сошел за героя, было намного легче репетировать с ним роль Оранже. Но агенты Хелливуда выявили, что белливудцы начали съемки без согласия Еврипиды и подали иск на соперников. (Возникший вопрос о том, следовало ли заключать творческий договор и с Оранжем – стал новой темой для дискуссий.)

В конце концов, все было улажено – оба фильма вышли в прокат, установив новый рекорд по кассовому сбору. Зрители сперва смотрели один фильм, потом другой, спорили и снова шли на просмотр. В одном из кинотеатров был организован параллельный показ обоих фильмов. Такой успех фильмов принес Еврипиде приличный гонорар.

Пересуды вокруг брака Еврипиды с Оранжем стихли в связи с наступлением президентских и парламентских выборов. Потом один за другим последовали то бурные события в международной политике, то природные катаклизмы, то новые проявления культурной революции, и все начали забывать про женщину, осмелившуюся выйти замуж за человекоподобного.

Интерес к неординарному браку вспыхнул в третий раз, когда Еврипида начала борьбу за официальную регистрацию своего брака. Это был рутинный процесс, длившийся несколько лет. Религиозные конфессии никак не соглашались на венчание, одни – категорически, другие – не очень, третьи – довольно вяло. Свой отказ они объясняли тем, что, если даже признать право Еврипиды на венчание, невозможно определить религиозные

убеждения ее суженого. Еврипида даже подумывала, не обучить ли своего мужа выполнять религиозные обряды хотя бы формально, как и многие, кто считает себя верующим. Но пришла к заключению, что лучше потратить силы и энергию на официальный брак в государственном учреждении, что имело определенные преимущества. Чтобы сберечь свои нервы, предпочитая как можно больше проводить со своим любимым, она наняла группу известных адвокатов, предварительно выяснив взгляды каждого из них на предлагаемое дело. Эта затея стоила немало, но Еврипида была готова пойти на все, вплоть до распродажи всего имущества, если надо, и переключиться на остров Елены, где тихомирно провел остаток дней одиозный Наполеон Бонапарт.

Защитники принялись за дело и начали последовательно парировать все аргументы против регистрации.

У Оранжа нет паспорта? Но ведь во всем мире встречаются случаи вступления в брак при отсутствии не только паспорта, даже свидетельства о рождении, причем, и у невесты, и у жениха.

Оранж не в состоянии расписаться в книге записей? Зато может оставить след большим пальцем, выражая свое волеизъявление.

Он не может ответить «да» на вопрос «Добровольно ли он вступает в брак?» Но ведь регистрируются же глухонемые!

И так далее.

Обе стороны были упорны в своих позициях. И адвокаты Еврипиды были вынуждены подать иск. Пройдя безуспешно низшие и промежуточные инстанции, в конце-концов, дело дошло до высшего суда. Его члены, озадаченные неординарностью дела, выбрали тактику затягивания принятия вердикта, следуя принципу Ходжи Насреддина. Как рассказывается в притче, Ходжа обещал султану за двадцать лет сделать своего осла образованным, разумеется, за вознаграждение с авансом на уровне премии имени ученого, изобретшего порох. Когда его жена возмутилась, что он, мол, потерял голову в переносном смысле и через двадцать лет потеряет в буквальном, Ходжа ответил: «Какая ты глупенькая. За двадцать лет кто-нибудь да помрет – или султан, или осел, или, нельзя ведь исключить, я сам. Я же давно уже не джигит. Кроме того, в современном мире нельзя исключить, что ослы и сами научатся читать и писать».

Казалось бы, процесс зайшел в тупик. Но в него вмешалась общественность. В социальных сетях образовалась довольно многочисленная группа в поддержку Еврипиды и намного большая – Оранжа. Они начали пикетировать у здания суда, с красочными плакатами. Медики дали заключение, что, поскольку в соответствии с теорией эволюции человекообразные являются родственниками рода человеческого, правда, очень-очень дальними, то (как это доказано генетикой), чем дальше родство вступающих в брак, тем лучше для генофонда. (Были среди них шутники). Многие влиятельные партии, в которых была сильна группа представителей нетрадиционных сексуальных ориентаций, тоже заступились за Еврипиду и Оранжа, пусть из чисто политических побуждений – склонить на свою сторону еще одну категорию избирателей.

Ровно через десять лет после пресловутой пресс-конференции десятки тысяч благожелателей Еврипиды устроили юбилейное шествие по центральному проспекту. Злые языки распространили слух, что среди них было немало и тех, кто тоже сожительствоет кем-то из своих домашних питомцев. Но это не подтверждено конкретными фактами. Да и несущественно это.

Увидев, какие масштабы приобретает движение «За Еврипиду и Оранжа», высокодолжностные политики тоже начали оказывать давление на суд.

В конце-концов он сдался, с подавляющим перевесом был принят вердикт в пользу наших героев.

Еврипида победила! Да здравствует ...!

Еще один роман о любви на этом должен был закончиться.

Но не тут-то было.

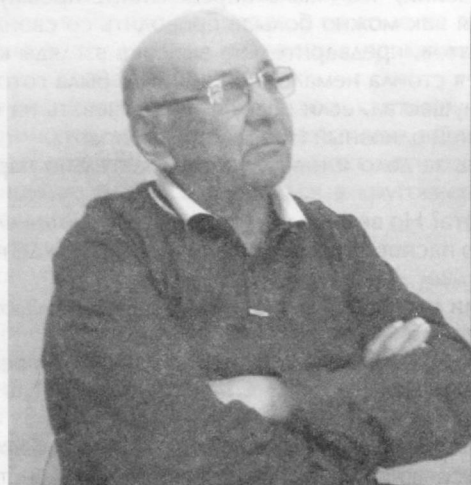
Еврипида, стоявшая на террасе с видом на залив со сверкающей зыбью волн, приняла новое решение: бороться за то, чтобы Оранжу дали гражданство, право избирать и быть избранным.

– Нужно десять лет? Пятнадцать? Все равно добьюсь своего! – сказала она твердо.

– Если к тому времени Гольфстрим не начнет омывать Афразию – кто-то шепнул с запада.

– Если за это время не произойдет конец света – прозвучал слабый, но отчетливо слышимый голос с востока.

поздравляем!

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО АБДУХАКИМА ФАЗИЛОВА

Писателю и ученому физику Абдухакиму Фазилову исполнилось 70 лет. От имени коллег по перу и друзей, общественного совета и редакции журнала «Звезда Востока» сердечно поздравляем юбиляра с знаменательным рубежом. Искренне желаем коллеге порадовать читателей новыми увлекательными книгами в избранном им жанре научной фантастики и, конечно, новых достижений в основном направлении его творческих дерзаний – физике.

С этой фундаментальной отраслью знаний связана вся жизнь юбиляра. Абдухаким закончил столичный политехнический институт, а ныне признанный центр воспитания, инженерных кадров – Ташкентский государственный технический университет имени Абу Райхана Беруни. Затем дипломированный инженер-физик работал семь лет в получившем мировое признание центре подготовки кадров высшей квалификации в области физики – Физическом институте в Москве, где и защитил диссертацию на соискание научной степени. Ныне Фазилов сотрудник самого молодого научного центра Академии наук Узбекистана – Института материаловедения НПО «Физика - Солнце».

Читателям Абдухаким Фазилов известен как автор повестей и рассказов о загадочных явлениях природы и тайнах истории. Его произведения печатались в альманахах «Фантастика – 82» и «Молодость» и других изданиях, вышли в свет отдельными книгами – «Восточное вращение» и «Судьбы вертящееся колесо», переведены на английский, французский, немецкий, арабский, чешский, польский, литовский, казахский, хинди языки. Сам Абдухаким пишет на узбекском и русском языках. Занимается переводом с узбекского на русский. Последний тому пример – опубликованный в его переводе в журнале «Звезда Востока» рассказ Саломат Вафо «Устюрт».

Фазилов, как отмечалось, работает в жанре, который принято называть научной фантастикой. Этот жанр ограничивает писателя требованием правдоподобия излагаемого, верности подмеченным тенденциям развития науки и техники, т.е. такая фантастика, предполагает возможность стать реальностью. Не удивительно, что ею стали и некоторые идеи Абдухакима Фазилова. Он не только изложил в рассказе «Смерть фараона» принцип действия лазера на солнечной энергии, но сам спустя тридцать лет материализовал совместно с коллегами эту идею в конструкции из монокристалла, металла и

компьютера. Устройство помогло в миллионы раз уплотнить солнечное излучение. Этот результат был достигнут на расположенной в отрогах голубого Тянь-Шаня большой солнечной печи Института материаловедения. Полученные здесь в эксперименте данные весьма необходимы проектировщикам космических электростанций. Они, вращаясь вокруг нашей планеты на высоте порядка 36 тысяч километров, где нет «дня» и «ночи», смогут непрерывно передавать на поверхность земли, например, на приемный пункт в пустыне Кызылкум, в виде лазерного излучения мощные потоки энергии на компактные антенны. Такие электростанции не подвержены влиянию осадков и ветра, им не страшны землетрясения и другие стихийные бедствия.

Лазер, как и многие выдающиеся технические открытия, был «изобретен», уместно отметить, писателями, первым из фантастов под названием «тепловой» луч его описал в 1837 году в романе «Борьба миров» Герберт Уэллс. Потрясающую мощь такого устройства в 1925 году продемонстрировал герой повести Алексея Толстого инженер Гарин. Комментаторы этого произведения, отдавая должное писательской фантазии, на всякий случай предупреждали читателя, что никакого такого луча быть не может, а он все-таки стал реальностью уже в 1960 году.

В области научной фантастики заметный след оставили известные ученые. Здесь уместно вспомнить русского палеонтолога Ивана Ефремова или американского биохимика Айзека Азимова. Их имена хорошо известны миллионам читателей. Хотелось бы пожелать наименьшей популярности и нашему земляку – Абдухакиму Фазилову. И, конечно, новых увлекательных книг.

Анатолий Ершов

Вниманию читателей «Звезды Востока» предлагается эпизод из опубликованной в 1987 году повести А.Фазилова, имевшей огромный общественный резонанс.

УНИКАЛЬНОЕ ПОДПРОСТРАНСТВО

День тот с самого утра показался мне необычным, каким-то странным. Проснулся я с удивительно легким чувством на душе. Можно сказать, в хорошем настроении. Вообще-то, легкость на душе и хорошее настроение сами по себе еще ни о чем таком странном не говорят. Ведь сколько людей каждый день просыпаются в подобном состоянии – нельзя и сосчитать. Но дело в том, что я-то никак не мог рассчитывать на такое пробуждение, особенно в эти дни. А эта дурацкая легкость на душе никоим образом не вписывалась в рамки душевного состояния, ставшего привычным для меня в последние месяцы. И уж совсем ни в какие ворота не лезла откуда-то вкрадывавшаяся в сознание мысль, подкарауливавшая меня с утра. Она вертелась в голове как навязчивая мелодия: сегодня должно случиться что-то хорошее. «Должен же когда-нибудь наступить конец всему этому безобразию», – шептал мне вкрадчивый голос...

Но меня на подобные фокусы уже не купишь. Я-то уже давно понял, что конец таким безобразиям не приходит просто так, вдруг. В самом деле, не может ведь быть, чтобы вдруг вызвали меня в дирекцию, или, скажем, специально созвав для этого заседание Ученого совета, публично заявили – дескать, мы ошибались, виноваты перед тобой, тема твоя актуальная, по крайней мере, не менее актуальная, чем наши темы, иди, продолжай работать, мы больше не будем ее закрывать. Нет, не может быть! Хотя бы по причине того, что столько умственной энергии потратили они, чтобы юридически правдоподобно оформить каждый свой шаг, мало того, еще и «научно обосновать» нерациональность и нецелесообразность всего, что я начинал в последнее время. Действительно, с чего им вдруг идти на попятную перед таким растяпой, каким я, наверное, предстаю перед их взорами. Тем более тогда, когда почти все, что ими задумано, уже благополучно воплощено в жизнь.

Эти, казалось, трезвые рассуждения очень быстро вернули мне подавленно-мрачное настроение, во власти которого я пребывал последние месяцы. И по привычке этих безрадостных дней я с утра напрямик направился в свое убежище – библиотеку. Деваться мне больше было некуда – везде я чувствовал себя чужим, посторонним. Таким ошущением я был обязан поразительному чутью той части публики, которая существует как обя-

зательная субстанция в организациях типа наших и которая, мгновенно реагируя на то, кто в данный момент «в струе», а кто «в опале», создает и надежно поддерживает вокруг него либо ореол славы, либо холодный вакуум, в зависимости от ситуации.

В библиотеке же, углубившись в потрепанные недра старых журналов времен романтической эпохи «революционных переворотов в науке микромира», я пытался уйти от суеты будней. И сегодня, еще один раз выдержав полупрезрительный взгляд красотки библиотекарши (действительно, с какой стати ей тратить свое «драгоценное время» на меня, конечного человека?), я с кипой пожелтевших от времени «Успехов химии» направился в свое излюбленное местечко в дальнем углу читального зала. Через минуту меня уже захватили идеи, еретический квантовый дух которых с грохотом сокрушал тысячетлетние устои классической химии.

Так обычно я некоторое время блаженно парил в этой атмосфере, пока какой-нибудь случайный фактор из реальности не возвращал меня обратно в среду моих «успехов» в институте...

Вначале все это кошмарное наваждение я принимал за обычную «полосу неудач». Действительно, покажите мне человека, который не испытывает время от времени отрезвляющего действия этих «полос». Они ведь, как некая профилактическая процедура, сбивают с нас спесь и гордыню, которыми мы периодически обрастаем, как полировка пылью, особенно когда дела наши идут более или менее успешно... «Полосы» имеют разную природу. Например, какая-нибудь непредвиденная объективная причина мешает выполнить очередное задание руководства, ты толком не можешь объяснить свою невиновность, а руководство, недолго думая, в спешке больно наказывает тебя. Окружение хотя и видит в этом элемент несправедливости, считает «экзекуцию» полезной для сбивания той же спеси. Когда подобные неприятности идут, подряд в течение недолгого времени, образуя цепочку, то это и называют «полосой неудач». Справедливости ради надо признать, что часто наш брат сознательно или несознательно маскирует под этим понятием цепь своих собственных глупостей, промашек. Естественно, я считал тоже, что глупостей делать не способен, и что все происходящее – самая обыкновенная «полоса неудач». Считал я так месяц, два, три. Но на четвертый даже до такого остолапа как я, наконец, начало кое-что доходить...

А по существу происходило вот что. Меня почему-то начали оттирать от науки. Вначале незаметно, исподтишка, потом все откровеннее, но при этом юридически почти безукоризненно. Поначалу я связывал это с моими недавними провалами в экспериментах по подбору катализаторов для последнего цикла реакций. Неудачи в химии я со временем преодолел, но неприятности продолжали прогрессировать самостоятельно, с прежним успехом. Под различными благовидными предлогами мне отказывали в штатных единицах, оборудовании, в рабочих площадях, вообще в любом начинании. Мало того, ловя малейшие мои промахи, лишали даже того скудного багажа, что оставался у меня с прежних времен. Я метался, как раненый зверь, ничего не понимая в происходящем. Хорошо, что пришли на помощь умные люди (благо, почти везде таковые имеются). Они и растолковали мне, что к чему.

Дурак ты, говорили они, неужели не видишь, что дело не в твоих временных неудачах в химии, у кого их нет, разве что у тех, кто просто ничего не делает. Все дело в том, что ты давно уже сидишь у руководства в печенках. Спрашиваешь, почему? Да потому, что ты никак не хочешь вписываться в общую предначертанную схему. Все порываешься двигаться своим путем. Опять не понимаешь? Тебе обязательно надо называть вещи своими именами? Слушай. Наше руководство считает, что если в науке и надо что-либо планировать, так это очередность представления «самым заслуживающим» возможности делать и защищать диссертации. Естественно, это у них называется «правильным и планомерным воспитанием научных кадров». А ты что делаешь? Решил, что раз ты научный сотрудник, тебе без всяких предварительных заслуг положено активно заниматься наукой! Так ты, чего доброго, невзначай сделаешь хорошую работу, хуже того, можешь без очереди, без соответствующего на то благоволения и защититься. Этим ты отнимаешь душевный покой у прилежных очередников, а руководство лишаешь такого мощного рычага власти, как возможность по своему усмотрению управлять карьерой сотрудников. Надо отдать

ему должное, оно вначале довольно тактично предупредило тебя об этом, устроив несколько неприятностей. А ты решил, что это «полоса невезений» и пуше прежнего начал усердствовать в науке. Поняв, что твоя бестолковость совершенно безнадежна, руководство, ясное дело, решило полностью нейтрализовать тебя в науке, что ты и имеешь на сегодняшний день.

Спрашиваешь, что тебе теперь делать? Уйти из института, если не хочешь, чтобы тебя уволили по какой-либо причине. А причину найдут. Хотя бы «ввиду полной безрезультативности», которую ты обнаружишь через год при таком развитии событий.

– Если так, я молчать не буду! Пожалуюсь на них в общественные организации, в Ученый совет, в конце концов! Пусть потом пеняют на себя!

В ответ раздалось форменное ржание.

– Неужели до тебя еще не дошло, что уникальность нашего института (и не только нашего) в том и заключается, что у нас общественные организации, ученый и прочие советы выполняют свои функции, мягко говоря, с точностью до наоборот? Они служат всего лишь для придания видимой законности и, самое главное, коллегиальности делишкам руководства, а не для защиты интересов таких бедолаг, как ты. Конечно, в обществе подобные искусственно созданные руководства порядки вряд ли смогут долго удержаться, как не удержался бы некий уродливый водяной столб, поднявшийся на тихой поверхности озера в силу стечения невероятнейших проявлений стихии. Но, поверь, этого времени вполне хватит на то, чтобы зарубить карьеру десятков таких, как ты... Так что, раз попал в такой переплет, уходи отсюда пока не поздно.

Спрашиваешь, куда уйти? Ты что, с Луны свалился? Конечно, в ВУЗ. Сейчас все неудачники в науке, такие, как ты, бегут именно туда. Что? Педагогический талант? Да не смей ты людей. В анкете, которую тебе дадут заполнять, нет такой графы...

Поняв свою беспомощность в борьбе за существование в институте, я подал документы сразу в несколько вузов и в ожидании их решения проводил свои безотрадные дни в библиотеке...

После меланхолического застоя, во власти этих невеселых мыслей, я с трудом вернул себя к уравнениям квантовой химии. Статья, написанная, видимо, молодым и напористым автором, виртуозно владеющим математическим аппаратом только что построенной тогда квантовой теории, разбив в пух и прах ряд многовековых представлений о строении вещества (в те годы это было в порядке вещей), заканчивалась на середине странички хлесткими фразами, звучащими как реквием-приговор добываемой тогда классической теории.

А ниже, с пустой половины странички, на меня издевательски косился синий чертик – шайтан, нарисованный бытовавшей еще в те годы чернильной авторучкой. Рисунок был удивительно живым и, казалось, представлял собой портрет автора приведенных чуть выше «еретических» формул. Издевательская физиономия шайтана опять возвратила меня в суровую действительность. Уставившись на него, я начал погружаться в нерадостные мысли...

И вдруг – о ужас! Длинный хвост шайтана, тянувшийся до правого нижнего угла странички, слегка дрогнул и пришел в движение, негустая синяя шерсть на кончике распушилась. Потом встряхнулось тело и наконец ожило лицо, повторяя точь-в-точь заискивающе-льстивую улыбку нашего доктора наук Эшанходжаева, которую тот демонстрировал каждый раз, слушая очередную околесицу директора... Какой-то кошмар мультипликационный!

Я в ужасе закрыл «Успехи химии». Что делать? Бросить журнал и бежать отсюда? Иначе, видать, дождусь, что однажды меня прямо из этих проклятых стен повезут в психиатрическую больницу. Нет для меня спокойной жизни в этом институте, даже в библиотеке.

«Постой, – остановил я себя, уже вставая, – не спеши! Давай разберемся с шайтаном. Был он все-таки или мне померещилось?» – во мне опять заговорил примитивно прямолинейный дух естествоиспытателя, пытающегося объяснить происходящее в рамках формальной научной логики.

С журналом в руках я вышел из приятной прохлады читального зала в сорокаградусный зной институтского двора. Гнетущий туман, обволакивавший мое сознание в читаль-

ном зале, моментально рассеялся под жестокими лучами летнего солнца. Медленно шагая по раскаленному асфальту унылого двора, я осторожно открыл 21- страницу. Чертик улыбался. Как только я развернул журнал, он тут же правой рукой сделал движение, рассчитанное на то, чтобы прикрыть глаза от прямых лучей солнца, а левой, левой он сделал жест, явно адресованный мне. Ну, нет! На сегодня с меня хватит! Только не хватало останавливать сотрудников и просить объяснить – живой этот рисунок или мне мерещится...

Часов в десять вечера, немного отойдя от потрясения, дома, в своей маленькой комнате, при тусклом свете настольной лампы я опять раскрыл 21 страницу «Успехов химии». Чертик тотчас подмигнул мне. Этого мало – раздался тонкий насмешливый голос:

– Хватит прятаться, я же хочу помочь тебе. Я в курсе твоих «колоссальных успехов» в институте, – растягивая слово «колоссальных», он буквально растаял от блаженства. Потом, усмехнувшись, добавил: – Это ведь все наши козни.

Тут я, невольно вовлекаясь в какую-то нелепую игру, как человек, которого вдруг осенило после долгих мучительных догадок о причине своих бед, набросился на него.

– И после всего этого ты явился сюда поглумиться над своей жертвой? Вот сожгу сейчас эту библиографическую редкость вместе с тобой. Пусть потом хоть увольняют меня из института по самой суровой статье!

Шайтан переменился в лице. Он несколько скис, но все же довольно независимым тоном сказал:

– Не кипятись, будь мужчиной, я уже ушел из группы, где занимаются твоим делом... Я тоже, как и ты, не в ладах с начальством... Видишь ли, оказывается, им не по душе мои выводы, по вашему – идеи.

– Какие еще идеи? Что ты морочишь мне голову? Шайтан опустил глаза.

– Ты должен меня понять. Не обижайся... Эти идеи были... Короче, недавно я предложил план парочки изяшных заварух, которые завершили бы твоё дело в ближайшее время. Ну... чтобы ты тоже, наконец, начал мешать другим, стал бы переходить им дорогу, вставлять палки в колеса, пускать пыль в глаза и так далее. Сам понимаешь, чтобы все это освоить, ты должен был на себе испытать подобные штуки от других. Для этого все «удовольствия» последнего года мы устраивали тебе руками твоих начальников и коллег... В общем, ты был уже почти готов. Еще парочка оплеух, и ты, окончательно созрев, начал бы действовать самостоятельно...

– Мерзкая адская крыса! Ты ешепытаешьсявести сомной какие-то переговоры. К том не вернет прошедший год? Эти бездарно и бестолково прожитые дни? За это время я не сделал ничего полезного, а если и научился чему-нибудь, то лишь изворотливости да подозрительности...

– Ты пойми меня... Эта была моя работа. Против тебя лично я ничего не имел, – прервал меня шайтан. – Теперь я буду помогать тебе.

– Будешь помогать?! Рассказывай кому-нибудь другому. Скорее всего, задумал очередную хитрость? Еще не было, чтобы кто-нибудь из вашего племени изменял своим.

– Видишь ли, меня здорово обидели... Бесцеремонно, в самом корне зарубили мои лучшие идеи... Я их долго вынашивал, можно сказать, всю душу вложил... А на последнем заседании Малого Совета, где в числе других дел рассматривались мои предложения насчет очередных «ходов», посылаемых на твою бедную голову, начальство вдруг заявило, что боссы твоего института и без того кровно заинтересованы в этом деле и так усердствуют для его успешного завершения, что в дальнейший ход событий лучше не вмешиваться, дабы не испортить им чего-либо. Наоборот, мне было предписано внимательно наблюдать за приемами твоего Алима Акрамовича и его свиты, так как, якобы, у них есть чему поучиться... Это они, твои боссы, подпортили мне карьеру. Проведи я эти идеи в жизнь – мог бы спокойно баллотироваться на выборах в Большой Совет...

– А что было бы со мной? – зло спросил я.

– С тобой,... с тобой... – его лицо медленно расплылось в блаженной улыбке, но он тут же взял себя в руки, – позволь не отвечать на этот вопрос. Ты же видишь, я сам хожу в пострадавших. Меня так обидели, что никого из своих видеть не хочу. Хорошо, что кто-то нарисовал вот эту чернильную оболочку. Она пришлась мне как раз впору... Короче, я убежал от своих...

Мне вдруг стало жаль шайтана. Я почувствовал, что нас многое объединяет, в первую очередь, общие неприятности.

– Что же ты хочешь от меня?

– Позволь находиться при тебе. Я могу пригодиться, – быстро ответил он.

– В чем?

– Буду помогать тебе в твоей борьбе.

– Но я не собираюсь, да и не знаю, как надо бороться. Мне не одолеть мое руководство. Они ведь профессионалы. А ваши козни еще не подняли меня до уровня, чтобы отвечать им их же оружием.

– Я буду делать только то, что ты прикажешь. Мы будем мстить, – с готовностью ответил шайтан.

– Нет уж, занимайся своими темными делишками сам, а меня оставь в покое. При твоих возможностях такой компаньон, как я, нужен тебе, как пятая нога собаке, – экспромтом, заявил я.

– Понимаешь, я хотел, чтобы эти деятели, из твоего института, были наказаны именно твоими руками. Только так можно добиться настоящего возмездия. У вас же зачастую все происходит наоборот – злодеи терроризируют одних, а запоздалую расплату за это несут, как правило, перед другими, и тогда, когда эта расплата никого не трогает. При этом возмездие, согласись, обезличивается. Оно воспринимается, чуть ли не как великомученичество, иногда даже возвеличивает наказываемого в глазах несведущего окружения.

Мне эта философия понравилась, но тут же змейкой юркнула темная мысль.

– погоди, допустим, накажешь ты моих гонителей. А что потом? Я ведь знаю, как поступали в таких случаях твои коллеги – Мефистофель, Хромой бес Маймун...

– Ну что ты, – перебил меня шайтан, – в коллекционируемых душах у меня недостатка нет. Для душ же твоих гонителей у меня давно готовы самые комфортабельные места. И, потупив голову, с обидой добавил: – Я исключительно из-за принципа. Хочу доказать кое-кому из ваших, да и из наших тоже, что если твои боссы и перестали бояться бога, то перед шайтаном им еще придется потрепетать...

Так я связался с могущественным единомышленником и решился на борьбу, о которой вчера еще и не помышлял... Мы договорились, что впредь шайтана я буду носить везде в нагрудном кармане, вырвав страничку с рисунком – ясно, не сам додумался до такой крамолы. Опасаясь, как бы не вышло чего-нибудь непредвиденного (рискованных ситуаций я избегал), жестко ограничил сферу и характер действий шайтана. А сигналом для его вступления в игру будет поглаживание сложенной вчетверо странички.

Как я начал догадываться в последнее время, козырным оружием моих «друзей» был непринужденный артистизм. Они с удивительно невинным или по-деловому озабоченным выражением лица и соответствующим тоном говорили совершенно противоположное тому, что у них в это время было на уме. А их действительные помыслы претворялись в жизнь совершенно негласно, застигнув врасплох окружающих, притом именно тогда, когда эти бедолаги либо уже не смогут успеть, либо не смогут предпринять что-нибудь в ответ по каким-то причинам.

Каждый раз, когда директор Алим Акрамович или его правая рука – зам по научным вопросам Расул Сагдуллаевич – замыслив очередную операцию, ее исполнение в знак особого «доверия» поручали ничего не подозревавшему подчиненному, а иногда как бы для забавы и самой намеченной жертве, тот, как и было задумано, не только не подозревал ничего плохого, наоборот, с пылом ревностного исполнителя бросался в бой, будучи опьяненным подобным высоким доверием. Потом, когда дело было сделано и, как говорят, поезд ушел, ходи и доказывай, что ты оказался слепым орудием в руках у нечестных людей. Никто не поможет. Ведь все же было в рамках закона и, естественно, «правил игры»!

Вот мы с шайтаном и договорились, что борьбу начнем с убийственных разоблачений. В нужный момент по моему знаку он проникнет прямо в недра мозга одного из моих «доброжелателей» или его подхалимов (ему это, оказывается, ничего не стоит) и заставит его говорить то, что у того на уме. Вот будет потеха!

Первым, кого я встретил на следующее утро в институте, оказался многострадальный Рустам. С ним наши «друзья» расправились чуточку раньше, чем со мной, но, надо от-

дать им должное, довольно оригинальным способом (в фантазии им не откажешь). Дело в том, что Рустам имел несчастье специализироваться в той же области химии, где большими кусками добывали свой хлеб «правая рука» шефа – Расул Сагдуллаевич и его друг Бузрукходжа Саидходжаевич – заведующий одной из лабораторий – человек, у которого коварство, казалось, выплескивалось через край при каждом шаге его слегка качающейся походки. Но хуже всего было то, что бедный Рустам, на свою голову, разбирался в химии катализа раз в десять лучше, чем упомянутые корифеи, и своим существованием отравлял им жизнь. Тучи над его головой начали сгущаться два года назад, когда этот простофиля разбомбил очередной наукообразный доклад корифеев. В тот же день, прямо на том же семинаре, они объединились против него. Говорят, они даже и не сговаривались об этом (действительно, на что же голова!).

– «Незаслуженно обиженные» какое-то время не могли подловить Рустама, чтобы проучить его, пока однажды этот неискушенный, как обычно бывает, сам не дал отличный повод для расправы над собой. Желая расширить фронт своих исследований, он между делом начал заниматься чисто технической проблемой – определением количества влаги в волокнах хлопка. Казалось бы, чего еще ждать лучшего от научного сотрудника, решившего обеспечить свои теоретические исследования прикладной целью. Надо дать ему эту возможность – пусть разворачивается! А вот и нет. В любом деле сперва надо разобраться, что к чему. «Правая рука» и Бузрукходжа Саидходжаевич разобрались и тут же пришли к выводу, что это как раз тот случай, которого они ждали. Дальше все «разворачивалось» довольно быстро. Втолковать Алим Акрамовичу, что общеинститутские интересы требуют освободить Рустама от всех других дел, дабы он в полную силу занимался «важной народнохозяйственной проблемой», было делом пустяковым. Тем более, что при этом понятливый в таких делах Алим Акрамович отчетливо уловил нотки личной заинтересованности наущничающих в этом вопросе (в любом деле он, в первую очередь, искал эту пресловутую личную заинтересованность, будучи по-своему убежденным, что она и есть единственный фактор, движущий всякое дело).

И вот обалдевшему от такого поворота дел Рустаму в издевательски-торжественной обстановке было дано это «почетное задание» в качестве основной его темы в институте. А со следующего дня началась предусмотренная заранее процедура «освобождения» его от химии – проще говоря – у Рустама начали отбирать уникальные приборы (мол, для использования их в лабораториях, где «действительно занимаются катализом»), затем сотрудников (естественно, «в общеинститутских интересах»), а под конец и лабораторные помещения.

Обобранный догола, отстраненный от привычных дел и на всякий случай несколько раз публично скомпрометированный перед сотрудниками института (чтобы публика перестала верить в его способности в химии), Рустам ходил потерянный, с видом изрядно побитой, но в меру подкармливаемой дворняги (да простит он меня, более достойного сравнения я не нашел). Через некоторое время Рустам, не найдя другого выхода, смирился со своей участью и, прекратив сопротивление, со свойственной ему серьезностью взялся за проблему измерения влажности хлопкового волокна. Вскоре по институту пополз слух, что его потрепанная группа делает совсем уж неожиданные успехи. Под руководством Рустама она за короткое время сделала несколько изобретений. Потом стало известно, что там сконструировали остроумный прибор для экспресс-анализа влажности волокон хлопка, который пункты приема хлопка-сырца начали вырывать у него из рук. И тогда «Правая рука» и Бузрукходжа Саидходжаевич, временно оставившие Рустама без «присмотра», опять зашевелились. Как же так: кто-то в институте напал на золотую жилу – тему, результатами которой, кажется, начали интересоваться даже солидные министерства, а они, можно сказать, хозяева института, от которых все и должно исходить и которым должны приписываться любые стоящие заслуги, выходящие из этих стен, оказываются в стороне. И все это из-за того, что они, якобы обидели Рустама, отстранив его от химии? Ну что же, если даже и так? Все это было продиктовано только заботой о его, Рустама, благополучии. Еще неизвестно, добился бы он в химии чего-нибудь подобного!

И вот реакция тандема корифеев на неожиданные успехи Рустама – многостра-

дальный уже две недели не может получить визу директора на статью, где авторами значатся он сам и никому не известный лаборант. Какая наглость! «Правая рука» вначале вернул статью незавизированной, указав на самую безобидную причину. Рустам, естественно, ничего не понял и, добросовестно выполнив «указания», опять пришел за подписью. Тогда «Правая рука» намекнул на малочисленность авторов. Простак Рустам не нашел ничего лучшего, как заявить, что больше никто не работал и не участвовал. Пришлось в открытую втолковать, чего от него хотят, естественно, при закрытых дверях. Непонятливость Рустама неожиданно превратилась, как с огорчением жаловался потом «Правая рука», в ослиное упрямство. На этот раз Рустам действительно решил не сдаваться и заявил, что пожалуется директору («Надо же быть таким идиотом, – думал уставший от препирательств «Правая рука». – Неужели непонятно, по чьей установке я действую?..»).

Так вот, с утра попался мне уныло бредущий по коридору Рустам.

– Как дела? – спросил я у него с покровительственной уверенностью, приобретенной вследствие сговора с шайтаном.

– Не визируют, – тихо проговорил Рустам, рассеянно проходя мимо. Я его остановил.

– У шефа был?

– Был. Не стал даже вникать. Сказал, пусть Расул Сагдуллаевич решает этот вопрос сам, – унылым голосом сказал Рустам.

– Что собираешься делать теперь?

– Не знаю...

Понятно, что Алиму Акрамовичу не надо было вникать в суть дела, в курсе которого он, несомненно, находился. Пусть «Правая рука» заставит Рустама записать в соавторы его и Бузрукходжу Саидходжаевича и, если сможет, так и себя, а директор как будто и не имеет к этому грязному делу никакого отношения, в случае чего можно будет даже возмутиться «этим безобразием». А если не сможет, то это минус в «активе» «Правой руки». Факт наличия таких минусов в «активе» подчиненных шеф оценивал весьма высоко. Это ведь те важные педали, нажимая на которые (упрекая «с умом» и в нужные моменты) можно эффективно управлять людьми, особенно подчиненными. Прекрасно понимающий подобные тонкости «Правая рука» (ведь Расул Сагдуллаевич тоже готовил себя в руководители) только через свой труп пропустит статью Рустама. Круг таким образом замкнулся. Рустам будет ходить по нему до тех пор, пока не сдастся и не сделает все, что от него потребуют.

После встречи с Рустамом я понял – вот где можно испробовать силу шайтана!

Сегодня на десять часов у директора назначено небольшое совещание для обсуждения хода выполнения хоздоговорных работ. Сообщение Рустама тоже должно быть заслушано. Возможно, там Рустам попытается как-то поднять вопрос о своих незавизированных статьях... И я запущу шайтана. Вот будет потеха.

ПОЭЗИЯ

**Владимир
БАГРАМОВ**

Родился в Москве
в 1948 г. Окончил
Государственную
Академию музыки
имени Гнесиных.
Автор романов
«Прощанье с
птицами», «Страна
убитых птиц»,
сборника стихов
«Босиком по облаку»,
а также 15 пьес.
Заслуженный артист
Узбекистана.
Ушел из жизни 16
июня 2011 года.

Поэты – это жизни семе- на, случайно залетевшие на землю!

Ко дню рождения поэта (19 августа 1948 г.) вниманию читателей журнала «Звезда Востока» предлагается впервые публикуемые стихи и поэма В.Баграмова «Мироошущение», любезно предоставленные редакции вдовой поэта, из его архивных материалов.

МИРООЩУЕНИЕ

(поэма)

А я к тебе, любимая, приник.
Дрожит во мне твой иступлённый крик.
Им полон мир

и твой живот набухший.

Он бьёт меня, он болью губы сушит!
Как ты жесток, рожденья жизни миг.

О, если б мог я боль твою унять!
Стозвонным эхом крик твой догонять,
С тобой сливаться клеточным единством,
Кровавый слиток сердца целовать...
Как ты жестоко, право материнства.

Застывший взгляд.

Распахнуто окно.

Ты, верно, видишь то, что не дано
увидеть мне, слепому в состраданьи?
Мир суетлив в слезах, весельи, брани,
ему что смерть, что слёзы – всё равно.

Что там?!

Звезда с лучом наискосок,
Вязь облаков, и ветер в водосток
Ныряет с шумом.

Город пахнет хлебом.
Дрожит звезды заблудший огонёк
и месяц-пёс лакает кринку неба.

– Что слышишь ты?
– Свирель раскрытых почек.
– Чего ты ждёшь?
– Покоя в суете.

Вселенной глыба, сжатая в комочек,
дрожит в твоём набухшем животе.

Любимая, вцепись в меня руками!
Впитаю соль испарины губами,

Дождём прольюсь!

Сейчас я всё могу.
В горсти дрожащей жизнь уберегу!
Как хрупок жизни миг, рождённый нами.

– Что слышишь ты?

– Как жук былинку точит.

– Что видишь ты?

– Голубку в высоте.

Вселенной глыба, сжатая в комочек,
дрожит в твоём набухшем животе.

Заголовки газетные стынут –

Надвигающаяся пустыня!

«В спальню Синатры забрались вору!»

«Бастуют диспетчеры! Самолёты вне графика...»

«Не доверяйте президенту – актёру!»

«Восковую фигуру украла мафия!»

Чуингамные желваки, сигарета – соска –

Американец «средней руки» у киоска:

/диалог с киоскёром/

– Английские бабы блокировали базы.

– Заразы!

Налогоплательщики, раскрывай карманы!

Всюду «Иваны», всюду «Иваны»...

Куда ни глянешь, они везде,

так и шныряют в нейтральной воде.

– Русские не едут на Олимпиаду?!

– Так надо.

– Игры без них – пустая баланда.

– Пропаганда.

– Причём здесь политика, если спорт?

– Ещё как «отыграемся», первый сорт!

Газетные снимки. Застывшие лица.

Жирного шрифта надгробья.

Профессиональные самоубийцы,
собранные в сословия.

Профиль того, что во бдении зорком

русские танки увидел в Нью-Йорке.

Вороном вешим над городом – «Карк!»

и с небоскрёба – шварк.

Ртами кровавыми снимки прут,

внутрь глаза повёрнуты –

а над безумием Голливуд

мордами, мордами, мордами.

Ботинком у мусорной кучи
/некий языческий танец/
консервную банку «жучит»
маленький американец.

– На Рождество зажигали свечи.

Ещё ореховый торт...

– У русских бесплатно лечат.

– Кто сказал?

– Папа.

– Врёт.

– А твой... Твой негров бьёт!
– Твой безработный четвёртый год,
А мать с полисменом спит!

/на мусорной куче собака сидит./
Драка.

– Ты коммунист, собака!
Я тебя искалечу!
– У русских бесплатно лечат...

/жарко, наверное, перед дождём./

– Давай собаку сожжём?!
– Придержи...!
/бензин, спичка, воюющий факел./
/клаксоны – реквием трупам собаки./

На радиатор тени с глазами.
Настигающая пустыня –
нога – рассерженная гусыня,
клюющая труп обгорелой собаки.

Я – засуха.
Я – боль.
Я – солнца глаз колющий.
И скулы рек иссохших, что жаждою свело.
На мой песчаный горб тяжёлый свод навьючен,
прокаленного неба тягучее стекло.

Когда в тисках песка
утихнет город спящий,
не будет молока
женщины кормящей,
сойдёт с травы роса
и станет море сушей,
когда умрут леса,
цветы костры потушат,
и вспухнут животы
от пустоты великой,
когда у высоты
не станет птичьих кликов,
когда в багровом сне
проклятый мир остынет –
тогда я стану
всем.

Великая пустыня!

Выливаю радугу из ведра порожнего.
Долго в пальцах путалась девичьей косой.
Глядь,

а рядом с радугой, выше невозможного –
дождь сидит в рубашечке, рыжий и босой.
В землю тёплую вбил серебряный гвоздик –
он мне песню напевал,

и всё лил.

Дождик.

– Кто ты теперь, человек,
 вспомнил?
 Я ли артерии рек
 не полнил?
 Славил тебя стихом,
 пел – Нера!
 Ты же по мне босиком
 бегал.
 А когда ты скучал,
 в окна пялился,
 я по стёклам стучал
 пальцами.
 Лес с кустами сажал
 ярусом,
 в море лодки водил
 парусом.
 С твоих улиц гонял
 муть в брызги.
 Из меня, человек, прорастал
 стебель жизни.
 Строил прочно, навек
 твой терем.
 Вырос ты, человек,
 зверем.
 Пальцы дрожь таят, не противно ли!
 Рубашка моя – радиоактивная.
 Мне бы мусор размывать,
 строиться.
 Научился убивать
 стронцием.
 Смертоносные ветра с каплями.
 Меня гонят со двора атомом.
 Ты боишься облаков,
 дрожь в лице!
 А число моих крестов
 множится.
 Я хочу хлеба спасать,
 боль свою!
 А не кожей облезать
 скользкою.
 Хватит мне молчащих
 на земле скорбящей!
 в землю тёплую серебряный вбил гвоздик –
 лил и лил.
 И тосковал дождик...

А я к тебе, любимая приник,
 чтоб бесконечность ошутить на миг.

Нам принесут к Рождению подарки.
 Цветы, пелёнки, погремушек ярких.
 Мы виноград прольём в бокалах узких...
 Стоит солдат с девчушкой в Трептов-парке.
 Русский.
 Мы слушаем свирель раскрытых почек.
 Мы ждём покоя в этой суете.
 Вселенной глыба, сжатая в комочек,
 дрожит в твоём набухшем животе.

Кто я?
Песчинка из моря вечного.
Очарованный стиходум.
Пыль вселенская.
Вспоенный призрачным млеком Млечного,
стихами Петрарки
и Вознесенского.

Кто ты?
Жестокая, как цунами.
Бездна морская легла между нами.
Нежная,
ты милосердие рук.
Флейта рассвета.
Ты пахарь и плуг,
слитые чревом земли воедино.
Горная высь.
Океана пучина.
Я – пилигрим,
ты – мечта пилигрима.
Ты необъятна.
Ты просто любима.

Сначала было СЛОВО.
Свет потом.
И тьма пришла, где мир рождался в звуке.
И вечности незримым долотом
Делился мир на радость, боль, и муки.

– Я чувствую! – воскликнул человек, –
Я вижу зыбких форм непостоянство!
Вздохнуло Слово, обрело пространство,
И ринулось в победный жизни бег.

О, лики Слов, сколь тайного в чертах!
О, древо Слов, чья лиственность не тает!
Ахматова – больное в первом «ах»,
Цветаева – и фраза расЦВЕТает.

Проблема слов, не знающая дна.
Дыханье слов – ему с тревогой внемлю.
Поэты – это жизни семена,
Случайно залетевшие на землю.

ОБЛАКА

Облака – словно белые корабли
уплывают за край земли.
Не догнать – не вернуть.
Наша жизнь – это вечной погони след
сквозь надежды и омут бед
нескончаемый путь.

Облака!
Не дотянется к ним рука.
Мы продрогшие на века
рвём удачи струну!
Облака!
Нитка нашей судьбы тонка.
И течёт горьких дней река
у надежды в плену.

Облака – нескончаемый ваш полёт,
и пока этот мир живёт
нам летать суждено.
Жизнь пройдёт, мы скользнём за её порог,
обделил нас крыльями Бог,
и взлететь не дано.

Облака – невесомые корабли, –
это души людей земли,
тех, что жили до нас.
Облака – белоснежной мечты цветы,
грустно смотрите с высоты
миллионами глаз.

Андрей ПАВЛЮК

Родился в 1974 году в Ташкенте. В 1996 году окончил факультет зарубежной филологии Ташкентского государственного университета. Печатался в газете ТашГУ, «Литературной газете», журналах «Звезда Востока», «Книголюб». Автор сборника стихов «Поднебесье» (2002 г.), участник Открытого Ташкентского фестиваля поэзии. Живет в г.Ташкенте.

Стоит на этом свете думать о человечном...

Стул красив. И красивы цветы.
Я бы выбрал второе. А ты?
Жизнь в мечтах – или жизнь без мечты?
Я бы первое выбрал. А ты?...

Я помню сказки старой няни:
Во тьме, опершись на кровать,
Мне, маленькой надменной дрянью,
Она сумела рассказать

Что мир огромен и волшебен:
В нем жалки жадные цари,
Прекрасны судьбы королевы
И счастливы богатыри

И что небес любовь святая –
Добро – всегда повергнет зло...
Под тихий говор засыпая,
Не знал я, как мне повезло...

Эльфы

Над зелеными водами шельфа,
У заброшенного маяка
Три воздушно-мерцающих Эльфа
Одевают мечты в облака.

Окрыляя прохладные бризы,
Эльфы дарят им тайны Весны
И свои золотые капризы –
В облака заключенные сны.

Ты проснешься рассветной порою,
Тихо глянешь сквозь тающий мрак
В облака, и зажжешься мечтою,
И мигнет старый Эльфов маяк.

Когда, устав играть, смолкают струны
И засыпает пьяный Дон Жуан,
Ты черной кошкой крадешься за дюны
И долго смотришь в сонный океан.

Зеленые глаза твои мерцают,
Ты молча вызываешь из пучин
То странных черных рыб немую стаю,
То хоровод смеющихся Ундины.

И ты, сама смеясь, танцуешь с ними,
Самозабвенно глядя в небеса,
И из зеленых нежно-голубыми
Становятся прекрасные глаза.

И звезды кружат с вами в дивном танце,
И, пролетая тихо по волнам,
Безлюдные Летучие Голландцы
Огнями Эльма салютуют вам.

... А утром ты опять вернешься в лагерь,
Где продирает очи Дон Жуан,
И сонный взор нетрезвого бродяги
В глазах твоих увидит океан.

Заката тающие льдинки,
В холодном небе облака...
Тень от весенней паутинки
Уже летит издалека

Ночь наступает зыбкой гранью
Между морозом и теплом,
И кто-то за окном с геранью
Уже уснул весенним сном...

Кубики и кристаллы
Мыслей распались вдруг...
Что же с тобою стало,
Память, мой верный друг?

Об пол разбив капризно
Воспоминаний шар
Для измененной жизни
Сил где найдем, Душа?

Грустно. Стоим у двери
За – пред которой тьма
И не хотим поверить
В то, что сошли с ума...

Если человек – капелька,
Душа его – море,
То бурное, то спокойное,
Вечность в себе отразившее.

Если человек – звездочка,
Душа его – космос
С созвездиями и туманностями,
Манящий до бесконечности.

Если же человек – гадина,
Душа его – атом яда,
Способного высушить море
И погасить космос.

Я терпеть не могу ежа.
В миг, когда он в клубочек скрючен,
Ошетилившийся, колющий
Шарик – он, как твоя душа.

Носик черненький у него,
Глазки-бусинки – просто чудо!
Но, наивный, долго я буду
Помнить раны игл его.

Ты как еж – лишь на мигпусти
В сердце – тут же захочешь боли,
Ошети니шься – и уколишь...
Я тебя не впущу. Прости.

Вечные теплые звезды
В черной мерцающей сфере...
Поздно
Этому верить.

Ветра полночного волны
Плещут о сонные крыши...
Полно!
Сто раз это слышал!

Взгляды, как тайные знаки,
Волосы – струны гитары...
Враки!
Ты – старый, ты – старый!

Брось свои глупые грезы,
Брось, неудачник беспечный!!!
... Звезды.
Стихи. Это – вечно.

На хрустальной чашечке цветка
От восторгов юной жизни млея,
Глядя в золотые облака,
Тихо пела маленькая Фея.

Нежно звуки чудные лились
Над цветком, над садом и над речкой,
Уносясь в сверкающую высь,
Где парило феино сердечко.

Пусть за речкой – страшный мир
людей,
Где совсем несказочные детки,
Где завтра маленький злодей,
Обманув, закроет Фею в клетке,

Пусть... Но жизнь сейчас так хороша –
Нет на свете ничего чудесней...
Ласковая феина душа
Будет жить в ее прекрасной песне.

Я помню: солнце, синий океан,
Песок и зелень пальм вокруг венцом...
Со мной был рядом старый Павиан –
Он мне тогда казался мудрецом.

Он бормотал: «Вот счастье и покой...
Забудь, что ты в реальности – не здесь...»
И верил я, что мир – он весь такой,
Что океан, песок и пальмы есть.

Теперь я знаю – глуп был Павиан,
И стар, и даже не существовал...
Когда я это понял, океан
Пропал...

Встреча с прошлым
Там, где кончается громада Сергелей,
Полей горячих растекается лавина...
Равнина сонного шоссе средь тополей
Сереет – города и мира середина.

Я – гость случайный в своем брошенном жилье,
Непрощен, но, как всякий бывший, принимаем...
Несет нас жизнь, круша уют, на сотни лье
В «туда», которое мы, моршась, принимаем.

И лишь порой мелькнет, как солнце средь листвы,
Поманит прошлое своим нечетким следом...
Привет вам, милые деревья! Только вы
С рожденья знаете покой, что нам неведом.

Хрупкое звездное небо.
Дотронешься – разобьется.
Шумная бабочка бьется
Об лампу – сейчас сгорит...

Снов долгожданных небыль
В разум усталый рвется.
Ночь надо мной смеется –
Глупый! Чего не спит?

Время – прохладный ветер –
Снова поет о вечном
И облакам беспечным
Дарит тела и путь...

Стоит на этом свете
Думать о человеческом,
Чтоб на Пороге Млечном
Полной душой вздохнуть.

Танцует белый танец аист в объятиях вылокнушей весны

Ива порыжела... Порыжела ива.
Что случилось, ива,
Стала ты красивей...
Думаешь, что осень
Красит в утешенье?
Знай, не быть счастливей –
Осень есть отмщение.
Скоро станет скучно ей
В хлопотах прощальных,
Тень твою окутает
Ледяной вуалью...

Петушиное слово...

И опять с грозовой погодой,
Грома, молний прошли торжества.
Да, такие же в детские годы,
Ликовали в стране волшебства.

Воскрешу хороводокруженье
Милых лиц непарадный портрет.
Не без боли – как ночь, или жжение,
Негасимая радость, как свет.

По утрам петушинные крики –
«Душегуб! Попадешься в ошип!»
И турецкой лиловой гвоздики
Неназойливо-тоненький всхлип.

И себя, в своих старых сандалиях...
От преград и беды оберек –
В розовеющих солнечных даях
Закружил абрикосовый снег.

Слепой дождь

Томит природы ожиданье...
Грозы предвестник бьется гром.
С ветрами в противостоянье
Летает аист над гнездом.

Раиса КРАПАНЕЙ

Родилась в 1951 году в Москве. Окончила медицинское училище им.Воровского, стихи пишет с 30 лет. Публиковалась в периодических изданиях Узбекистана, с 2006 года ведет блог «Живопись и поэзия». Живет в Ташкенте.

На шум небесный дождь проснулся
Среди нахмурившихся туч.
Но подмигнул и улыбнулся
Сбежавший утром солнца луч.
Затих, приплясывая, дождик –
Неосторожный реже стук.
Согнулась радуга как мостик,
В сплетенье разноцветных дуг.

И дождь замрет, вздыхая, каясь,
Под шепот вымытой листвы.
Танцует белый танец аист
В объятиях вымокшей весны.

* * *

Снова осень.
Ночи злее.
Все длиннее, все длиннее.

Словно сонный согладаясь,
В кацавейке рваной ватной,
Прижимается луна.
Не до сна мне, не до сна.

Здесь,
Чуть ниже,
Чуть левее,
Все большее, все большее.

Осенняя зарисовка

Пришурился от ярости закат...
Два облачка не отрывают взгляд
От багровеющего грозно горизонта.
И осень, уж который день подряд,
Меняет красно-палевый наряд
На «более изысканно и тонко».
На мостовой из листьев палых клад:
Над ним рекламы выцветшая пленка
Со старцем, обнимающим ребенка...
И шум базарный... Мой Юнус-Абад,
Звенящий и гудящий в будней гонке,
В пять тридцать начинает уставать.
И тень, сбежав из серой новостройки,
Вечернюю вдыхает благодать.

* * *

Слухи тенью...
Злее... злее...
Захолонуло... Не мой...
И бессилье цепенеет
Погребальной тишиной.

Подкосило.
В травы навзничь.
С плачем вымолила боль.
Не любимый – не товарищ...
Отпустила,
Бог с тобой.

* * *

Нежданных встреч июньская пора...
Сплели косички ивы у излучин.
И весла, деревянных два крыла,
Таинственно скрипели у уключин.

Объятья рук, горячих два кольца...
В воде дрожит любви ли отраженье...
У страсти нет начала, нет конца.
Лишь свет, как боль, и головокруженье.

* * *

Геранью стыдливой заставлен
Окна полудень-полумрак.
И синь одряхлевшая ставен,
Ветшалою судьбы зодиак,

Навеет весенней прохладой,
Согреет весенним теплом,
Но ночь с грозовой канонадой
Последняя в доме моем.

Я грому и молнии рада –
В бессилье пустот и пустынь
Пусть дождь серебристой руладой
Плеснет в одряхлевшую синь.

Пусть воздух раскатисто-пьяный
Струит чепуховую бредь –
В объятиях промокшей герани
Я славлю небесную твердь.

литературоведение. литературная критика

ХРОНОТОП В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ТЕКСТА

Согласно теории относительности, время само по себе не может существовать в отрыве от материи, оно, будучи в универсальной связи с ней, может проявиться в качестве относительных признаков пространства. Тесная связь времени – пространства заключается в том, что, во-первых, это объективно реальные формы бытия; во-вторых, понятия времени и пространства отражают объективно реальное время и пространство в художественном тексте; в-третьих, единство времени и пространства возникает в динамике; в-четвертых, в общечеловеческих свойствах времени, точнее, в современных отношениях материальных систем, существует их связь с пространством, содержащаяся в материальных системах: длина, асимметрия, неповторяемость, вневременность, единство прерывности и непрерывности, связка, зависимость от структурных отношений и т.д. Вот почему имеющаяся в теории относительности геометрическая четырехмерность составляет основу исследования физических явлений в рамках трехмерного пространства. В официальной науке это называется четырехмерным континуумом, что имеет непосредственное отношение и к художественному миру, т.е. художественное время – четвертая координата времени художественного мира.

Такая концептуальность диалектики времени и пространства, с которыми в отличие от других искусств литература обращается наиболее свободно, позволяет рассматривать художественное время и художественное пространство не только как неотъемлемую часть структуры художественного мира (как, впрочем, и реального), ибо «художественный мир, как и реальная действительность в нем отображенная, функционирует во времени и пространстве»¹, но и как важнейшие характеристики художественного образа, обеспечивающие целостное восприятие художественной действительности и организующие композицию произведения.

Как известно, литература принадлежит к группе искусств с динамичным временем. Художественный образ, формально развертываясь во времени, своим содержанием воспроизводит пространственно-временную картину мира.

Динамика – условие существования художественного пространства. В динамике соединяются пространство и время, формируя особый пространственно-временной континуум героев. Мастерство художника в том, что он, исходя из своего творческого замысла, вовлекает статически-пространственное во временной ряд изображаемых событий (в романе «Минувшие дни» не описывается Абдуллой Кадыри красота Кумуш, а показывается ее воздействие на Атабека).

Бахор ТУРАЕВА

Родилась в 1983 году. Окончила факультет узбекской филологии Бухарского государственного университета. Работает над докторской диссертацией.

¹ Шодиев Н. Горизонты эпоса. - Ташкент: Изд. лит. и искусство, 1986. - С. 101.

Способ художественного освоения времени и пространства в литературе профессор М.М.Бахтин называет хронотопом.¹ Понятие выражает органичное слияние в структуру образа характеристик времени и пространства, из диалектики которых происходит четвертый статус измерения художественного произведения. Хронотоп как эстетически значимая категория поэтики словесного искусства, служит для освоения реальной временной действительности, позволяя ввести в художественную плоскость ее существенные моменты (хронотоп местности – двorca, двора, сарая, дороги, природы и т.п.).

И художественное время, и художественное пространство непрерывны. Литература не изображает в целостности одно временное течение, ибо писатель, исходя из своего творческо-эстетического замысла, выбирает лишь отдельные его части (в драматургии – сцены), свободные промежутки отмечаются такими грамматическими выражениями, как «далеко ли, близко ли», «с того времени прошло несколько дней». Такая непрерывность времени служит, прежде всего, мощным средством развития сюжета произведения, а в конечном результате – углублению психологизма.

«Раздробленность» художественного пространства частично связана с особенностями художественного времени, частично имеет самостоятельный характер, т.к. для словесного искусства естественны мгновенное изменение, сменяемость координат времени и пространства (например, в эпопее Льва Толстого «Война и мир» события перемещаются из Франции в Россию, из России во Францию, в повести Э.Хемингуэя «Старик и море» – с океана на берег, с берега (с суши) в океан, в романах Ч.Айтматова «И дольше века длится день», «Плаха» и «Тавро Кассандры» – с земли в космос, из космоса на землю, человеческую вселенную – космос, космические года и расстояния. Чингиз Айтматов предстает как художник космического мышления, что свидетельствует об универсально-поэтическом характере его художественно-эпического сознания. В романе узбекского писателя П.Кадырова «Бабур» события перемещаются из Андижана в Самарканд, Афганистан, Иран, Индию. Для поэтики художественного пространства романа «Бабур» характерно точное указание географически реальных исторических местностей – пространства – где разворачиваются события его эпического сюжета. Все 16 глав названия тех или иных географических местностей, так что нет необходимости специально изображать в романе промежуточные пространства. Драматическая и психологическая напряженность событий в романе «Бабур» (душевное состояние главного героя) позволяет читателю последовательно представлять промежуточные расстояния, дороги. Вот почему время и пространство в литературе являются своего рода условностью, от характера которой зависят разные формы пространственно-временной реализации художественного мира.

Будучи во всех видах искусства основой художественного освоения действительности, условность зависит от литературных родов и жанров. В частности, в лирике уровень условности высок: в лирических произведениях образа пространства может вообще не быть (например, в газели Алишера Навои «Кора кузим» («Свет очей моих»), знаменитом стихотворении Усмана Насыра «Юрак» («Сердце») или присутствовать непосредственно. Наличие его может быть абстрактным (символическим) и четко-конкретным. В лирических стихотворениях символично-поэтическое пространство переносится во внутренний мир лирического героя. Это превращается в пространство мгновенного бытия душевных переживаний, страданий. В сюжетной лирике, балладах, дастанах, даже романах в стихах поэтическое пространство может быть условно-абстрактным или четко-конкретным (например, роман «Евгений Онегин» А.С.Пушкина, поэмы «Земля, поклонись человеку» казахского поэта О.Сулейменова, «Дорога в рай» узбекского лирика А.Арипова и др.).

Под сюжетной лирикой имеются в виду лиро-эпические жанры. В чисто лирических произведениях, а также в прозе и драматургии (театральное время, дающее возможность густо уплотнить десятки лет в считанные минуты реального времени, протекающие на

¹ См.: Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1979. – С. 376; Хронотоп (греч. *chronos* – время + *topos* – пространство; буквально – времяпространство). Хронотоп в одном слове выражает термин, состоящий из двух самостоятельных понятий: время и пространство. Когда речь идет о хронотопе в словесном искусстве, теория требует четкого соблюдения последовательности: время – пространство.

глазах у зрителей в диалоге между участниками сценического представления), реально-го времени нет, а следовательно нет и реальных сюжетов. По определению известного ученого-семиотики Ю.М.Лотмана, «сюжет есть пересечение персонажем границы семантического поля»¹, т.е. временно-пространственных границ. Например, память лирического героя – это пересечение им границ времени и пространства: сначала отсюда (от настоящего) в другую сторону – счастливое прошлое, оттуда – к горечи разлуки – прошанию (например, в стихотворении А.Арипова «Первая любовь моя» через переживания «Я вспомнил тебя ... / Вспомнив, погрузился в думы...» передается чарующая страсть первой любви, затем последовательно вливаются печали несбывшейся любви и герой вновь возвращается в настоящее. Исповедь души изменяет лирического героя – делает терпеливым: теперь стенания его души, вернее чувства надежды переходит в будущее – в спасение впереди, обнадеживающее удовольствие, наслаждение по-новому пережившейся любви, в надежное ободрение. («Не расстался с мечтами, не обрёл, как луна полноты, не погас, словно звезда, Как цветок, быстро увядший, не пожелтел»). Как видно, душевное состояние, исповедь лирического героя превращается в сюжетное явление.

Условность художественного времени и художественного пространства по-своему проявляется в эпической прозе: изображение целой жизни литературного героя может охватывать десятилетия, даже столетия (роман Г. Маркеса «Сто лет одиночества», тетралогия М.Ауэзова «Путь Абая») или ограничиваться лишь одним днем (роман «И дольше века длится день», повесть «Прощай, Гульсары!» Ч. Айтматова) или несколькими днями, считанными месяцами (роман «Сокровища Улугбека» Адыла Якубова). Автор сосредоточивает эпический сюжет в границах переломного, кризисного, т.е. трагичного времени решающих судьбоносных испытаний, измеряемых немногими днями (8 дней). Хроникальная постепенность здесь фактически обесценивается во время раскрытия героем роковых его мгновений: Мирзо Улугбек, субъективно воспринимая происходящие устрашающие события, всем своим существом болезненно переживает из-за предательства сына Абдулатифа.

Условность изображения художественного времени основывается на чувственном опыте человека. Восприятие времени каждым индивидуумом абсолютно субъективно: время может мгновенно густо уплотниться, продолжаться долго, быстро, непрерывно и т.д. Если речь идет о художественном времени, оно никогда, конечно, не совпадает с реальным астрономическим временем, потому что художественное время может остановиться, возвратиться назад (ретроспекция), уйти вперед (проспекция). Это зависит от художественных приемов, обусловленных эстетическим замыслом писателя. «Время может густо уплотняться, удлиняться, остановиться и возвратиться назад, – отмечает М.С.Коган. – ... На этой основе между художественной формой, называемой художественной условностью и реальной формой возникает дистанция».²

Особенности литературной условности и художественное время, и художественное пространство делают абстрактными или конкретными. В большей степени это относится к художественному пространству. Однако и абстрактное, и конкретное пространство связано со спецификой художественного времени. В частности, абстрактное пространство басен гармонизируются с абстрактным временем: «У сильного всегда бессильный виноват...» и т.д. и т.п. В таких случаях осваиваются вневременные и внепространственные универсальные закономерности человеческой жизни. И напротив: конкретность пространства дополняется конкретностью времени (например, романы «Война и мир» А.Толстого, «Тихий Дон» М.Шолохова, «Пётр Первый» А.Толстого, «Навои» Айбека, «Бабур», «Хумаюн и Акбар» П.Кадырова, «Путь Абая» М.Ауэзова, «Сокровища Улугбека» А. Якубова).

Условность и абстрактность художественного времени и художественного пространства отчетливо бросаются в глаза в письменных и устных памятниках древности. В них объемы времени и пространства в полной мере не определены. Они прерывны и условны. Нормальным явлением считается зыбкое представление пространства и масштаб времени в мифологических и фантастических произведениях, непоследовательное развитие сюжетного времени в них, приостановление его в ходе изображения, рассказывания,

¹ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Просвещение, 1970. – С. 69.

² Коган М.С. Пространство и время в искусстве как проблема эстетической науки // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л., 1974. – С. 31.

ретроспекция, параллельное течение времени в разных сюжетных линиях. Тут дает о себе знать временная природа художественного образа, отмеченная ещё Г.Э.Лессингом: условность в передаче пространства ощущается слабее¹ и осознается лишь при стремлении «перевести» литературные произведения на язык других искусств.

Время событий соотносено с настоящим или будущим (миф о пригвожденном к скале Прометее, который когда-то будет освобожден).²

Время сказки – это условное прошлое, заранее известное, вымышленное время (и пространство). Аллегорический финал в сказке, где используется «закрытое» художественное время, отсутствующее в исчислении истории, подчеркивает безотносительность его ко времени сказания (что доказывает более позднее возникновение сказки по сравнению с мифом).

Распад архаических обрядовых моделей мира отмечен чертами наивного реализма, во временно-пространственных представлениях, характеризующих литературное сознание, нарастает мера условности. Твердо сохраняется однонаправленность, т.е. линейность развития событий. По мере углубления реализма, совершенствовалась поэтика времени и пространства. Теперь автор как инициатор и творец поэтического времени (впоследствии романного времени) начинает владеть навыками его широкого использования.³

В структурно-содержательном плане художественное пространство и художественное время представляют собой совокупность внутренних отношений системы пространственных и временных элементов содержания текста. С этой точки зрения представляет большой научный интерес поэтика хроноса, романного времени исторических произведений.

Временная организация исторических романов представляет собой сложную многоуровневую, иерархически организованную структуру, синтезирующую разные типы и формы времени (психологического, биографического, социально-исторического, семейно-бытового и т.д.), среди которых главенствующую роль играет временная структура истории. В исторической трилогии П.Кадырова «Бабур», «Хумаюн и Акбар», в романах «Сокровища Улугбека» А.Якубова, «Согдиана» Я.Ильясова, «Великий Тимур» Е.Березикова, «Амир Тимур» Б.Ахмедова оформляется новый тип художественного хронотопа, в котором пространственно-временные границы человеческой жизни раздвигаются до вечности. Жизненный путь Бабура, Хумаюна, Акбара, Улугбека, ибн Сино, Беруни, Спитамена (Спантамана), Амира Тимура, его итоги оцениваются «*sub specte aeternitatis*». Таким образом, основной временной оппозицией перечисленных исторических романов является оппозиция Время – Вечность. Художественное время и художественное пространство в исторических романах П.Кадырова, А.Якубова – сложный и насыщенный образ мира с очевидным преобладанием знакового характера пространственных и временных образов.

Основу пространственно-временной организации и образности исторических романов этих авторов составляют представление об их «открытости» и «закрытости», на фоне которых показано движение главных героев – Бабура, Хумаюна, Акбара, Улугбека, ибн Сино, Беруни, Спитамена (Спантамана), Амира Тимура.

Специфика художественного времени и художественного пространства этих и многих других исторических романов, символический потенциал пространственно-временных образов позволяют определить концептуальный хронотоп героев – исторически реальных людей-правителей, ученых-мыслителей, поэтов – как хронотоп самоосознания, т.е. путь самоосознающих личностей.

Во временно-пространственной организации исторических романов прослеживаются следующие тенденции:

1. Героєм эпического повествования в определенной мере становится само историческое время в его решающих (судьбоносных) «узлах», подчиняющее себе судьбы героев как частные моменты в лавине исторических событий (романы «Спитамен» М.Кариева,

¹ См.: Лессинг Г.Э. Лаокоон, или О границах живописи и поэзии. – М.: Гослитиздат, 1933. – С. 54-55.

² См.: Мелетинский Е. Поэтика мифа. – М.: Просвещение, 1976. – С. 73-87.

³ См.: Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976. – С. 209.

«Согдиана» Я.Ильясова, «Сарбадары» М.Али, эпопеи «Война и мир» Л.Толстого, «Тихий Дон» М.Шолохова, «Путь Абая» М.Ауэзова, «Красное колесо» А.Солженицына и т.д.)

2. Избранные герои (в основном исторические личности) движутся в объективном земном пространстве, в многоплановом эпическом пространстве индивидуальных и коллективных исторических судеб (герои романов «Навои» Айбека, «Бабур», «Хумаюн и Акбар» П.Кадырова, «Великий Тимур» Е.Березикова, «Темур Малик», «Зодчий» Мирмухсина, «Согдиана» Я.Ильясова).

3. Перемещение центра пространственно-временных координат во внутренний мир героев, т.е. обращение к памяти персонажа как к внутреннему пространству для разворачивания событий; прерывистый, обратный и прочий ход сюжетного времени мотивируется не авторской инициативой, а психологией припоминания. Такая постановка сознания героя позволяет ужать собственно время действия до немногих дней и часов (как подчеркнуто выше, время первой части «Сокровища Улугбека» состоит из восьми дней).

4. Акцентирован символический план реалистической пространственно-временной панорамы, что, в частности, сказывается в тяготении к вымышленной топографии: степное пространство у Максуда Кариева (роман «Спитамен») или обобщенная «латино-американская» страна Макондо в национальной эпопее колумбийца Г.Гарсиа Маркеса, обобщенный Архипелаг ГУЛАГ А.Солженицына, степные пространства Сарыюзек и Моюнкул, а также символически условные космические пространства – орбита «Трамплин», новая Галактика в звездной системе – ЭГА, планета «Тукайтуш», безымянная планета Ч.Айтматова. Однако важно, что во всех этих случаях (кроме космических) требуется реальное историко-географическое опознание или хотя бы сближение, без чего произведение непонятно.

Исследование художественного мира писателя в новой парадигме (его мастерство в изображении художественного времени и художественного пространства) углубляет и дополняет представление об авторской концепции мира и человека.

*О, хрупкое сердце вселенной,
Когда ты забудешься во мне?*

(Б.Ахмедов. Звезда Востока, № 3, 2012)

Мошь Вселенского размаха –
Пишет стихофонии,
Приходите слушать Баха
... в местной филармонии!

*На опушке пересуд.
– Надо Льва послать на суд!*

(Борис Пак)

Детки молочко сосут,
Пьют его под пыткой.
На опушке пересуд:
– Молочко-то жидкое!

Раим Фархади

Ариадна СТАДНИКОВА

Родилась в Запорожье в 1930 г. Окончила химико-биологический факультет педагогического института им. Низами, много лет преподавала биологию, более 10 лет вела учебные телевизионные передачи. В настоящее время общественный экскурсовод Ботанического сада АН

ДОЧЬ

(К 120 летию со дня рождения В.В.Маяковского)

Летом 1991 года Москву потрясла новость о том, что прилетела дочь Маяковского, это произошло 18 июля накануне его дня рождения. Дочь, да еще из Америки? Через 61 год после его смерти? Не может быть, да и сколько же ей лет – больше 60? В реальность информации не верилось. Какая дочь? Кто ее мама? События нас отправляют к 1925 году, когда Владимир Владимирович посетил Кубу, Мексику и, спустя какое-то время, после визовых хлопот оказался в Америке, где планировал ознакомить слушателей с жизнью молодой Советской России. Его переводчицей оказалось Элли Джонс, молодая, красивая, голубоглазая, рыжеволосая стройная девушка. Кто она? Та, что более 2-х месяцев дни и ночи сопровождала великого поэта? Книга Патриции Дж.Томпсон дочери Элли Джонс и В.Маяковского «Маяковский на Манхэттене» дает представление об этой загадочной и необыкновенной истории любви.

Елизавета Петровна (Элли) Зиберт родилась 13 октября 1904 года в Башкирии в поселке Давлеканово в семье обеспеченного землевладельца протестанта-меннонита Петра Зиберта. Семья была простой, независимой и самодостаточной. Элли была старшей из детей. Колонии меннонитов процветали и строили в поселениях свои церкви, больницы, школы, в которых учились дети прихожан. Элли отличалась от сверстников умом, твердостью характера, смелостью и обаянием, владела кроме русского языка, немецким, французским и английским. После революции Элли переехала в Самару, где работала в приюте для бездомных детей, переводчиком в Американской кампании помощи голодающим, затем переехала в Москву, здесь она познакомилась с англичанином Джорджем Джонсоном, вышла за него замуж и вскоре семья переехала в Европу, а затем и в Америку, в Нью-Йорк. Как вся молодежь в 20-е годы она увлекалась искусством, хорошо знала поэзию В.Маяковского. Брак ее с Джонсоном условно сохранялся, но он жил в Лондоне, а она в Америке. Судьба свела молодую стройную красавицу и великого поэта, который был покорен ее работоспособностью и умом, возник бурный и красивый роман. Они не расставались ни на минуту. Роман длился более 2-х месяцев до отъезда Маяковского из Америки, и они оба еще и не подозревали, что окажутся связанными кровными узами. Элли забеременела, ничего не сообщив Владимиру Владимировичу, она приняла твердое решение сохранить ребенка, чего бы ей это не стоило. А стоило ей многого: она лишилась работы, достатка, должна была объясняться с мужем. Впоследствии Джонс поступил благородно: после рождения девочки он записал ее на свое имя, «узаконил» ее рождение, став добрым «папой». Так в июне 1926 г. появилась Патриция Томпсон – генетическая дочь Маяковского. Маяковскому было 32 года, Элли 21 год.

Единственная встреча Маяковского с двухлетней дочерью и ее мамой состоялась весной 1928 г. в Нише. Когда девочке исполнилось десять лет, ей сообщили о том, что она дочь Мая-

ковского, но просили хранить это в тайне, что она и делала практически полвека, до тех пор, пока не грянула перестройка в России.

Мама Элли перед смертью просила дочь обнародовать ее записи, расшифровать пленки и рисунки Маяковского и обязательно побывать в России, которую она продолжала любить, как родину до последних дней. И первое, что сделала дочь Патриция Томпсон, профессор Ламан колледжа городского университета г. Нью-Йорка, приехавшая в Россию с сыном Роджером (внуком В.В.) – посетила Новодевичье кладбище и прикопала в землю на могиле отца прах матери, а потом горько плакала и целовала испачканные землей пальцы рук, которые объединили родителей.

19 июля 1991 года, находясь в Москве, я решила посетить Музей В.В. Маяковского на Лубянке.

Каково же было мое удивление, когда я не обнаружила в музее ни души. Это в такой день, день его рождения! Поднявшись по лестнице, я наконец разыскала единственную дежурную и спросила: «Где все? На Новодевичьем?»

– Нет наверху в конференц-зале. Там сейчас происходит встреча с дочерью Маяковского. Это сообщение меня шокировало – никакой дочери у Маяковского не было и нет!

– А вы пойдите и посмотрите.

Я поднялась и, увидев немолодую, красивую, большую и статную женщину с такой характерной складкой от переносицы вверх..., заплакала, ошибки быть не могло, я поверила, я поняла, что передо мной дочь поэта. Женщина удивилась, начала расспрашивать, узнав, что я поклонница таланта поэта, после официальной части долго говорила со мной, потом мы плакали на плече друг у друга, и я гладила и гладила ее руки. Все юбилейные дни памяти Маяковского я провела в Музее и приобрела много новых друзей, а главное, Елену Владимировну Маяковскую (по мужу Патрицию Томпсон). Она предпочитает, чтобы в России ее называли Е.В. Маяковская. Позже мне передали от нее книгу, «Маяковский на Манхэттене», историю любви с отрывками из мемуаров Элли Джонс, изданную в 2003 г. в Москве небольшим тиражом.

Елена Владимировна Маяковская (Патриция Джонс Томпсон) – достойная дочь своего гениального отца: профессор Леман – колледжа Городского университета Нью-Йорка. Ее перу принадлежит более 20 книг, сотни статей по проблемам психологии, ведения домашнего хозяйства, экономике, социологии. Ее кумир – богиня домашнего очага мифологическая Гестия. Внук Маяковского Роджер – адвокат, работающий в области патентирования торговых марок и охраны авторских прав. Есть у Маяковского и правнук.

Маяковский продолжается. Гений, родившийся в конце XIX века, покоривший XX век своим громогласным темпераментом и тонким лиризмом, продолжает волновать читателя и ценителя поэзии и в XXI веке.

Ранимый лирик, поэт-трибун и публицист, замечательный художник и прекрасный богатой души человек, желающий добра, счастья и процветания всем людям, сам ушел безвременно недолюбленный, необласканный. Как справедливо писал И. Бабель, «Мы все виноваты в этом. Все, кто любил его по-настоящему. Его нужно было обнять, может быть, поцеловать, сказать, как мы его любим. Просто, по-человечески пожалеть его. А мы этого не делали. Мы стеснялись быть сентиментальными, мы обращались с ним как с памятником бронзовым. Уже как с памятником. А он был самый обыкновенный человек...»

новые имена

**Гозал
ШАМУЗАФАРОВА**

Окончила физический факультет ТашГУ (ныне НУУз), кандидат технических наук. Работала в физико-техническом институте АН Узбекистана, позже в институте метрологии и стандартизации (НИИСМС) при агентстве Узстандарт. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые. Живет в Ташкенте.

ПРОПАВШАЯ ЖЕНА

(Из цикла «РАССКАЗЫ Сальминой мамы»)

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Это случилось в Ташкенте много лет назад. Семьсот лет назад это была очень широкая улица, на которой свободно помешались две арбы с огромными колесами. Теперь по ней могла проехать только одна машина, и то в одну сторону.

Но вернемся к нашим событиям: пропала Фарид, жена Кабула! А ведь у них было четверо детей, и старшей дочке только двенадцать лет! Дело в том, что Кабул пришел вечером с работы, а жены нет. Он знал, что она должна была поехать в гости к подруге и собиралась остаться там ночевать. Однако на следующий день, придя с работы и опять не найдя ее дома, он встревожился. Он не знал, где живет подруга жены и где теперь ему искать ее. Выйдя из дома, он несколько минут раздумывал, но потом ноги сами понесли его в сторону дома соседа Музафара. К нему обращались жители всех улиц в радиусе десяти километров, когда им нужен был какой-нибудь жизненный или юридический совет. На всей улице только в доме Музафара окна выходили на улицу, а не во двор, поэтому, хоть он и был таким же глинобитным, но будто зрячий среди слепых отличался от других домов. На душе у Кабула было тревожно и очень не хотелось, чтоб кто-нибудь узнал об исчезновении жены. Музаффар ака дома не было. Как назло, в его доме сидела супружеская пара Чугуновых (клиенты Музафара), здесь же была вездесущая Марджан. В этом доме всегда был кто-то: то соседи, то клиенты, то и те, и другие. Хозяина уважительно называли «Абдувакат», что звучало как узбекское имя, а на самом деле было узбекским звучанием русского слова «адвокат». Когда Кабул вошел, Марджан вдохновенно серьезным тоном с большим узбекским акцентом говорила по-русски: «Моя собака – «озбечка!» Кабул хотел спросить: «Ну почему же именно узбечка?» Но, боясь привлечь к себе внимание и нарваться на вопросы о жене, он промолчал. Марджан же наивно вскинув глаза на Чугунова, подчеркивая этим, что информация предназначена ему, ждала реакции. Тот удивленно и растерянно посмотрел на нее: «Как это «узбечка»? Разве у собак бывает национальность?» Всем своим видом показывая готовность ответить Марджан медленно встала, подошла к окну, выплюнула насвай¹, потом повернулась и торжественно заявила: «А она понимает только по-озбекски! Русский не знает! Па-а-нимайшь? Значит, она кто? – Озбечка!»

Жена Музафара Дильбар приветливо пригласила Кабула: «Проходи, садись, попей чаю, пока Музаффар ака придет».

¹ Насвай - жевательный табак.

Тут и Марджан обратила внимание на нового гостя: «Салям! Что у тебя за дело? Амаки¹ дома нет, я за него!» Он не стал говорить о цели своего визита, но Марджан огорошила его вопросом: «Ну что, нашлась твоя жена?» Кабул понял, что раз Марджан его спрашивает, – значит, вся махалля знает о его несчастье.

– Нет, – сказал он грустно.

– Не беспокойся, – дружелюбно сказала Марджан. Если не появится, мы тебе другую найдем.

В это время незаметно появилась соседка Пулатой.

– Ну что, кого ты на этот раз дурачишь? – обратилась она к Марджан.

– Подожди, тут серьезное дело, у Кабула жена пропала – ответила та.

– А ты что же, расследование проводишь, что ли?!

– Я думаю, что она сбежала от тебя к другому, – насмешливо повернулась она к Кабулу. Кабул поспешил вон из дома.

У ворот он столкнулся с Раей, стараясь проскользнуть мимо, чтобы избежать вопросов о жене. Но ей было не до Кабула. Осторожно заглядывая через калитку она громко крикнула: «Дильбар апа, жандарма дома?» «Жандармой» Рая называла Лолу, одну из дочерей Дильбар, которая терпеть не могла Раю за ее вороватость и хамовитость. Сама Дильбар апа относилась к странностям своей соседки совершенно спокойно. За долгую жизнь с Музаффаром чего она только не повидала! Марджан пригласила: «Заходи, не бойся!» Узнав, что «жандарма» нет, Рая прошествовала через двор в дом, напевая популярную мелодию из индийского фильма: «А-ба-ра-я! А-а-а-а! Бродяга я! А-а-а-а!»

Обычно Рая шла впереди, потом сын, потом дочь, еще один сын, еще одна дочь, потом шла собака, а в конце – баран. Ее спрашивали: «Зачем так много нарожала?» Любая другая женщина оскорбилась бы, но так как у Раи был «приходящий» муж, она такому вопросу не удивлялась. Когда его не было несколько дней, она выходила на улицу поджидая его. На древней улице около какой-нибудь калитки или около арыка всегда можно было увидеть двух-трех беседующих мужчин. Заметив Раю, мужчины подтрунивали: «Не жди мужа, твой Мансур не придет. Он сегодня у своей жены». На что она весело парировала: «Сегодня моя очередь! Законная!» На вопрос о количестве детей она мечтательно отвечала: «Хочу машину получить. Бесплатно». Рая слышала, что можно получить машину, если родишь десять детей. Правда, она так и не смогла добиться бесплатной машины, так как довела число детей лишь до девяти, а десятый у нее не получился, как она ни старалась.

Зашла Рая с просьбой дать риса: «Дильбар апа, дайте рису, а то я плов начала делать, а риса нет». – Только ты можешь начать делать плов без риса, – съязвила Пулатой. Рая проигнорировала замечание, на ходу кинув: «Ну что, вернулась жена Кабула? Я видела ее вчера утром с большой сумкой, она садилась в автобус». Не дожидаясь ответа, она выскочила на кухню за Дильбар. Получив рис и держа миску в одной руке, второй она, как обычно, быстро схватила помидор. Дети тоже украдкой похватили: кто яблоко, кто персик, что под руку попало. Собака схватила лежащую во дворе косточку. Уходили также гуськом: сначала Рая, а потом весь ее выводок с животными впридачу. И только баран ничего не прихватил по пути, потому что был тупой и честный, как настоящий баран.

Тем временем Чугунов, услышав о пропаже жены Кабула, осторожно сделал предположение: «А может быть, с ней какая-нибудь беда приключилась?» Тут Марджан с Пулатой беспокойно переглянулись. «Хоть бы в живых была», – произнесла Марджан и добавила серьезно: «Музаффар ака что-то до сих пор нет. Надо опросить пока всех, кто и что знает о ней. Пока он подойдет, мы уже кое-что раз узнаем». В их разговор вмешалась Дильбар апа: «Слушай, Марджан, занимайся-ка своими делами и не лезь, куда не надо». Но Марджан уже нельзя было остановить. Она повернулась к Пулатой: «Ты идешь со мной?» Пулатой отнеслась к ее предложению скептически: «А что ты можешь сделать? Пойдем лучше ко мне, телевизор посмотрим, подумаем».

– Тогда я сама проведу расследование, – заявила Марджан.

¹ Амаки – дядя.

– И как ты собираешься его проводить?

– Нужно опросить всех соседей, кто видел Фариду в последний раз ... живой. Пулатой замахала руками: «Чтобы у тебя язык отсох, джинни¹! Ладно, я тоже пойду с тобой». Выйдя на улицу, они направились к дому лепешечницы Саври, жившей рядом с Марджан. Она овдовела несколько лет назад и, чтобы прокормить своих четверых детей, стала печь на продажу лепешки. Тандыр² соорудили ей бесплатно. Может, поэтому, а, может, из-за неумения лепешки у нее получались не круглые, а бесформенные, разного размера.

Марджан, проходя мимо дома, заглянула во двор и крикнула девушке-квартирантке: «Мехри-бану, собери с веревки сухое белье!» Потом повернулась к подруге: «Я первый раз встречаю такого человека. Ничего не знает моя квартирантка. У них в кишлаке даже телевизора нет. Как она на журналистку учится, не пойму!»

Они зашли к Саври, прямо во дворе месившей тесто для лепешек. – Ну что, опять хочешь кого-нибудь отравить? – насмешливо бросила Пулатой. Соседи не покупали лепешки у Саври. Ее дочери приходилось тащить их к студенческим общежитиям. А студенты, как известно, все съедят, лишь бы подешевле было. Саври взглянула на женщин: «Что случилось?»

– Когда ты в последний раз видела пропавшую Фариду? – спросила Марджан.

– Утром вчера. – Где?

– На улице.

– Ну, и где же она, не скрывай, говори правду!

– Откуда я знаю! Марджан тихо прошептала: «Может, это муж убил ее?» При этих словах Саври побледнела: «Не может быть! Вы думаете, ее муж способен убить?» – Может, у нее любовник был? Саври замялась: «Ну, это не наше дело». Марджан попытожила: «Значит, был. Та-а-к... Она пропала вчера. А муж зашел к Музаффар ака только сегодня вечером». Пулатой добавила скептически: «Ты хочешь сказать, что он выжидал, чтобы скрыть следы своего преступления?» Саври сказала: «Да нет, он сам ее ищет со вчерашнего дня, ко мне дочку посылал». Марджан ее перебила: «А ты думаешь, он послал к тебе дочку, чтобы признаться, что убил свою жену?» Саври сказала: «Подождите, тут надо спокойно подумать», на что Пулатой насмешливо улыбнулась: «А что, тебе есть чем думать?» – «Давайте сходим к нему домой – предложила Марджан. Саври встала: «Я тоже с вами». Втроем они вышли из дома Саври и направились к дому Кабула. Около своего дома Марджан предложила: «Давайте, зайдем на минутку ко мне, я посмотрю, собрала ли Мехри-бану белье». Во дворе их с веселым лаем встретила собака-«озбечка». Показав на собаку, Марджан констатировала: «Видите, моя собака только мужчин не любит, а женщин любит». Пулатой добавила: «Ты забыла сказать, что собака похожа на свою хозяйку. Ты, тоже никого не любишь». Белье было собрано и свалено в доме в кучу. Марджан заметила: «Белье нужно аккуратно складывать! Вот так». Перебирая постиранные вещи, Марджан спросила: «Слушай, Мехри-бану, а где мои лепчики? (имелись в виду «лифчики»)). Дело в том, что в речи узбеков при произнесении русских слов часто меняются местами буквы «ф» и «п». Доно, жена люли³ Хусана говорила вместо слова «паспорт» – «фасфорт». А соседский мальчишка, хоккейный болельщик, вместо «Фирсов» и «Полупанов» бегло и думая, что очень умело, произносил: «Пирсов» и «Фолуфанов».

Девушка непонимающе уставилась на Марджан. Та повторила: «Не поняла? Где мой бозгальтр (имелось в виду «бюстгалтер»)?» – Что вы сказали? Я не понимаю! Марджан стала объяснять: «Лепчик! Ну, бозгальтр!» Пулатой в это время, помогая Марджан, показывала руками понятный всему миру жест вокруг своей груди. – Ты же только что снимала с веревки сухое белье, и там было два моих бозгальтра, – напомнила ей Марджан. – Что? Боз халта?⁴ – переспросила квартирантка. Марджан начала нервничать: «Да ты что, не знаешь, что такое бозгальтр? Его надевают на

¹ Джинни - дура.

² Тандыр - глиняная печь для выпечки лепешек.

³ Люли - цыган.

⁴ Боз холта - бязевый мешок.

сиськи, чтобы они не болтались туда-сюда, когда шагаешь! Ты поняла теперь?» Девушка недоумевала. Марджан удивлялась: «Разве у вас в кишлаке женщины не носят лепчики?» Та растерялась: «Извините, я не знаю, о чем вы говорите, я не понимаю». – Надо же, еще есть на свете такие места, где женщины не знают, что такое лепчик удивилась Саври. Пулатой съязвила: «А что толку, что вы знаете, что такое лепчик! Сиськи ваши так же болтаются, как и у Мехри-бану. А ты, Марджан, и квартирантов по себе подбираешь». Марджан посмотрела на пышную грудь Пулатой: «А тебе нельзя не носить бозгальтр, у тебя сиськи начнут драться друг с дружкой». Пулатой покраснела, что случилось с ней очень редко: «Хватит болтать, потом разберешься со своими вещами и «бязевыми мешками». Мы же по делу шли, забыли, что ли?».

Наконец женщины добрались до двора Кабула. Позвали дочку. – Где отец? – Пошел к Музаффар ака – ответила дочь. – Очень хорошо. А ты, дочка, заходи в дом, мы скоро уйдем. – Хорошо, что его нет. Мы без него сможем обыскать двор, но так, чтобы дети не поняли, в чем дело. Может, что-нибудь узнаем, – обратилась к подругам Марджан. Вдруг Марджан поманила подруг пальцем и молча показала на свежескопанную землю вдоль дувала¹, где росли чахлые цветы. Видно было, что земля вскопана недавно. Рядом с чахлыми ирисами торчало несколько зеленых палок. – Что это? – затаив дыхание, спросила Саври.

– Да это розы посажены, – определила Пулатой.

– Но позавчера здесь ничего не было – заметила Саври. Женщинам стало не по себе. Что будем делать? – спросила Саври. – Давайте посмотрим, что там закопано... или... кто... – предложила Марджан. – Сходим ко мне за лопатой.

Все втроем кинулись к дому Марджан. У ее калитки стояла женщина и что есть силы стучалась в нее. – Я здесь! – крикнула ей Марджан. – Это моя клиентка, забирает у меня раз в неделю детские шапочки – пояснила она подругам. – Зайдем в дом, я быстро посчитаю и отдам. Женщины поздоровались и, хотя видели друг друга первый раз в жизни, стали расспрашивать друг друга о здоровье, о детях, родителях и других родственниках. После горячих и вежливых приветствий женщины вошли в дом. Марджан обратилась к своей квартирантке, которая сидела уставившись в телевизор: «Разве можно так беспечно сидеть с раскрытыми дверями! Так и не заметишь, как тебе задницу вместо курдюка отрежут!» Марджан вытащила сверток, лежавший на курпаче², открыла его и обратилась к клиентке: «Я вам сшила где-то штук пятьдесят».

Марджан стала по одной пересчитывать детские шапочки, а клиентка складывала их кучками. Вдруг клиентка остановила ее: «Ты зачем мне свои лифчики даешь?» Перед глазами удивленных женщин из кучи шапочек появилось два лифчика. Марджан позвала свою квартирантку: «Вот же мои лепчики! Ты зачем их сюда положила?» Все женщины одновременно с интересом уставились на квартирантку. Та растерянно пролепетала: «А я думала, что это ваш товар». – Мозг твой на месте, или ты его съела? Какой же это товар? – Я читала в газете, что рождаются дети с двумя головами, вот и подумала, что вы для них сшили шапочки. Женщины захохотали. – Ха-ха-ха! Ты откуда приехала? У вас там все такие? А главное, ха-ха-ха, она газеты читает! Что такое бозгальтр – не знает, а газеты читает! Ха-ха-ха! Ты что, совсем «мазгий ек...? Девушка только удивленно моргала глазами и протяжно бормотала: «Вай, тавба! Хар нарсога бир нарсо-о-о-!».³ Эта, на первый взгляд, незатейливая фраза, если вдуматься, содержала глубокий философский смысл: всякое следствие имеет свою причину.

– Вы забыли, зачем мы сюда пришли? – остановила их Саври. Вспомнив о деле и выпроводив покупательницу детских шапочек, женщины взяли во дворе лопату и направились к дому Кабула.

Тем временем Кабул тихо отвечал на вопросы Музаффара, а тот что-то записывал себе на листок бумаги. Свой рассказ Кабул закончил тревожным вопросом: «А вы не думаете, что с ней могло что-нибудь случиться?» Музаффар осторожно ответил: «Да

¹ Дувал – глиняный забор.

² Курпача – ватное одеяло.

³ Боже мой! На каждую вещь есть своя вещь!

нет, наверно. Вы успокойтесь и идите домой, завтра вечером зайдете ко мне. Дайте мне адрес подруги». – Хорошо, шас схожу и поищу. Может, у нее где-нибудь записано – засуетился Кабул. – Да, чуть не забыл! Говорят, у вас квартиранты живут? – спросил Музаффар. – Раньше жили. Две студентки в одной комнате, а в маленькой жил студент. Но они уже съехали недавно. – А вы не знаете, откуда они родом были? – Не знаю, у жены где-то записано было. – А это зачем? – Да просто, на всякий случай. Сейчас сходите домой и принесете мне все адреса? – ответил Музаффар.

Недалеко от дома Кабул увидел трех подруг. Марджан при виде его скомандовала подругам: Пойдем пока обратно. Пулатой проворчала: «Ты что, Марджан, совсем сбрендила? И как я, глупая, могла поддаться! – Все равно тут дело нечисто. Что-то он все-таки скрывает. Ведь, вспомните сами, она когда-нибудь так надолго пропадала, а, Саври?» Та ответила: «Нет. А вдруг ее кто-то другой убил? А, может, ее кто-нибудь увез?» – Да кому она нужна? – хмыкнула Пулатой. – Не смеши людей, я думаю, она к другому сбежала. Тут Марджан не выдержала: «Слушайте, вы, многолетние матери! А вы могли бы сбежать от своих детей? Я же говорю, что с ней что-то случилось. И квартиранты ее вдруг исчезли недавно». – Ты, Марджан, не морочь нам голову. Ты намекаешь, что это они убили ее? Но зачем каким-то студентам ее убивать? Пусть Музаффар ака разберется. Я думаю, что он это сделает лучше тебя. Уж чужой цветник он точно не захочет разрушать – возмутилась Пулатой. Саври присоединилась: «Да, пусть поиском Фариды специалист занимается. А мне нужно лепешки печь. Там тесто, наверно, подошло». Пулатой не могла удержаться, чтобы не съязвить: «Ты больше пользы принесешь людям, если не будешь печь свои кривые лепешки».

Когда Кабул вошел в дом, не спала только старшая дочь. Остальные трое, укрытые ватными одеялами, спали на полу. – Фатима, где у мамы были записаны адреса студентов, которые у нас жили? – спросил он. Дочка нырнула в какую-то коробку и вытащила помятую бумажку: «Вот». – Спасибо, доченька. А адреса маминой подруги не знаешь? Дочь ответила: «Да, знаю, но мама не разрешила мне говорить». – Мне можно. Напиши пожалуйста. Дочка нацарапала адрес на листочке бумаги, он поцеловал ее и вышел.

Вернувшись в дом Музаффара, Кабул протянул листочки: «Зря я вас побеспокоил. Может, завтра я сам поеду к подруге жены?» Музаффар внимательно посмотрел на него: «Да нет, вы же можете только завтра вечером, после работы. А я смогу с утра. Я сам съезжу к ней, хоп?» Кабул отправился домой. Калитку на засов он не закрыл, чтобы жена, если придет, не стучалась и не беспокоила соседей. Ночью ему несколько раз снилось, будто жена стучится в калитку. Он вскакивал и выбегал на безлюдную улицу.

С утра неугомонная Марджан уже прибежала в дом Музаффара. – Здравствуйте, амаки. Вы мне поверьте, по-моему, Кабул что-то скрывает. Я чувствую. Не могу понять только, что именно. Но что-то здесь нечисто. Музаффар внимательно посмотрел на нее: «Я тоже так думаю. Но надо искать, Марджан, на этот раз твоя помощь будет заключаться в том, чтобы просто слушать, кто и что говорит, но ничего не предпринимать». Марджан сразу почувствовала себя значительной и нужной. – Хорошо, амаки, – сказала она, а сама подумала: «Вот человек!» – и вспомнила, что даже тетю Дусю-пьяницу, мать Райки, Музаффар ака называет не иначе, как Евдокия Яковлевна.

В это время в дом Музаффара вбежал взволнованный Кабул: «Музаффар ака, кто-то разворотил мой цветник во дворе! Все розы, которые я позавчера посадил, выдернули. Что бы это могло означать?» – Наверно, мальчишки, – спокойно ответил Музаффар. – Я думаю, что в этих действиях нет никакого смысла. Можете спокойно идти на работу. Кабул ушел, теряясь в догадках, где же его жена, и как ее исчезновение связано с погибшими цветами.

После его ухода Дильбар посмотрела на Марджан: «Ты не знаешь, кто мог так нахулиганить?» Та ответила с бесстрастным выражением лица: «Не знаю». А Музаффар невозмутимо отвел жену в сторону и сказал: «Дилечка, я сегодня приду, наверно, поздно». – Во сколько, чтобы я могла сказать клиентам... – Где-то часов в восемь-девять, девять-десять. Вот с такой точностью он обычно отвечал на подобные вопросы. Затем задумчиво добавил: «Думаю, что сегодня Фаридка вернется. Приготовь плов».

После его ухода, когда Дильбар и Марджан сели чаевничать, калитка открылась, и во двор плавно вплыла сестра Дильбар Роза. Имя ее обозначало, конечно, не цветок. Роза родилась в месяц Рамазан, когда все мусульмане соблюдают пост, и называется он у узбеков «роза» с ударением на последний слог. Вот в честь поста и возникло это имя. Роза очень любила читать и смотреть по телевизору детективы. Поздоровавшись с Дильбар и Марджан, она шумно села, кряхтя и приговаривая: «Ох, тяжело быть полной!» Марджан ей посоветовала: «Курить надо, чтобы похудеть». Та только хохотнула ей в ответ: «Да я с четырех лет курю!»

Оглянувшись по сторонам, Роза многозначительно и таинственно произнесла: «Вы смотрели фильм такой-то? Нет? Обязательно посмотрите!» – и добавила, медленно чеканя каждый слог: «Гиль убийство!». Первое слово «гиль» произносилось по-татарски и означало «только», второе неизменно произносилось по-русски для большего впечатления на окружающих. Чтобы подчеркнуть, что фильм стоит посмотреть, произносилась фраза, которая означала: «только убийства!» или «одни убийства!» Марджан тут же парировала:

– У тебя в кино убийства, а у нас здесь настоящее, может быть, убийство! У Розы глаза разгорелись.

– Расскажи быстрее, что здесь случилось!

– Да вот у соседа жена пропала, уже второй день. Я подозреваю, что ее могли убить, но никто не хочет меня слушать.

– А у них есть квартиранты?

– Да, жили две студентки и один студент, но съехали недавно. Роза заключила с видом знатока: «Так что же вы медлите? Это они и убили вашу Фариду! Надо срочно сообщить в милицию!»

– Успокойся. Музаффар ака уже занимается этим – сказала Дильбар.

– Дилька, ты же знаешь, сколько я пережила во время войны, когда пропала моя свекровь!

– А что случилось со свекровью? – спросила Марджан. – Ох, не спрашивай! Во время войны у нас жили две квартирантки. Они исчезли в тот день, когда пропала свекровь. Оказалось, что они убили мою свекровь и закопали прямо во дворе, чтобы украсть деньги, вырученные от продажи козы! Их милиция поймала на следующем преступлении! А до этого меня арестовали, и я месяц просидела в подвале! Меня так запугали, что я со страху все бумаги подписала, созналась, что это я убила свекровь! С тех пор я и начала курить! – добавила она, забыв, что только что признавалась, что курит с четырех лет.

Марджан вскочила. – Я не могу спокойно сидеть, Дильбар апа. Я найду этих квартиранток. А может, они вообще не студентки, кто знает? – Успеешь! Давай, посидим, я плов приготовлю – пригласила Дильбар. Марджан оживилась: «Вы знаете, я часто болею, и мой врач говорит, что мне обязательно надо выпивать в день не меньше пятидесяти граммов, чтобы не болеть. Я быстро сбегаю домой за своим лекарством». Дильбар улыбнулась: «И подругу Пулатой приведи. Скажешь, что я пригласила».

Через несколько часов Музаффар, входя в дом, услышал, как Дильбар поет своим красивым грудным голосом, а женщины тихонько ей подпевают. Дождавшись конца песни, он сказал невозмутимо:

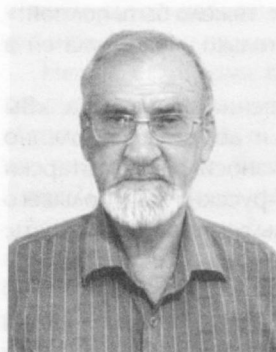
– Дилечка, а ну, угости нас, мы проголодались!

И перед удивленными женщинами предстали Музаффар с пропавшей Фаридой.

– Где ты была? – вскинулась Марджан.

– Как где? – смутилась Фариада. – Просто я была в гостях у подруги, спросите у Музаффар ака. Он, не глядя ни на кого, молча кивнул головой.

Вечером, когда все гости и посетители разошлись, Дильбар спросила мужа: «Где же была эта Фариада?» Музаффар задумчиво ответил: «Вот что бывает, когда пускаешь в дом молодого квартиранта».

Игорь ЭРНСТ

Родился в 1946 году в Шахрисабзе. Инженер-электромеханик, прозаик, поэт. Преподает в Ташкентском государственном техническом университете.

Мал запах трав с дыханием ветра смешан...

Моцарт и Сальери

Моцарт играет на клавесине
Сальери стоит с ним рядом.
Гений и его отравитель
Меняются долгим взглядом
Один тяжелейшим трудом
Гармонию алгеброй мерил,
Стремясь подчинить воле звук
В себя он не очень верил.
Другой от рождения умел
За символом музыку видеть
И только за это одно
Мне должно его ненавидеть.

Пройдет безумие любви,
Очнешься ты на пепелище,
Твоя нескладная душа
Лелеет ветхое рубище.

Но роясь в пепле, где зола,
Найти попытаюсь тень надежды,
Ты незаметно для себя
Наденешь новые одежды.

И ты увидишь мир чудес,
Он полон ветра, солнца жара,
И с нетерпением будешь ждать
Другую искру, мать пожара.

Я слов возвышенных немало
Произношу в своих мечтах,
Но то, что сердце нашептало,
Умом закрыто на устах.

Тогда, пером листа касаясь,
Горю огнем в любом значке,
Но письма, стопкой собираясь,
Хранятся в тайном сундучке.

Как мысль моя нескромно мчится!
Высок мой дух, порыв стальной!
Увижу – и душа смутится,
И взор обходит стороной.

Я берегу безмолвный трепет
Души и сердца, и ума,
Моих стихов наивный лепет
Дороже мне, чем ты сама.

Вера. Надежда. Любовь

Сначала Вера умерла –
Исторгла стоны лира.
Душа застыла, замерла
И ждет крушенья мира.

Затем мучительно и долго,
Напрасно вспыхивая вновь,
Огнем надуманного долга
Сгорала пылкая Любовь.

И наконец, ненужной никому,
Как жарким летом зонт в передней,
В пыли чердачной, брошенной в угол
Надежда отошла последней.

Счет времени

Все то, что мне когда-то снилось,
Все то, что так и не сбылось,
Сложилось вместе – плюс и минус,
На счетах времени сошлось.

Итог моих земных блужданий,
Исканий, не смыкая вежд:
Клубок несбыточных желаний
И ворох рухнувших надежд.

Душа кричит, не соглашаясь,
И я открыть счет новый рад,
Да разум шепчет, усмехаясь:
Получишь тот же результат.

Так тихо в воде отражались
Деревья над старым прудом,
Березки, обнявшись, шептались,
Накрыв своей кроною дом,
И в поле дорожка бежала,
Где желтая рожь колосась,
О том же чуть слышно шептала,
Вдгонку ручьями струясь.

Слова к музыке

Ты вольной птицей улетаешь в неба высь
И черной точкой таешь в синеве,
И о тебе исчезнет мысль,
Как гаснут звезды,
Гаснут в утренней реке.

Солги, что любишь, а потом иди
И растворись бесследно в синеве,
Лети на зов своей судьбы,
А я останусь, я останусь на земле.

И я, подхваченный течением реки,
Кружась в созвездьях отсиявших звезд,
Помчусь, храня лишь угольки,
Остатки прежних
Золотых напрасных грез.

Солги, что любишь, а потом иди
И растворись бесследно в синеве,
Лети на зов своей судьбы,
А я останусь, я останусь на земле.

Но слов твоих, небрежно сказанных, туман
Обнимет мир волшебной пеленой,
Покорно я приму обман
И буду верить,
Что как прежде ты со мной.

Солги, что любишь, а потом иди
И растворись бесследно в синеве,
Лети на зов своей судьбы,
А я останусь, я останусь на земле.

Я буду жить на этом свете без тебя,
Твой голос буду слышать в голосах
Других людей, других любя,
Я буду знать,
Что ты живешь на небесах.

Солги, что любишь, а потом иди
И растворись бесследно в синеве,
Лети на зов своей судьбы,
А я останусь, я останусь на земле.

Я приду!

Там, знаю, воздух осязаем и прозрачен,
Там рек бурливых внятен разговор,
Там узкий свод ущелий тесных мрачен
И полон света каменный простор.

Там громкий голос растворяется в покое,
Там звуки сует гаснут в облаках,
Там страсти будней ничего не стоят,
И мера дел незыблема в веках.

Там снегу девственность присуша изначально,
Там путник робкий не оставит след,
Там ствол засохший горбится печально,
Как страж минувших невозвратных лет.

Там солнца желтый диск ярится и сияет,
Там звезды точат свой бессмертный свет,
Там вечность бега времени не знает,
Но и застывшего в краю том нет.

Там, знаю, страх сжимает сердце над стремниной,
Там эхо манит в кружево долин,
Там камень слепо двинется лавиной
И в трепет свергнет пришлого с равнин.

Там редкий взмах крыла орлиного неспешен,
Там ясны в дымке очерки хребтов,
Там запах трав с дыханьем ветра смешан –
И там постигнешь замысел богов.

Там с каждым днем душа становится моложе,
Там с каждым вздохом мысль моя острее,
Там с каждым годом чувства будут строже,
И дивный мир грядущего милей.

Там в небе чистом вечно холодно и сине,
Там хоры нежных ангелов поют,
Там в сто эпох пора любви не минет
И там мой дом, мой будущий приют!

Китайка играет на флейте –
Как чарующи нежные звуки...
Может, рада нечаянной встрече,
Может, плачет о скорой разлуке.

Безыскусна, естественна песня –
Дождь идет иль колышутся листья –
Каждый звук есть мазок акварели,
Нанесенный уверенной кистью.

Вот замолкнет усталая флейта,
И сомкнутся усталые губы,
Храня память о скромном мотиве,
И о том, что всегда нам так люблю.

Песни вечные, вечные песни,
Сердце, душу мою вечно грейте...
Ненароком вчера я услышал –
Китайка играла на флейте...

**Наргиза
ХАСАНОВА**

Родилась в Ташкенте в 1981 г. Окончила Национальный институт художеств и дизайна им. К.Бехзода. В настоящее время работает над докторской диссертацией. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые. Живет в Ташкенте.

Из истории становления художественной школы в Узбекистане

В любом обществе уровень развития искусства – наилучший показатель сложившихся традиций, их перспективного развития и новационных достижений. В Узбекистане вековая история классической академической школы живописи свидетельствует о неуклонном развитии классических традиций, заложенных лучшими русскими художниками-педагогами. Многие из них, выпускники Российской Императорской академии, а впоследствии Репинского института, заложили крепкий фундамент и основу традиций, которые затем были продолжены не только русскими живописцами.

Во всем этом большая заслуга таких прекрасных художников-педагогов, как А.Щетков, Н.Розанов, П.Беньков, О.Татевосян и нашего земляка А.Волкова, а так же выпускников Репинского института: Р.Ахмедова, М.Саидова, Н.Кузубаева, Т.Оганесова и Мухинского института: В.Жмакина, В.Соседова и многих других.

Если вначале этот процесс в основном был движим выпускниками российской школы академического художественного искусства, то впоследствии продолжателями этих традиций стали выпускники уже ташкентской школы – носители сложившихся традиций – художники педагоги Д.Имамов, В.Бурмакин, Ю.Зорькин, Г.Моисеев, В.Шевченко, И.Бахрамов, Р.Худойберганов, И.Мансуров и т.д.

После обретения независимости нашу республику как самостоятельное государство стали посещать художники разных стран, в частности: Национальный институт художеств и дизайна им. К.Бехзода посетил ректор Нидерландской высшей художественной школы «Хегескул» господин Петерс и был удивлен академической направленностью художественного образования. Он предложил составить «протокол намерений», а затем и договор сотрудничества с нашим институтом. Возражения и сомнения некоторых представителей школы «Хегескул» по поводу излишней академичности и традиционности представляются несостоятельными, т.к. у нас в стране в изобразительном искусстве есть целая плеяда прекрасных художников концептуальных направлений – художников авангардистских течений. Все они выпускники Института художеств и дизайна (бывшего института искусств, а до этого ТТХИ). Их творчество в любых направлениях авангардизма глубоко профессионально. Профессионализм – это главное, то, что дает академическая школа в смысле высшего художественного образования и что необходимо всякому художнику независимо от того, какое направление в искусстве он избрал впоследствии. Характеризуя авангард нашей страны, доктор искусствоведения Н.Ахмедова пишет: «Судьба авангарда в Узбекистана уникальна. Своим рождением он связан с различными идеями и влияниями, на первый взгляд, взаимоисключающими. Ход истории определял многое: крушение старого мира, неотложные идеологические и социальные проблемы нового общества, формирование молодой национальной школы, непростой, порой трагический, жизненный путь мастеров».¹

К тому же специфической особенностью художественного образования в Узбекистане является создание в 20-е годы учебных

¹ Ахмедова Н. Живопись Центральной Азии XX века: Традиции, самобытность, диалог: Особенности формирования и развития / Науч. Ред. А.Хакимов. – Т., 2004. – С. 46.

заведений авангардистских направлений: «На первых порах формалистические веяния в искусстве Туркестанской республики были незначительны. Но в 1921 году в Туркестан прибыла группа московских художников-формалистов, провозгласивших борьбу с академизмом и рутинной. Представители формализма Комиссаренко, Федорченко не были яркими фигурами своего времени, однако они были достаточно предприимчивы для того, чтобы повернуть краевую туркестанскую художественную школу на путь формалистических исканий. Из прежних преподавателей при школе остался лишь А.Н.Волков. Нечто подобное имело место и в Самарканде, где художественное руководство скульптурным классом перешло в руки художницы Сандомирской. Но в Самарканде художественная школа быстрее преодолела поветрие формализма».¹

Уместно также привести слова Н.Ростовцева, объясняющие необходимость расширения исканий новых форм в искусстве: «Стремление художников обогатить, расширить средства изобразительного искусства было вполне естественным и закономерным... . Всем было ясно, что академическая система нуждается в реформе, методы обучения рисунку, живописи и композиции необходимо изменить. Беспорядочная борьба мнений и веяний в эту эпоху вносила еще большую неорганизованность в методику преподавания художественных дисциплин и, прежде всего, рисунка».² Конечно, искания и эксперименты 20-х годов были живой струей, обогащающей туркестанскую школу живописи, хотя отсутствие четких целей, программ, методик не способствовали этому.

Но, несмотря на неудавшийся замысел по созданию художественного авангардистского образования, этот опыт является положительным признаком в истории художественного образования, т.к. история искусства нашей республики 20-х годов дает полную палитру исканий художников. В связи с этим доктор искусствоведения Н.Ахмедова пишет: «... в 20-е годы собрался разнообразный по творческому потенциалу состав художников. Это близкие кубистическому и экспрессионистическому направлениям А.Волков, М.Курзин, Н.Кашина, Е.Каравай; кубофутуризм – В.Уфимцев; неоклассике – В.Маркова, импрессионизму – П.Беньков».³

В дальнейшем в художественной школе Узбекистана отчетливо просматривается тенденция развития традиций классической академической школы. Тем более, что почти все классики мирового и, более всего, русского авангарда в той или иной мере прошли академическую художественную подготовку.

В Туркестанской народной, или по другому названию, краевой художественной школе, организованной в Ташкенте в 1919 году, преподавали С.Юдин, И.Казаков, А.Волков, И.Головин, А.Исупов и др. Программа занятий была составлена при активном участии С.П.Юдина на основе типовой программы художественных училищ Российской академии художеств. Школа была хорошо оснащена художественным инвентарем, богатым реквизитом.

В это же время функционировал другой художественный техникум-интернат. Выпускником этого техникума был Искандер Икрамов. Оформленные им книги являются одним из интересных достижений иллюстраторского искусства.

В бывшем дворце великого князя Романова располагался Музей искусств, где была организована студия под руководством А.Волкова, позже она была передана под начало Н.Розанова, там прошли подготовку такие художники, как У.Тансыкбаев, А.Ташкентбаев, первая художница-узбечка З.Саиднасырова. Вспоминая свою учебу в этой студии, У.Тансыкбаев говорил: «В студии мы получили хорошую подготовку – Репинскую».⁴

О роли Александра Волкова в становлении художественной школы в Узбекистане (Мастер «Гранатовой чайханы») М.Земская пишет: «Все вопросы эстетики Волкову приходилось решать не только в собственном творчестве как художнику, но и делиться выводами, взглядами с учениками – почти всю жизнь Волков преподавал. Он преподавал графические искусства в различных народных школах Ташкента (1916-1917 гг.), живопись и рисунок в Туркестанской народной школе живописи и ваяния (1919 г.), в Ташкентском железнодорожном училище (1919 г.). В 1920 году ему как инспектору школьного отдела поручили организацию и руководство художественным образованием во всех школах первой и второй ступени. С 1921 года он ведет занятия на педагогическом факультете Туркестанского государственного университета и в центральных художественных мастерских, а также в Высшем краевом техникуме».⁵

Волков вспоминает в записках «Как я организовал класс узбеков»: «Один из художников-педагогов говорил, что узбеки смогут работать только декоративно. Это очень обидело,

¹ Изобразительное искусство Узбекской ССР. – М.: Советский художник, 1957. – С. 98.

² Ростовцев Н.Н. История методов обучения рисованию. – М.: Просвещение, 1981. – С. 28.

³ Ахмедова Н. Живопись Центральной Азии XX века: Традиции, самобытность, диалог: Особенности формирования и развития / Науч. Ред. А.Хахимов. – Т., 2004. – С. 46.

⁴ Тансыкбаев У. Воспоминания. Документы / сост.: М.В.Мюнц, Н.Р.Ахмедова, Н.И.Глазкова, Е.Я.Тансыкбаева. – Т.: Издательство литературы и искусство Г.Гуляма, 1988. – С.176.

⁵ Земская М.И. Александр Волков (Мастер «Гранатовой чайханы»). – М.: Советский художник, 1975. – С. 157.

и они все собирались уйти из училища. Я заявил, что они могут работать и как станковисты и взял на себя это доказать. В течение пяти лет я работал в классе узбеков и доказал, что это так. Узбеки способны как станковисты. Это было 1933-1934 годах. В дальнейшем это все оправдалось в еще большем масштабе».¹

Следующий этап становления художественной школы связан с приездом в Самарканд П.П.Бенькова. Благодаря этому в Узбекистане образовались две школы: Ташкентская и Самаркандская. По этому поводу С. Круковская пишет: «Беньков как крупный художник, несомненно, создал свою Самаркандскую школу. Свидетельство этого – работы не только самаркандцев А.Разыкова, Р.Тимурова, Ю.Елизарова, А.Хайдарова, но и многих Ташкентских живописцев: Абдулхака Абдулаева, Лутфуллы и Сагдуллы Абдулаевых и многих других».²

Как этап становления художественной школы Узбекистана необходимо отметить эвакуацию в годы войны художественных вузов с европейской части в нашу страну. В военное время в Самарканд были эвакуированы чуть ли не все художественные вузы страны. В этот период Самаркандское отделение Союза художников Узбекистана жило напряженной творческой жизнью. По воспоминаниям З.Ковалевской: «... бывали очень интересные «межвузовские» конференции с постановкой и общих вопросов искусства, и задач, выдвигаемых временем, и педагогических проблем. Бывали просмотры студенческих работ старших курсов на предмет «брони», у выпускников – обсуждение эскизных работ, потом наблюдение за ходом работы».³

Это способствовало привлечению местной молодежи к получению художественного образования.

После окончания войны, по возвращении Репинского института в Ленинград сначала на подготовительное отделение института, а затем и в число студентов была принята большая группа молодежи из Узбекистана. Среди них те, кто стал впоследствии классиками узбекской живописи: Народный художник СССР и Узбекистана, профессор, академик Академии художеств России и Узбекистана Р.Ахмедов, академики Академии художеств, Народные художники Узбекистана Н.Кузубаев, М.Саидов, профессора Т.Оганесов, Ю.Зеликов и другие. (И после открытия в 1954 году в Ташкентском театральном институте художественного факультета почти каждый год многие выпускники художественных училищ получали высшее образование в Репинском институте).

Организованный при Ташкентском театральном институте художественный факультет в 1954 году стал местом подготовки художников не только для нашей республики, но и для других республик Центральной Азии. На художественном факультете в разные годы преподавали такие известные мастера, как О.Татевосян из Москвы, Б.Урманчи из Татарии, А.Гольдрей из Ленинграда и другие.

Занятия на факультете велись в лучших традициях классической академической русской школы, благодаря этому Ташкентский театрально-художественный институт завоевал заслуженный авторитет и славу. Сюда на учебу в Ташкент потянулась творческая молодежь из всех республик бывшего Союза.

Хотя институт и назывался театральным, прием был объявлен на отделение живописи, имелась в виду подготовка педагогов по специальным предметам для художественных учебных заведений. Затем открылись отделения театральной декорации, монументальной живописи, скульптуры и графики. Сейчас в институте занятия ведутся по восемнадцати направлениям изобразительного и прикладного искусства и дизайна.

Путь, пройденный более чем за полвека, был, безусловно, плодотворным. За этот период были выработаны свойственные академическому образованию традиции подготовки творческих специалистов по всем направлениям изобразительного искусства. Выросло не одно поколение мастеров кисти и резца. Их творчество стало большим вкладом в сокровищницу национального изобразительного искусства Узбекистана. И как признание достижений в области изобразительного искусства и в системе художественного образования Президентом Республики Узбекистан И.А.Каримовым было принято решение об организации Академии художеств с целостной системой художественного образования, в том числе, отдельный институт – Национальный институт художеств и дизайна имени К.Бехзода (на базе художественного факультета Государственного института искусств имени М.Уйгура). Примечательно, что многие выпускники этой школы были избраны действительными членами Академии художеств Узбекистана. Это такие мастера, как Н.Шин, К.Башаров, В.Бурмакин, А.Нур, А.Хакимов, А.Ибрагимов, Й.Турсунназаров, М.Садыков, А.Рахимов.

¹ Земская М.И. Указ.соч. – С. 157.

² Беньков П.П. Воспоминания, переписка. 1879-1949 (Сост., авт. вступительной статьи и коммент. М.А.Соколова). – Т.: Издательство литературы и искусство, 1981. – С. 140.

³ Беньков П.П. Воспоминания, переписка. 1879-1949 (Сост., авт. вступительной статьи и коммент. М.А.Соколова). – Т.: Издательство литературы и искусство, 1981. – С. 140.

Гипотеза мироздания Вселенной (ГМВ)

**Истина не зависит от суждений, она реальна и
вне их**

*Безгранична Вселенная во времени и пространстве,
бесконечны и бессчетны попытки познать ее ... читателям
«Звезды Востока» предлагается не во всем бесспорная очеред-
ная гипотеза мироздания.*

Избегая сложных терминов, автор делает попытку обосновать новую философию «начала начал», вводя новую составляющую материи Вселенной – активность.

В данной статье излагается гипотеза мироздания, претендующая на новизну.

Активность – это часть материи Вселенной, обладающая способностью:

- преобразовываться в массу, энергию и обратно;
- как и другие составляющие материи, существовать во всех условиях Вселенной, при любых температурах, давлении и т.д. ;
- быть многоуровневой и развиваться в своем качестве;
- активность обладает разумом, который формирует все алгоритмы взаимодействия Вселенной.

История создания ГМВ

Активность невозможно отнести к какому-либо виду вещества или энергии, но она имеет свойство развиваться, наращивать мощность и обладает разными уровнями сложности. Активность присутствует во всем.

Многолетние размышления над проявлениями активности позволяют мне выдвинуть следующую гипотезу:

- Вселенная состоит не только из вещества (массы) и энергии, но и главной ее составляющей – активности;
- активность как часть Вселенной безгранична, она присутствует во всем и будет всегда;
- активность многообразна и предстает как в виде простых форм, присущих неживому миру, так и сложнейших, обеспечивающих жизнь во Вселенной, ее (Вселенной) организацию, формирует Высший Разум;
- активность организует алгоритмы развития Вселенной, в том числе зарождение биологической жизни и других форм разумного существования.

Основные принципы философии предлагаемой ГМВ

- Из общего следует частное, а не наоборот. Вселенная, при всем многообразии едина, а отсюда следует, что ее законы тоже едины. Нам не следует ее рассматривать как мозаику явлений, т.е. их совокупность, с белыми пятнами неиз-

Олег САРКИСЯН

Родился в 1955 г. в Коканде. В 1978 г. окончил факультет ПГС Ташкентского политехнического института. Работал на заводе ЗЖБИ, в системе Министерства водного хозяйства, занимается частным предпринимательством.

веданного. Частное гармонично укладывается в общее и, если гармония нарушена (в понимании чего либо), то это неверное представление, или недостаток знаний.

– Материя Вселенной разумна и самодостаточна, гармонична, обладает свойствами создавать время и пространство. Самодостаточность материи Вселенной обеспечена ее единственностью, т.е. раз кроме материи во Вселенной ничего нет, значит того, что имеется достаточно.

– Автор отвергает все философские доктрины, не подтверждающие гармонию Вселенной.

– Автор, так же считает, что эмпирический подход к исследованию Вселенной недостаточен (дорога от опыта к знанию, к сожалению, оказалась практически единственной и исчерпала себя, главенство «доказательств» Истины, полученных на базе эмпирического подхода, сдерживает наше развитие.

– От вопросов «как и почему?» необходимо перейти к вопросам «кто и для чего?»

Отвечая на вопросы как и почему это происходит, мы открываем новые законы физики, химии и т.д., благодаря этому происходит формирование нашего познания мира. Но достаточно ли этого, и насколько это отражает Истину? Представляется, что ответов на эти вопросы недостаточно, сформировав определенные знания, развив мировую науку, они не дают ответа на вопрос: кто и для чего направляет эволюционное развитие по этим законам? Кто придумал правила и направил наше развитие в известном русле? И можно ли утверждать, что открытые человечеством научные законы есть Истина, без ответа на эти вопросы. В основе нашего материалистического представления о Вселенной присутствуют только две составляющие: вещество (масса) и энергия. Это догматическое представление о строении Вселенной не полно, не обладает гармонией Истины, потому что не отвечает на главные вопросы.

Теория ГМВ

Основные понятия.

– Истина – это «что-то» реально и самостоятельно существующее.

– Материя Вселенной – это все то, что окружает нас, включая пространство, время и неизведанное.

– Гармония – единственный принцип существования Вселенной – это свойство (способность) материи создавать разумные алгоритмы существования Вселенной, характеризующееся согласованностью, связанностью, единством, пропорциональностью, гармоничностью.

– Пространство – это свойство материи создавать объем Вселенной, связанное со временем, способное изменяться.

– Время – это свойство материи Вселенной (а не процесс), характеризующее воздействие материи на развитие Вселенной, также способное изменяться.

– Тело – это часть материи, одновременно состоящая из массы, энергии и активности, существующая во времени и пространстве. Без любой из этих составляющих не может быть ни тела, ни материи Вселенной.

– Энергия – это часть материи, обеспечивающая ее деятельность, обладающая весом, но не обладающая объемом. Под весом необходимо подразумевать гравитационные свойства рассматриваемого объекта.

– Масса (вещество) – это составляющая часть тела, обладающая объемом, весом, организованной структурой строения, которая обеспечивает ее (массы) свойства.

– Инерция – это потенциал активности тела.

– Движение – это свойство материи, благодаря активности, изменяться во времени и пространстве

– Импульс – это толчок к движению, осмысленное воздействие активности на энергию.

– **Активность** – вновь вводимое понятие – это часть материи Вселенной, не обладающая весом и объемом, но обладающая способностью преобразовываться в массу и энергию и обратно, быть многоуровневой и развиваться в своем качестве, как и другие составляющие материи существующая во всех условиях Вселенной, при любых температурах, давлении и т.д. обладающая разумом, который формирует все алгоритмы взаимодействия Вселенной.

– Гравитационная активность – один из низших уровней активности, обладает способностью создавать тяготение тел, гравитационные поля и, возможно, что-то еще.

– Жизненная активность – один из уровней активности, обладает способностью создавать жизнь во Вселенной.

– Высший Разум – (не путать с теологическими понятиями) высший уровень активности, обладает способностью создавать Вселенную и управлять всем.

Обоснование новых понятий.

Истина. Мною принято определение средневекового философа Ансельма (1033-1109), который сказал: «Истина имеет место не только в разуме, но является чем-то реально самостоятельно существующим».

– Гармония. Толковые словари так определяют термин: «глобальный принцип согласования разнородных и даже противоположных, конфликтных элементов, путем приведения их в единое целое». Мое определение этого термина – свойство материи создавать алгоритмы существования Вселенной – исходит из принципов самодостаточности и разности материи Вселенной

– Материя Вселенной. Никогда значение этого термина не выходило за рамки вещества и энергии, составляющих ее. В вводимом автором понятии значение материи уточнено ее принадлежностью к Вселенной, и в этом качестве термин «материя Вселенной» означает все существующее во Вселенной, включая пространство, время и неизведанное. Справедливость такого утверждения подтверждается аксиомой, что за пределами материи Вселенной нет ничего: ни Вселенной, ни времени, ни пространства, ни неизведанного. Материю Вселенной не следует отождествлять со Вселенной, как мы не отождествляем мрамор и скульптуру из него.

Пространство. В нашем понимании пространство это свойство материи создавать объем Вселенной. Материи необходимо создавать свое пространство, т.к. необходимо место для ее действий, подобно потребности в создании пространства атомом, чтобы обеспечить свою стабильность. Атом не занимает пространства, он его создает. Точнее пространство создается активностью материи, дающей импульс и параметры движения элементарных частиц. И если по каким-либо причинам, амплитуда их движения изменяется, меняется и объем пространства. Доказательством служат «черные дыры» и искривление пространства. Отсюда выводы: без материи нет пространства; пространство Вселенной безгранично, т.к. альтернативы этому нет.

Время. Единой общепризнанной теории, объясняющей и описывающей понятие Времени, на данный момент не существует. Наша дефиниция термина время – это свойство (а не процесс) материи Вселенной, характеризующее воздействие материи на развитие Вселенной. Как и пространство, время не может существовать без материи, оно неоднородно и изменяемо.

Активность – вновь вводимое понятие – главная и разумная составляющая материи Вселенной, ее присутствие повсеместно, а проявления мы наблюдаем как факты неординарного. Активность не имеет массы и не обладает известными нам свойствами энергии. Главная функция активности – это быть разумом Вселенной и обеспечивать ее развитие. Еще Платон (428 или 427 г. до н. э. – 348 или 347 г. до н. э.) в своей теории сотворения мира приписывал каждому телу собственную «идею» (Эйдос) его сотворения (сколько тел – столько эйдосов). Вопросу природы образования материи всегда уделялось большое внимание. Одной из интересных теорий является учение средневекового философа Давида из Динана (1160-1217), создавшего теорию материального разума и материального Бога, где материя лежит в основе существующего, разум – в основе души, и вывод: – разум и материя – это одно и то же. Далее, развив свою теорию в религиозном направлении, Давид делает следующий вывод – материю создал Бог.

Метафизика в вопросе природы материи пришла к выводу о Божественном начале, и Бог стоит над и вне материи, материалистическая философия оставляет вопрос без ответа, а другие экзотические теории копируют мифологию или обращаются к «разуму космоса».

Открытая мною активность является основной, но не единственной причиной создания ГМВ, и эта причина – абсолютная гармония Вселенной. Материалистическое начало,

одушевленное гармонией, смыслом и разумом – вот философское кредо ГМВ. И здесь без ответа на вопросы «из чего и кто» не обойтись.

Из чего? Что известно человечеству об образовании химических элементов вещества Вселенной? Как известно, вещество Вселенной на 90% состоит из водорода, 9 % – гелия и на остальные химические элементы приходится 1%. Наиболее «раскрученная» теория происхождения Вселенной, а следовательно, и вещества, является теория Большого взрыва, согласно которой образование водорода – первого элемента вселенной – произошло за первые 10^{-43} сек.; рождению гелия из водорода потребовалось 100 сек. и, благодаря ядерному синтезу, за 380 тыс. лет образовались остальные легкие элементы (до железа). Элементы, стоящие в таблице Менделеева за железом, образованы по более сложным схемам, о которых у ученых еще нет согласия.

Гипотеза предполагает, что существует дополнительная разумная субстанция, не относящаяся, ни к веществу, ни к энергии, но создающая их по своим алгоритмам и законам.

Кто? – запускает механизмы образования вещества и энергии, кто создает законы их взаимодействия, кто создал Вселенную во всем ее разнообразии? Данная гипотеза утверждает, что активность, развитая от элементарного состояния, проходя стадию жизненной активности, достигает уровня Высшего Разума, который обеспечивает все вышесказанное. Утверждая гармонию Вселенной, для простоты понимания я ввел следующие понятия:

Инерция – термин инерция в современном понимании – свойство тел сохранять состояние покоя или равномерного прямолинейного движения. В нашем понимании инерция есть потенциал активности равновесия всех свойств тела, т.е. тело сохраняет все свои свойства, не только равномерного движения и покоя, пока активность не поменяет их. Потенциал активности – переходящая фаза активности в энергию.

Движение. Этот термин в современной интерпретации означает способ существования материи, непрерывный процесс изменения и развития материального мира. По сути, это свойство материи изменяться во времени и пространстве благодаря активности.

Импульс, по сути, – толчок к движению. Это осмысленное воздействие активности на энергию, т.е. активность выполняет роль побудителя импульса во Вселенной, которая не только дает начало действию, но и обеспечивает алгоритм протекания действия.

Гравитационная активность. До сих пор в мировом научном сообществе этот вопрос остается открытым. В предлагаемой ГМВ сила, энергия и гравитация есть результат трансформации активности нижнего уровня, при этом алгоритм трансформации определен самой активностью. Этот уровень активности автором назван гравитационная активность.

Жизненная активность. Все, что принято относить к органике, наглядно насыщено активностью – жизненной активностью (Ж.А.), – в разных степенях ее сложности:

– Питание растительного мира. Традиционно считается, что поглощение воды и растворенных в ней питательных веществ растениями, происходит благодаря силе всасывания корневой системы. Из-за испарения воды в листьях возникает разрежение, которое заставляет грунтовые воды через направляющие клетки наружных молодых, физиологически активных слоев древесины подниматься к листьям или хвое. Это суждение представляется сомнительным, т.к. движение сока в побегах растений наблюдается и ранней весной, и осенью, когда листьев нет.

Способность клеток растений трансформировать свою активность в энергию для подъема воды – реальный механизм питания растений.

– Пищевая цепочка. Пищевая цепочка фауны состоит исключительно из органики, что объясняется потребностью живых существ насыщать свой организм жизненной активностью присутствующей в потребляемой пище. В противном случае был бы возможен вариант питания неорганикой. Неорганические включения в рацион фауны в виде солей, металлов и других неорганических элементов столь незначительны, что могут считаться только добавками, но и они содержат активность. Влияние пищи на живые организмы хорошо изучено, за исключением обеспечения жизни клеток, их деления, зарождения и развития жизни. Преобразование пищевой массы в жизнедеятельность организма не-

возможно без элемента жизнеобеспечения, какими бы биохимическими процессами эти преобразования не объяснялись. Только жизненная активность более сложного уровня, чем в случае с гравитацией, способна обеспечить вышесказанное. Из всего этого следует:

1) при питании живой организм насыщается, при биохимических процессах внутри организма питает клетки последнего и трансформируется в энергию. С приемом пищи в организм извне поступает жизненная активность, поддерживающая в нем жизнь и развитие;

2) уровень Ж.А., поступающей с органической пищей, значительно выше активности в неорганических веществах;

3) Ж.А., поступающая с пищей, действует на уровне клеток организма, создавая алгоритмы их жизнедеятельности, вдыхая «жизнь» при делении в «дочерние» клетки;

4) трансформация Ж.А. в вещество и энергию и обратно при питании достаточно очевидна и на современном уровне нашего развития может иметь практическое применение.

Иммунитет – одна из защитных систем живых организмов, изученная на гуморальном и клеточном уровнях. Упрощенно принцип работы иммунитета заключен в распознавании «свой-чужой» и уничтожении последнего. В первом случае в борьбу с «чужаками» вступают макрофаги, во втором – Т-лимфоциты или антитела. Человечество давно научилось повышать уровень иммунитета, но кто включает механизм иммунитета? Понятно, что включая работу иммунитета для опознания «чужака», живой организм включает неподвластный организму разум, и уровень Ж.А. в этом случае поднимается на новую ступень – ступень разума, который одновременно принадлежит и не принадлежит организму! Следовательно:

1) Ж.А. создает и поддерживает иммунитет живых организмов, а при возможности целенаправленного ее ввода извне способна победить большинство заболеваний;

2) уровень Ж.А., поддерживающий иммунитет, обладает избирательной разумной способностью, и это новый, более высокий уровень.

Умственная деятельность из всех живых организмов, в первую очередь, присуща людям. За период своего существования, благодаря умственной деятельности, человечество создало огромный пласт культурного, технического, научного и духовного наследия. Как же головной мозг обрел способность мыслить, и кто наделил людей разумом? Теория нейронных сигналов не раскрывает механизм прохождения мысли даже на уровне рефлексов и не готова открыть секрет ее (мысли) рождения и развития. Озарение как прародитель мысли не бывает материальным в общепринятом понимании. Это результат работы разумной жизненной активности. Разум, в той или иной степени присущий людям, есть высший уровень Ж.А., а клетки головного мозга есть инструмент, проводник разума.

Выводы:

1. Жизненная активность обладает способностью развиваться не только в объеме, трансформируясь из массы и энергии, но и приобретать новые, более сложные, уровни.

2. Уровень разума людей не является самым сложным для Вселенной.

Таким образом: Вселенная едина, разумна, гармонична и не имеет границ; материя Вселенной создает свое пространство и время и состоит из активности, энергии и вещества (массы); активность – главная составляющая часть материи Вселенной, занимающая все ее пространство, является смыслом и разумом Вселенной и обеспечивает ее гармонию, создавая законы развития; активность создает жизнь во Вселенной.

философия искусства

**Акмаль
НУРИДИНОВ**

(Акмаль Нур)

Лауреат Государственной премии, Председатель Академии художеств Узбекистана, родился в Намангане в 1959 г. Окончил Республиканское художественное училище им. П.Бенькова, в 1984 г. окончил Ташкентский государственный институт им. М.Уйгура, с 1997 г. действительный член Академии художеств Узбекистана.

Грани творчества

Акмаль Нур к концу 1980-х годов занял ведущее место в новой генерации живописцев Узбекистана. Оригинальность пластических решений, нестандартность образного языка выделяют Акмаля Нура из группы даже близких по тональности живописцев. А.Нур далек от эпатажных акций, ему больше свойственна спокойная и вдумчивая манера. Он не бунтарь, не апологет академических или, напротив, модернистских течений, не авангардист и не сторонник альтернативного творчества, хотя элементы всех перечисленных явлений можно обнаружить в той или иной манере в его работах.

Начальный этап творчества художника приходится на 1988-1989 годы. В это время он создает пейзажи в технике гризайль («Последний снег», «Саженьцы») или картины протоколно-фиксированного значения с не очень успешными попытками философского анализа («Старый город – моя колыбель», «Старость», «У порога»).

Но вскоре появляется другая серия картин, в которых ощущается профессионализм и способность постановки серьезных образно-эмоциональных и пластических задач. Стилистика этой живописи была обусловлена как состоянием эмоционально-психологического надлома художника, так и воздействием социального климата тех перестроечных лет. Мрачный, болотисто-серый колорит картин «Кладбище», «Тешик-таш», «Хранители души» вызывает ощущение безысходности, граничащей с послешоковым синдромом. Самоунижающая социальная критика и внутренняя душевная подавленность выразительно звучат в картине «Жертва» с изображением связанного для заклания барана. Этап завершает выполненная в 1990 году картина «Несущий бык». Но в ее стилистике явно ощутимы новые подходы – трагизм и апокалипсические мотивы уже не подавляют стремления художника к разработке живописно-пластических задач.

Позже ведущей в творчестве художника становится тема любви. Симптоматичны названия работ – «Яблоко любви», «Сад любви», «Река любви» (1995 г.), «Остров любви» (1998 г.). Художник использует в них различные символично-аллегорические образы. Однако, общей пластической и смысловой доминантой этих картин выступает мотив яблока. Сакральный смысл мотива со временем уходит на второй план, изображение яблока превращается в удачно найденный и искусно варьируемый пластический прием. Эволюция в работах этого периода очевидна – полотно «Остров любви» (1998 г.), заметно отличается от картин 1995 года легкостью и виртуозным изяществом образного решения.

Близка по утонченности декоративного стиля этому циклу серия картин художника «Девушка, играющая на бубне», «Соприкосновение», «Риштанский натюрморт», «Муза» (1998 г.). В целом же эти картины определяют стремление к формализации живописных задач, поиск более лаконичных и абстрагированных пластических формул.

В начале 1990-х годов на выставках и в прессе широко обсуждались произведения художника на непривычную и закрытую в то время мусульманскую тематику – «Ангел», «Молитва», «Путь в Мекку» и др., в которых автор, акцентируя внимание на живописно-пластических задачах, касался философско-этических аспектов темы (идея покорности судьбе и ее предопределенность, поиск чистоты и жизненного смысла в высших трансцендентных сферах и проч.). Эта серия дала толчок разработке интересных цвето-пластических задач, но не получила своего дальнейшего развития.

Важным было обращение художника к традиционным образам кукольников-масхабаров («Марионетки», «Спящий кукольник» и др. 1995 г.). Эта тема является своеобразным рефреном его жизненной философии, всеобщей обусловленности явлений их социальным контекстом, однако живописно-пластический эффект в этой небольшой серии картин возобладал. В результате социально-философский анализ обрел значение живописно-красочный пантомимы, где пластика движения одновременно выражает и образный смысл и авторскую идею.

Во многих полотнах на язык живописно-пластических иносказаний переводится даже богатая фактура камней. Спектр настроений и живописных задач в каждой из картин имеет свои особенности. В этом цикле идея трансформации рассматривается двояко: и в семантическом поле картины, и как собственно пластическая задача.

Элегантностью и восточным изяществом отличается стиль его последней серии картин, в пластике которой особое место занимает эстетика белого пространства. В этом цикле художник пытается осуществить синтез традиций восточной философии, основанной на многозначности символов и их трансцендентном значении, и принципов эстетики постмодернизма с ее приверженностью к монохромным и абстрагированным живописно-пластическим решениям.¹

Разноплановость стилистических решений в работах А.Нура не отрицает цельности его художественного мировоззрения, а лишь подтверждает мысль о динамичности его поисков, нацеленности мастера на философское осмысление мира и пластическую выразительность полотен эссе.

Вниманию читателей предлагаются несколько эссе Акмаля Нура, дающих представление о мировоззрении, философском осмыслении мира и важнейших проблемах творчества, незаурядной творческой личности художника-поэта.

ЛЮБОВЬ - БОЖЕСТВЕННАЯ КАПЛЯ, СКОЛЬЗНУВШАЯ В ДУШУ МОЮ

(Перевод с узбекского Учкун Назарова²)

*Я не писатель,
не поэт, не великий просветитель и не литератор,
а простой живописец. Карандаш – мой инструмент,
а любовь – моя главная цель*

Художник свой замысел, душевный настрой доносит до зрителя посредством красок, и поэтому, наверно, считается, что ему не обязательно излагать свои мысли словами.

Собственно, я и сам думаю так. Однако не всегда наглядно изображенное сокровенное вызывает ожидаемые зрительские суждения.

Не всегда бесспорны и трактовки искусствоведов.

Каждый зритель воспринимает произведение живописи, по-своему, мерой своего ощущения бытия. А суждения искусствоведа носят чисто теоретический характер, изо-

¹ На 2, 3, 4 страницах обложки картины А.Нура.

² Назаров Учкун прозаик, переводчик, режиссер, автор романов и повестей. Живет в Ташкенте.

билуют терминами и сопоставлениями, но при этом игнорируются внутренние переживания живописца в моменты творчества. Мы, художники, зачастую оказываемся беспомощными в словесном выражении чувств, которыми обуреваемы в момент создания своих произведений.

Как они, эти произведения, создаются? Момент зарождения замысла, его композиционно-пластическое оформление – как это происходит?

Как душевное состояние и внутренние переживания влияют на изобразительный ряд творимого произведения?

Подобные вопросы возникают постоянно и перед художником, и перед ценителем. Некоторыми своими наблюдениями и мыслями я поделился в своих эссе. Прошу их рассматривать как диалог между мной и зрителем.

В сердце – любовь

Дни полны боли, о которой я не ведал. Ночи полны дум, затуманенных во мгле. Слезы окропили и радости, и беды. Кровью излилась, но затвердела ты во мне. Навечно пленник я в объятиях сожаленья. Огнем пылал я, но избежал ли тленья? Всю жизнь я жил, мечтая и любя. Остался одинок и без тебя, и без себя.

Вся моя жизнь, судьба, счастье, время – это мое творчество. Сорок лет. В свое время сорокалетние люди казались мне очень взрослыми. Сегодня я сам в этом «особенном» возрасте. Достигнув его, я убеждаюсь в том, что переживаю самые ответственные и содержательные моменты своей жизни.

Душа моя стала чувствовать то, что ожидалось годами – какую-то трепетную и тревожную красоту, сладкую истому переживаемых дней. Волею Аллаха, сердце мое, жаждущее любви, оказалось пленником Любви. Мучительно – сладкие переживания, тоска, желания – не это ли явный признак душевной неистребимости, воистину полноценной жизни? Да, конечно! Благодаря этим светлым смятениям, порывам стали рождаться мои произведения. Я не желал расставаться с этим состоянием. В этом – мое вдохновение, мое счастье.

Я тебя ждал долго, искал и нашел.

Ты окрылила меня, я взмыл в творческом порыве, стал Меджнуном одержимым. Влюбился, был любим, цветами рассыпался у ног твоих, обожал, превратив тебя в небесную фею, дал тебе в руки яблоко – символ любви, алыми зернами граната я рассыпался в объятиях твоих.

В душу мою ты вошла с одной единственной розой в руке и превратила сердце мое в цветок. В его благоухании испил я чашу любви, «по полотну растекся хмелем», «плыл в море красок». Мы плавали вместе с рыбами, наши чарующие встречи – среди гранат и яблок – были отмечены единением. С тобой, обнявшись, мы устремились к звездам.

И вновь родились новые творения...

Сегодня, любясь тобой, я думаю, что способен на многое. Пожелаешь – достану с неба луну и солнце. Для творцов нет невозможного, они готовы бросить к ногам любимой луну. Нет! Я могу вознести тебя до луны, из нее сотворить для тебя колыбель. Ты же можешь весь мир одарить своей любовью, и этот ясный небосвод станет белым полотном для чистой любви!

**Любя тебя, я потерял покой,
Любя, тебя я вижу лишь такой.**

Душевные порывы

Ограда. Стена. За дувалом из пахсы жизнь, что там? С детских лет меня преследуют такие вопросы. Обычная жизнь, в самой ее обыденности кроется большая тайна. Человек, если он творец, живет в стремлении к этой простоте. По-моему, в самой обыденности заложено совершенство. По весенней пашне разбросано зерно. Оно осталось в затверде-

шей после дождя земле. В моих руках маленький кетмень с длинной ручкой. Мое первое орудие труда. Окучиваю нежные ростки хлопчатника, едва выбившиеся из земли. Взгляд ловит крупных муравьев. Они тоже, почуяв приход весны, приступили к своему неустанному труду. В этом я вижу какое-то изначальное сходство муравьев с человеком. Это было первым моим обращением к образу муравья.

В школе составили бригаду из десяти человек: забросив уроки, мы обрабатываем поле в 60 гектаров. Знойно. Плыву в мечтах. Душу начала оплетать невидимая сладостная нить, называемая любовью. Объект моих терзаний сидит на передней парте. Глядя на ее мелко заплетенные косички, мыслями уношусь в небесную высь. Когда встречались глазами, я немел, осмеливаясь лишь иногда дернуть ее за мелкие косички. Она не замечала или делала вид, что не замечает. Косички были длинными конца не видно за партией.

Длинные волосы девушек на моих полотнах – приметы моих первых любовных мечтаний. Сладкие мысли нарушил голос издалека. Это был голос Нугмана, друга юношества, самого близкого и настоящего. Он часто убегал с поля, филонил, и неспроста он явился в моей жизни. Впоследствии я понял, что именно он поставил жирную точку на моем прозябании в кишлаке, предложив уехать на учебу в Ташкент, который мне казался недосягаемой мечтой. Кетмень остался посреди поля.

Я впервые сел в поезд. Вокзал. Ташкент. Идет дождь. Расставание двоих под одним зонтиком: – сюжет первого моего произведения. С первого дня Ташкент пришелся мне по душе.

Ради себя, своих эгоистических планов не предал ли я свое первое увлечение? Знаю, мир моих мечтаний, как правило, не совпадал с реалиями моей жизни.

Я начинал жить, оторвавшись от тверди, почти в мире грез. Только так я надеялся постичь прелесть творчества, вкусить сладость и горечь меда. Буду чувствовать себя Адамом в Раю. Душа парит. Пылает желанием создать произведения, очищающие сердца и души. Мимолетные увлечения меня не интересуют, хочется чего-то важного, вечного, основополагающего, если потребуется – мучительного, содержательного. Хочется посредством линий, изгибов и красок воспеть человека и природу с их радостями и печальми.

Это мой удел, судьба, если хотите, участь, смысл моей жизни. Тут и счастье, и муки, и озарения. Словом – жизнь. С ее красотой и жестокостью. Иначе быть не может.

Творец-художник не должен искать легких путей. Без муки нет победы. Аксиома. Если он потеряет способность страдать, удивляться, поражаться, томиться и приходить в экстаз, изумляться мощью Творца – его ждет катастрофа.

Зерна создаваемых произведений разбросаны повсюду по жизни, эти жемчужины надо отшлифовать, придать блеск, их нужно очистить от мусора, от всего лишнего. Я воспринимаю окружающий меня мир по-своему, вижу своим взором, своим естеством, своим «Я» и создаю новую модель жизни такую, какой она мне представляется. Мы тесно, неразрывно связаны с природой, эти узы неразрывны – и я, маленькая частица этого мироздания, хочу и стремлюсь создавать свои произведения сообразно своим ощущениям. Аллах – совершенный художник, он идеален, мы же перед его чудесами немощны.

Душа моя, я страдаю по тебе.

Любовь в моей крови.

Ведь, собственно, я пленник по судьбе,

Сгорающий в любви.

Жизнь полна зигзагов, дорог больших и малых. Я выбрал одну – путь творчества. Я берегу в сердце своем нежные бутоны дорогих роз. Увянуть им не дам, иначе сам увяну как художник, как творец.

Мир не без изъяна, говорят. Может, так оно и есть. Но бездушие – самый страшный порок, не иначе. Я творю, исходя из этого. В большинстве из моих работ присутствуют элементы сентиментализма. Однако я не считаю это художественным изъяном. Несколько сентиментальное восприятие жизни характерно для народов Востока. Этим формируется вкус, называемый «восточным», им же обусловлены взаимоотношения между людьми.

Для творческого индивидуума профессиональных навыков недостаточно. Творческий процесс предполагает сочетание профессионализма с импульсом, исходящим из глубин

сердца, только тогда может родиться настоящее произведение искусства. Формальный навык бездушен, он формирует ремесленника. Балансирование на грани, разделяющей художника и ремесленника, – трудная задача: чуткий художник может проникнуть в душу зрителя, нащупать ее тонкие струны и играть на них, достигая определенного эмоционального настроя, суть жизненных устремлений художника – только в сочетании национального и общечеловеческого, если угодно.

Тобою опален во множестве костров.

В Джайхуне плыл, преодоляя страх.

Сады Эдема отвергал зачем,

Коль без тебя я становлюсь ничем?

Лишь для тебя в алмазах небосвод

На полотно вмещает кисти взмах.

В Сайхуне жемчуг собирал я вброд,

Тебе всего себя даруя, о Аллах!

Нашел. Душу свою. Бутон, то, что я искал, наконец, горя в пламени желаний, достиг – увидел ее. Бутон розой улыбнулся и однажды был сорван. Бережно держа на ладонях, лепестками твоими я глаза свои умыл.

Все сушее вдруг обернулось любовью. Но, ах, во хмелю забыл я суть твою.

Сегодня по одной причине, завтра по другой, путаясь в хаосе быта, неведомо как, я как-то утратил понимание твоей неповторимой ценности.

Теперь восклицаю, прости, меня грешного, что уберечь тебя не удалось мне, что цветок, сорванный мной, я уронил в проточную воду.

Ушла ты, удалилась, махнув рукой на прощанье.

Мне желая и счастья, и трон, и венец,

Скрылась ты, здоровья пожелав и повергнув меня в печаль. Грусть моя и горечь расставанья растеклись по полотну белому, как снег.

Глаза мои в поиске, душа же, не зная покоя, витает в небесах. Душа тобою живет. Душа трепещет. Душа молится.

Преклоняюсь пред тобою, мама

Страданиям моим единственный бальзам,

Цветок, отцовской жизни аромат,

В душе моей, любви воздвигнув храм,

Кумиром стала для меня стократ.

Покойный мой отец более пяти лет был прикован к постели. Эти годы стали для нас, его детей, годами испытаний. Но основная тяжесть легла на нашу матушку.

Отец мой был гостеприимный, всеми любимый. Чужие заботы для него становились своими. Его возбудимость я связываю с последствиями войны. Матушка терпела его нервозность, надеясь, что муж со временем поправится, и все будет по-прежнему. Хотя мы знали, что его состояние может только ухудшиться, она не теряла надежды. Справедлива поговорка: не верует только шайтан. Я ежедневно, ежечасно чувствовал приближение роковой минуты, но она, матушка моя, стойко ждала выздоровления мужа, отдавая ему всю себя без остатка. Я гордился, что являюсь плодом их большой любви. Про себя я мечтал, чтобы и меня любили так, как мать любила моего отца. Но, оказывается, этот дар Аллаха дается не каждому. Естественно, матушка моя мне казалась идеалом. Я понимал, что на свете нет никого дороже матери. Спутница жизни моей – мать, сестры мои – матери, все женщины мира – святые матери. И моя задача – прославлять их. Я должен, обязан устроить выставку, посвященную матерям, уникальную, совсем не похожую на предыдущие. Выставки – это ведь не навязанные формальные собрания, они должны быть праздниками. Праздниками души.

Художник обязан чтить зрителя и себя. Только благодаря зрителям, любви и увлеченности своих почитателей произведения живописи могут рассчитывать на вечность. Небрежность в этом деле недопустима.

Суть моей жизни

Ночь. Без сна. Боль. Беспокойное сердце
 рвется – куда? Приснился сон. Может это
 Предчувствие? Что-то эфемерное видел я.
 Тоска, несбыточные желания. Зачем терзаете мою душу?
 Умоляю, дай мне срок. Потерпи чуть-чуть, Потерпи время.
 Потерпи, любимая.
 Успокойся, земля.
 Отставь на мгновение свой кетмень, могильщик.
 Может, не здесь мое пристанище?
 Может, здесь земля тяжелая?
 Может, искомый мною духовный источник – Божий камень.
 Что бы ни было – прошу! –
 Копай глубже, чуть шире, если можно.
 Строй получше мне кров с длинной террасой
 И с красивою нишей, чтобы,
 Когда явится Ангел или Демон, я его встретил подобающе.
 Дороги, мною пройденные, может, не ведут в рай,
 Весы не в моих руках.
 Любил и был любимым, в этом мой грех.
 Утро.
 Заря сменила ночной мрак.
 О, если бы и душа моя просветлела, как это утро, навсегда
 отвергнув тьму моего сознания.
 О, если бы душа превратилась в обитель паломников, и чистота
 утвердилась, и совесть укоренилась, и чтобы страждущие
 достигли желаемого.
 Мой взгляд упал на сладко спящую дочурку...

Была осень... Пора увядания... Листопад... Могучие чинары сбрасывали свои золотые
 наряды, чтоб обнажиться совсем и предстать в естественной нагоде. Глядя на них, чув-
 ствую, что кто-то, не устывая, листает страницы удивительной книги жизни, и эти страни-
 цы исписаны печалью и страданиями.

Да, это осень!

Это пожелтевшие страницы жизненной тетради. Но душа не тронута увяданием! Душа
 полна дыханием весны. Как и прежде, хочется писать послания той соседской девочке,
 дергать ее за косички, дарить ей яблоки.

Бережно протяну ей стихи, чтоб румянцем озарилось ее лицо.

Милая, ты жизнь моя,
 Дорогая, ты любовь моя.
 До скончания моих дней
 Ты в душе моей, ты в крови моей.

Душа моя, я так люблю тебя, никому тебя не доверяю, даже к себе самому ревную. Во
 власти таких переживаний брожу я по кишлаку Иррдан, что в Шахимардане.

Перед мысленным взором моим все тот же образ девушки в золотом одеянии осени.
 Среди каменистых утесов, словно в ореоле жемчугов, она еще прекрасней, превращает-
 ся то в птиц, то в дорогих мне рыб – бессловесных хранителей моих тайн. Таким стало
 рождение «Осени сердца».

Жизнь – это постоянное движение, стремление, ожидание, беспощадная борьба, ми-
 нуты отчаяния, дни надежды, и ты, говорю я себе, умей гореть пламенем всей жизни.

Со временем свою жизнь, более того, жизнь всего человечества, я научился оцени-
 вать именно способностью гореть. Теперь очевидно, что мы в этом бескрайнем косми-
 ческом пространстве ничтожно малы, что жизнь и после нас будет существовать, что
 мы будем забыты, что наша жизнь коротка, и, осознав это, я пришел к выводу, что это
 мимолетное существование надо активно любить и беречь его. Альтернативы этому нет.
 Раз уж Бог одарил меня талантом, то в этом мое счастье, моя боль и ответственность.

Сколько бы я ни блуждал по извилистым тропам мечты, возврата назад не хочется.

Но, купаясь в своих иллюзорных видениях, наслаждаясь мечтой, я упускаю жизнь, реальность которой пугает меня; я стараюсь не замечать ее, и она стремительно проносится мимо. Не отрицаю – в известном смысле я отстаю от жизни, от ее достижений, к ее превратностям я не подготовлен, робею. Болезнь моей дочери Чарос вырвала меня из эйфории, отрезвила, возвратила на землю, заставила посмотреть на жестокую реальность без розовых очков. Когда ее, бесчувственную, на коляске увозили в операционную, словно оборвались какие-то нити, ручьем полились слезы, безысходность заполнила все мое существо. Я будто ослеп, не видел ничего вокруг, кроме молящих глаз моей еле живой дочери. А что я мог сделать, кроме как просить у Аллаха сохранить ее. Это было самым тяжким мучительным испытанием в моей жизни. Оказывается, показатели моей жизни, творчества, наконец, того, что я живу – это мои дети...

Создание нового произведения

В этом году зима была настоящая. Каждый день подолгу гляжу через окно мастерской на величественные белые вершины далекого Чимгана. Недавно и город утопал в снегу, а теперь на улицах, засаженных цветами, чувствуется дыхание весны.

Возвращаюсь в мастерскую.

В душе какое-то томление. Вот уже пять месяцев работаю над иллюстрациями к поэме Алишера Навои «Язык птиц». Через эту работу хочу определить отношение к реалиям сегодняшнего дня. Но описать словами свои намерения мне не дано. Любое словесное разъяснение замысла конечной цели тщетно, только искажу задуманное. Художник, на мой взгляд, не может и не должен объяснять свое произведение. Только зритель, исходя из своих возможностей: эмоций, интеллекта, может дать оценку произведению.

Художник дает только направление, повод для размышлений, а каждый зритель воспринимает произведение по-своему. Вот таким способом устанавливается связь между художником и зрителем. Творец постоянно мыслит, обдумывает свой замысел, определяет концепцию. Он не относит себя к разряду философов или суфиев. Никогда, ни при каких обстоятельствах я не следовал за какими-то «измами». Сама мысль об этом кажется мне недопустимой. Художник должен прислушиваться только к голосу своего сердца.

Только так он и перед собой, и перед другими людьми может сохранить свою совесть незапятнанной.

Природа – великий художник

Для художника путешествия, странствия – очень важный и необходимый акт существования. Посещение таких мест как Шахимардан, Гилан, Сарчашма не могли не оставить впечатления и не повлиять на мое творчество и на жизнь в целом. Цель этих поездок – не только наслаждаться красотами природы, хотя и это существенно. Главное – изучить особенности жизни, быт, наблюдать за людьми, узнать о чем они думают-мечтают, как работают и отдыхают, как веселятся и грустят, и все это прочувствовать, пропустить через сердце и отобразить на полотне. Самым важным для меня как художника является Человек, его внутренний мир, чаяния, все остальное – антураж, иногда и необходимый. При всей схожести многие кишлаки как горные, так и степные имеют отличительные, только этому кишлаку свойственные черты, особенности. Это проявляется в том, как люди одеваются, поют, трудятся, женятся, готовят пищу и провожают покойников. Каждое селение имеет свою неповторимую оригинальность и художник не упустит случая на это обратить внимание. Тайна бытия, мне кажется, в этом многоцветии и многообразии. Жители Гилана, к примеру, по-моему, несколько скрытны, степенны, эмоционально сдержаны. С чужими сходятся не сразу, присматриваются, изучают, только потом душу раскрывают. Женщины красивы, горды, преданы, скромны, застенчивы. Люди гор трудолюбивы. Женщины работают не меньше мужчин. На основании увиденного и прочувствованного здесь и рождались мои полотна, посвященные этим людям.

Мои путешествия – мои откровения

Чем больше удаляюсь от родных мест, тем больше осознаю их суть и величие. Душа моя полна ощущением Родины, и оно всегда во мне. Все остальное воспринимаю отстраненно: и чужих людей, и природу.

Художник, впервые увидев другой мир, проявляет любознательность. Обычаи других

народов, их культура, история дают стимул к творчеству, пробуждают фантазию, расширяют кругозор.

Индия – одна из красивейших и неповторимых стран Востока. Загадочная страна. Художник хотя бы раз в жизни обязан увидеть этот сказочный край. Я как узбек рад и горд, что наш Бабур достиг этих мест, благоустроил, открыл новую страницу в истории Индии, внес большой вклад в ее культуру, чем мы вправе заслуженно гордиться.

Таджмахал, крепость Красный форт, Агра, Джамии-мечеть в Дехли, минарет Кутб, скульптуры Будды и другие достопримечательности чаруют. Не удивительно, что к Индии я обращаюсь во многих своих произведениях. Чего стоит один Таджмахал – чудесный символ высокой любви.

Каждый кирпич этого могучего и изысканнейшего с точки зрения зодчества сооружения – гимн непреходящей любви Шах Джахана к своей возлюбленной Мумтаз-Махал! В нем совершенство архитектурного гения, воплотившего самую высокую чувственность. Воистину, эта мелодия в камне доказывает, на какие великие деяния способна любовь. Тадж-Махал – выражение великой тайны Любви и иллюзорности Мечты.

Еще одна неповторимая сказка Востока – Марракеш – изумрудный венец, перл в великолепной короне Марокко, а Рабат – белокаменное ожерелье на его груди, бесподобный древний, сказочный город страны, омываемой водами Средиземного моря и Атлантического океана. Здесь чувствуется сильное влияние Европы, хотя население в основном арабы. А Мехнес, Касабланка и по виду, и по культуре чисто европейские города. Они сосуществуют с великолепными памятниками древнего Магриба, создавая завидный альянс.

Самым сохранившимся городом, обращающим внутренний взор в далекую древность, можно считать, безусловно, Фес, исконно арабский город. Фес – громадный город-музей под бирюзовым небом Марокко с его многовековой историей, полной войн, побед и поражений. А базары с торговыми рядами, с крышами из пылающих разноцветьем ковров, с акулами, нагруженными на ослов, мириадами морской живности, двигающейся, лоснящейся на длинных полках – от всего этого изобилия голова идет кругом. Фес замкнутый город, крытые улочки которого с зигзагами-поворотами, подъемами-склонами полны людей, где легко заблудиться, настолько они похожи друг на друга: то темные даже в дневной зной, то ослепительно яркие в лучах электричества. Это лабиринт, где местные люди с закрытыми глазами свободно ориентируются в калейдоскопе улочек, но новичку вряд ли удастся даже вернуться в исходную точку. Мне эти плоские крыши бело-цветных домов напоминали старую Бухару.

Посещение Европы

Европа – Родина выдающихся мастеров живописи, там есть чему поучиться любому художнику. Голландия и Германия, Англия и Франция, Испания и Россия являются источником вдохновения для многих на всю жизнь. Но для меня – Италия, место поклонения зодчих и живописцев, она представляется самой прекрасной и священной страной. Здесь буквально в воздухе витает дух творчества, я это почувствовал на себе.

Рим. Стою в Пантеоне возле могилы Рафаэля Санти. Рафаэль – мой любимый художник, я мысленно воздаю молитву в его честь и прошу благословения у его духа.

Флоренция. Надгробье Микеланджело. Благоговею перед ним.

Стою перед скульптурой гордого Давида, величаво вззирающего на меня. Диву даешься! Неужели все эти творения в галерее Уффици созданы руками людей? Боттичелли, Леонардо, Джорджоне – непостижимо!

Чем больше смотрю, тем больше поражаюсь немыслимой фантазии гениев.

Уникальность произведений изобразительного искусства и зодчества, великолепие церквей и соборов, узкие улочки, гондолы на водных каналах, люди в причудливых маках, уличные музыканты, громадные скульптуры – словно попал в какую-то средневековую фантазмагорию. Благодаря впечатлениям от моего двукратного пребывания в Италии, моей восторженной любви к этой благодатной, Богом отмеченной земле, как результат преклонения, родилась моя – «Венеция».

**Владимир
КАРАСЁВ**

Родился в 1949 г. в г. Ташкенте. Окончил Ленинградский университет факультет журналистики, исторический факультет Ташкентского государственного университета. Живет в Ташкенте.

Восток, где мы с тобой...

Среди действительно ведущих художников Республики Узбекистан Ахмад Бабаев считается высоким профессионалом. О таких как он, говорят – «днем с огнем не сыскать», поскольку разностороннее сочетание многих художественных и вместе с тем человеческих факторов в одном человеке случается в Истории не часто. Произведения Бабаева всегда узнаваемы, ибо они настолько своеобразны именно личностной манерой изобразительного языка, чего вы не найдете ни у кого другого. Не многие современные художники Республики обладают такой творческой неповторимостью.

Живописный язык Бабаева, как истинно восточного художника, яркок. Он как будто насыщен солнечной красочностью, расцвечен сказочной аурой, но в то же время, по бытовому восприятию, приземлен до полного понимания любым зрителем. И в этом, вероятно, сила творческой индивидуальности художника. Иногда он напоминает мне того самого юношу из картины «Привратник» (2011 г.), открывающего дверь зрителю. Куда ведет эта дверь? Для каждого смотрящего его картины, в свой собственный мир, в свою Судьбу, либо в мир, где дорога уведет вас к новым непознанным пока еще истинам. И, что бы там не говорили, все доподлинные смыслы жизни приводят нас к поиску гармонии, душевного равновесия и познанию красоты. Не красоты, которой мы сейчас себя окружаем, а в действительной Красоте, которая присуща только разумности.

Можно ли назвать творчество Ахмада «энергоемким»? Вне всякого сомнения! Хотя это определение и «сухое» по своей технической конструкции, но эта энергетика, которая заложена во многих работах Бабаева, просто заряжает зрителя массой положительных эмоций. Экспрессия цвета, символическая поэтика образов, движение мысли в его полотнах вводит художника в объединение ведущих живописцев страны. Правда, Ахмад Бабаев все же по образу жизни индивидуалист, что, впрочем, не мешает ему заниматься преподавательской работой в Национальном институте художеств и дизайна им. К.Бехзада, воспитывая исключительно талантливых, но совсем юных художников...

О поэтике Ахмада, наполненной философскими размышлениями, можно было бы говорить очень много, объемно, но строки его поэтических заметок как штрихи моментальных эмоциональных этюдов только дополняют содержание картин. Естественно, что вся эта поэтическая рапсодия, разбросанная в подписях к картинам, канет в Лету. Останутся одни полотна, которые разными во времени и интеллектуальному уровню искусствоведами, критиками искусства будут толковаться по-разному и, вероятнее всего, не так, как мыслилось самому художнику. Но и это будет объективным

фактом, ибо каждое время диктует свои понятия и смыслы, а именно за этим и приходит зритель на вернисажи.

«Романтический символизм» зародился в среде Центральнoазиатских художников в самом начале прошлого столетия. Однако время коренных переустройств общества сменило этот стиль на разнообразные течения соцреализма. Только вот один из очень немногих художников республики – Ахмад Бабаев – старается, переосмысливая духовные ценности в контексте нового времени, все же воссоздать это направление в отечественной живописи. Как это у него получается, трудно понять, если не знать, что за каждым полотном стоит тема, пережитая самим художником в жизни. Бабаев, наряду с реалистической манерой живописи, активно вводит в свои произведения декоративные элементы. Со временем доля декоративности увеличивается и как бы срастается с тонкой реалистической манерой, порождая своеобразный, во-многом неповторимый стиль. Но всегда тематика его работ строится на глубоком знании восточной этики и высоком интеллектуализме самого автора. А истинная поэзия, как считает художник, это любовь, которая не может быть без жертвенности.

Совершенно объективно то, что полотна Ахмада Бабаева – самое высокое достижение реалистической живописи, базирующейся на виртуозном искусстве академической школы, полученной им у своего отца, академика живописи, профессора Бахтияра Бабаева, и в мастерских Ташкентского театрально-художественного института им. А.Н.Островского. В портретных этюдах, разрабатывающих центральные образы картин, художник достигает большой глубины и конкретности психологического анализа. Он создает синкретические образы, суммирующие наблюдения над реальной человеческой природой, где портреты поражают остротой психологических характеристик.

Иногда экспрессия, выплеснутая на холсты мастера, сближает его с повышенной эмоциональностью живописных образов, возникавших в Испании более двух столетий тому назад. Именно по эмоциональному звучанию (но не красочной палитре, ибо краски Бабаева это истинный, самобытный и неповторимый Восток!), картины Ахмада приближаются к творческой манере Франсиско Гойи-и-Лусиентеса в самых лучших его творениях – фантастически смело, неповторимо острого реалистического гротеска серии «Капричос!» Но язык живописного символического смысла у Бабаева фактически одной тональности с величайшим графиком XX столетия Обри Бердсли, если вспомнить его иллюстрации к «Саломее». Это язык смыслов и трагедий, исканий и обретений...

Кто-то может посчитать живописное творчество Ахмада Бабаева рафинированным искусством, элитарным, призванным удовлетворять запросы интеллектуалов. Может быть, это и верно, но только отчасти, ибо его полотна понятны любой категории зрителей, каждый находит в них свое сокровенное понимание смыслов и предопределений человеческой жизни. Нет необходимости отмечать и описывать какие-то отдельные работы художника, поскольку каждое из его произведений рождает у зрителя собственные эмоции, возникающие в силу личного житейского опыта.

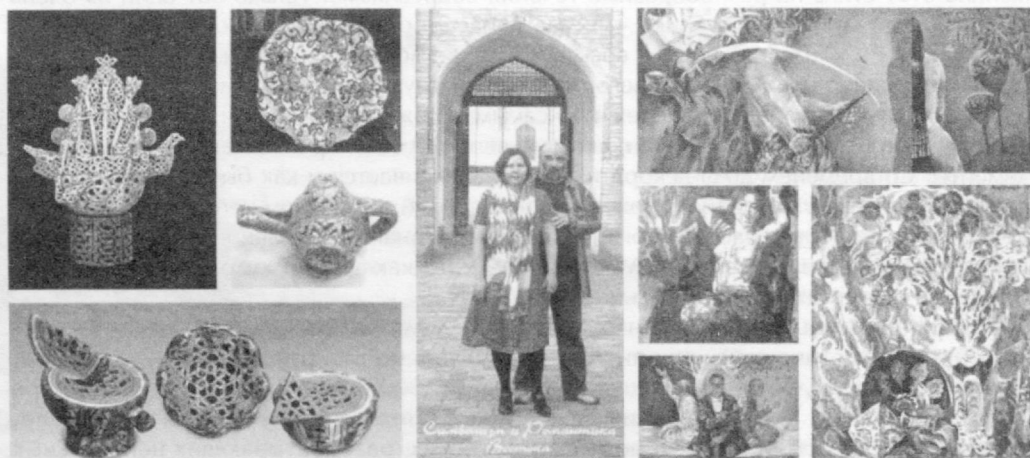
Следует особо отметить, что созидательный потенциал Бабаева А.Б. достаточно ярко проявился в его исключительно интересных работах как художника кино. Оригинальный подход с использованием элементов этнокультурного звучания замечен во всех произведениях мастера в этой области искусства...

Сегодня творчество Ахмада Бабаева находится в зените своего расцвета. Можно только, откровенно говоря, сожалеть, что такие персональные встречи с художником современного авангардного плана происходят крайне редко, и сейчас мы с благодарностью можем наслаждаться феерией красок, тонких смыслов и проникновенной философией Востока в представленных работах на этой уникальной выставке. Вместе с тем, абсолютно органично смотрятся на фоне прекрасных полотен изумляющие оригинальностью керамические изделия профессионального художника декоративно-прикладного искусства Натальи Анатольевны Доманцевич.

Произведения Доманцевич – своеобразный контраст, с одной стороны повышенной экспрессии и декоративности, с другой – имперсональности. С внутренней убежденностью она утверждает связь пластического искусства с человеком. Успех ее работ у зрителя связан с тем,

что звонкость и энергия форм, воспринятые как качество современной пластической культуры, неразрывны с ощущением ритма, пропорцией, фактурой, присущих художникам Востока.

Именно за это сегодняшние искусствоведы часто называют ее Ведуньей, знающей законы жизненной красоты...

Фантастические по красоте керамические корабли больше похожие на летящих птиц с цветочным садом вместо парусов или старинные каравеллы со знаками Колеса Времени на парусах, ажурные вазы, чаши и феерические по красоте чираги (масляные светильники) и чирагоны (подсвечники). Сквозной рельеф в керамических изделиях Доманцевич доставляет удовольствие насыщенностью пластического рисунка, цельностью, а главное, активным свободным ритмом. Ритм – один из компонентов скульптуры, который в нашей творческой практике все еще недооценивается, остается нередко второстепенным. Обращаясь к европейской практике и к художественным традициям Востока, Наталья Анатольевна корректирует эту ситуацию. В ее скульптурных образах нередко в медленном, эпически развернутом движении появляются неожиданные учащенные ритмы, серьезно меняющие общее впечатление.

Многочисленные работы в жанре инсталляции, деревянной резной скульптуре, плетении, глиняной лепки ввели ее в круг ведущих профессионалов в области дизайна. Во всех ее работах набирает силу тенденция преодолеть пока еще существующую некую «провинциальность» по отношению к станковой и монументальной живописи, графике художественного бытия декоративно-прикладного искусства, обрести широкое дыхание и, обращаясь к разным творческим источникам, искать более мобильные художественные структуры. Фактурное разнообразие, которое дают керамисту глазури, широко и с эффектом используется Натальей Доманцевич, в ставших для нее любимых блюдах расцветенных изумительными цветами. С искусством Востока у нас, как правило, ассоциируется пластичность объема, изящество движений, отсутствие контрастной разно-маштабности. Рассматривая ее работы, замечаешь, что в нашем художественно-керамическом искусстве произошел скачок в мышлении, в ощущении пространства, в освоении возможностей современного искусства.

проза

Черная дыра Мечислава Немалевича

Рассказ

Сумбур происходящих в последние дни событий никоим образом не способствовал безмятежному сновидениям Мечислава Немалевича. Сон, словно искромсанная киноплёнка, смонтированная вне всякого логического смысла и хронологии, мешая воедино реальные события с воображаемыми, хаотичными фрагментами, истязал его не совсем здоровую голову, заставлял постоянно просыпаться, чтобы, спустя некоторое время, вновь ненадолго погрузить в свой тревожный, иллюзорный мир.

Потрясающие графические листы, объемные рельефные панно, выполненные не бог весть из какого материала, чередой, трансформируясь из одного в другой, представляли галерею шедевров... Очнувшись от сонного, или скорее бессонного забвения, Мечислав поражался своему мозгу, способному создавать такие, как ему казалось, гениальные, доселе невиданные Немалевичем композиции.

– Эх, воплотить бы все это наяву, воспроизведя в сознании пригрезившиеся формы, – сокрушался он и снова впадал в полудрему. Отвесная стена, ... он карабкается наверх, цепляется рукой за край... «Нужно удержаться, ... а зачем...? Да ... но ведь это, кажется, сон, ... так ведь уже было...», – всякий раз мозг искал спасительную надежду. Руки разжимаются, он камнем летит в темноту...

Жена, с наголо стриженной головой, лежит на диване, перед ней журнальный столик, уставленный лекарствами и облойкой разного калибра шприцов. Она беззвучно шевелит губами. Мечислав наливает бокал воды, подносит к ее губам. Судорожные глотки жены...

Мерно вибрирующая палуба парохода..., вокруг, среди всевозможных тюков, баулов, фанерных чемоданов в самых неестественных позах, утомленные дорожной сутолокой, расположились пассажиры третьего класса. Семилетний Мечик заворуженно взирает на огражденный турникетом провал в машинное отделение, в недрах которого поочередно появлялись и исчезали громадные маховики паровой машины, заставляя содрогаться судно. Вдруг, какая-то тетка хватается его за ручонку и тянет к краю провала, откуда несется злое шипение машины: «Ши-ши!», «Подпи-ши-и!». Тетка, обернувшись к Мечиславу, превращается в сестру жены и, трясая перед его носом кипой бумаг, чревоушает наподобие аспиды, требуя: «Подпиши», «Подпиши...»

Вздрыгнув, Мечислав открыл глаза. В окне через тонкую тюлевую занавеску заявляло о себе утро. – «Пожалуй, пора подниматься, канитель еще с этими чертовыми бумагами. Надо же, даже во сне пригрезились. Все мозги пропилили своими нотариусами да собесами. Как теленка на поводке водят. А я в них разбираюсь, что ли?», – он потрогал на всякий случай голову, не обнаружив внешних повреждений, поднялся и пошлепал в

Николай ПОПОВ

Родился в 1950 г. в Омской области. Окончил Ташкентское республиканское художественное училище им. П.Бенькова, художественно-графический факультет Ташкентского государственного педагогического института им. Низами. Член Творческого объединения при Академии художеств Узбекистана, участник многочисленных международных выставок.

ванную комнату. – «Видать еще спят», – заключил он, проходя мимо закрытых дверей в зал и спальню. Подойдя к зеркалу над раковиной, взгляделся в собственную физиономию. Оттуда также пристально на него пялился суховатый старик лет шестидесяти. Редкие и тонкие с проседью волосы, поблекшие и потухшие глаза, вокруг которых время накупило сеть глубоких морщин. От крыльев правильной формы носа до подбородка пролегли две борозды, объединяющие коротко подстриженные седые усы. Небольшая одутловатость в лице являла собой классическое клише человека, ведущего неумеренный образ жизни.

– Да..., – многозначительно протянул Мечислав, разглаживая пальцами кожу на скулах. – Вот, значит, каким ты стал стариканом в свои неполные пятьдесят четыре. Потрепанный, никому не нужный, с книжкой инвалида второй группы. Паниковский да и только! Все в прошлом: и бани, и девочки... А ведь когда-то сама Ева Бондручкова дарила тебе открытки с трогательной надписью: «... На память дорогому Мечиславу». Йолович и Караклаич тоже не обошли своим вниманием. Эх, были ведь времена, а к ним и удаль молодецкая!... Два старика криво улыбнулись, вглядываясь друг в друга. Как снежный ком под гору, понеслись в голове Немалевица воспоминания детства и юности, с трудом удерживая наслоения стремительно несущейся под уклон жизни.

Воспоминания детства почему-то всегда начинались с родителей. Мать представляла в образе кроткой деревенской бабы, пребывающей в вечных заботах, чем набить животы своему послевоенному потомству. Старшие к тому времени разъехались кто куда, в семье осталось трое – Мечислав, старший брат и сестра. Мать работала на ферме скотницей, металась между детьми и коровами: то скоблит косарем добела деревянные половицы пола, то, раздобыв где-то негашеной извести, выбелит печь, подбелит потолок, или засядет за прялку с веретеном в руках, чтобы к зиме связать каждому по паре шерстяных носков. Словом, никогда не сидела, сложа руки.

Отец родом из Беларуси, откуда-то из-под Бобруйска, бывший военный. В Омск перевели в тридцатые годы. В глухой сибирской деревне со странным названием Шиш и повстречал он свою будущую жену, когда в составе конвоя этапировал политзаключенных в тобольскую тюрьму. После войны вышел в отставку, часто менял места жительства, сменил немало профессий, пока судьба не забросила его в одно из таежных поселений дальше от Омска в низовье Оби в село продавцом. В ту пору ему было около пятидесяти. В хозяйстве мог починить валенки: шило, дратва всегда были под рукой. Мог запросто выстругать топорище, развести и заточить пилу, отбить лезвие косы литовки, засунуть лошадь и впрячь ее в любую повозку. Умело ловил рыбу, всегда знал, где какой снастью пользоваться, словом, без улова никогда не возвращался. Ну, а по такому случаю, как водится, добрая чарка всегда была к месту.

Мечислав хорошо знал характер своего отца – непостоянный, взрывной, своевольный... Иногда он был добр, даже ласков, любил побалагурить, умно пошутить, а иногда становился жестоким до остервенения. Тогда только держись, как говорится, пойдут клочки по закоулочкам. Тут уж многое зависело от настроения и меры выпитого. В магазине под прилавком, куда любили «нырнуть» Мечислав с братом, у отца всегда наготове была открытая консервная банка с неизменным «частиком». Братья принимали отцовскую закуску как излюбленное лакомство, вымазывали до дна хлебными ломтиками содержимое, мысленно радуясь пристрастию родителя. Если случалось явиться домой слегка навеселе, отец подзывал к себе сыновей, сажал на длинную лавку вдоль стола, сам садился между ними и доставал толстую красную тетрадь с пружинкой на переплете. Перелистывая исписанные страницы, вырывал пару листов в клетку и вручал сыновьям. Устраивал, так сказать, соревнования на лучший рисунок. Затем, подтрунивая над братьями, проводил анализ, указывал на ошибки, выставлял оценки. То были в основном колесные пароходы с непременно названием на борту.

Когда приходил пьяный, с остекленевшим взглядом и красными глазами, как правило, начинал измываться над матерью. Сквернословил, отпуская в ее адрес немыслимые сравнения, а иногда доходило и до рукоприкладства. Тогда мать в чем была хватала детей и неслась огородами до ближайших соседей.

Пару лет спустя, один из тех пароходов, которые так часто рисовали братья, воплотился в реальность и на полных парах, с шумом разбивая в пыль водную зыбь, помчал Мечислава в неведомое будущее. Хотя он не вполне осознавал, какие перемены несет для него это великое переселение, тем не менее, в детской душе крепла надежда на что-то светлое, теплое и сытое. Ведь не зря же взрослые при разговоре о Ташкенте утвердительно кивали головами, неоднократно повторяя: «Да, Ташкент – город хлебный...».

Действительность же оказалась не столь лучезарной. Ташкент, как представлял себе его Мечислав, отнюдь не встретил его с распростертыми объятиями с головы до ног

увешанным калачами. После многодневных мытарств родителей в поисках жилья и работы семья определилась в одном из совхозов, расположенных неподалеку от Ташкента. Вместо привычной избы, срубленной из бревен, Мечиславу предстала большая, в виде барака, двухэтажная мазанка – так называемая «балахана». Подниматься на нее было строжайше запрещено, так как полом для нее служили камышовые циновки, обмазанные глиной, которые могли запросто обвалиться. По всей видимости, надстройка служила исключительно для просушки зерновых. Первый этаж этого странного жилья состоял из нескольких комнат – квартир, напоминающих купе, с выходом в единый общий двор. О том, что дом был населен, свидетельствовали занавески, плешущиеся на ветру из распахнутых настежь дверей, запах варева да снующая детвора. Немалевики как и прочие обитатели заняли отведенное им «купе». У входа в углу стояла плита, вдоль стен две железные койки с небольшим проходом между ними. В проходе у изголовья кроватей столик, за которым зарешеченный толстыми металлическими полосами оконный проем. Подобных окон Мечислав ранее никогда не видел.

Отец устроился на овощную базу сторожем, по-прежнему оставаясь верным своим пагубным привычкам. Мать, со свойственным ее натуре характером умением держать удары судьбы, вооружившись кетменем, отправилась работать в совхозные поля. Сестру с братом определили в местную школу. Мечиславу повезло, благодаря советам добрых людей, его устроили в школу-интернат в Ташкенте с трехразовым питанием и бесплатным обмундированием. На выходные приезжал домой. Он считал, что провидение как-то выделило его, возвысило, уготовив ему какое-то особое предназначение.

Рос он скуповатым, себялюбивым и лукавым отроком – сам себе на уме.

Спустя короткое время, семья перебралась в город, заселившись в какую-то халупу. Рассылая письма в разные ведомства и обивая пороги всевозможных инстанций, правдами-неправдами мать, в конце концов, добилась трехкомнатной квартиры в Ташкенте. Сестра работала на текстильном комбинате, брат после восьмилетки направился в ПТУ осваивать слесарную специальность.

– Ну и подделом ему, бездарность, – ухмылялся Мечислав, когда в очередной раз фортуна, протянув свою длань, переместила его с одного интерната в другой, теперь уже художественный. «Ай да Мечик, ай да сукин сын...»

Обласканный судьбой, в круговерти наполненной жизни Мечислав летел, как глиссер по волнам, рассекая их направо и налево, не замечая ни родных, ни близких: он один – центр вселенной, все остальное пусть вращается вокруг. Не заметил он, как мать, доведенная до отчаяния выпивками отца, его нелепыми грязными обличениями и угрозами, подала на развод, благословив на дорогу: – Вот Бог, вот порог, – и вытолкнула в никуда. Не заметил, как сестра, забеременев не бог-весть от кого, принесла в дом ребенка. Перестал замечать и брата, с которым до недавнего времени, по устоявшейся с детства традиции, устраивали соревнования на лучший рисунок. Теперь это были не пароходы, а копии с картин известных художников. Дерзнули посягнуть даже на «Обнаженную Маху» Франсиско Гойи, но чаще срисовывали картинки с приглянувшихся книжных иллюстраций.

– Ну и что, кто он? Обыкновенный работяга, крути-винти. Я без пяти минут профессиональный художник. Вот, значит, и разошлись наши пути-дорожки..., – с присущим ему цинизмом размышлял Мечислав, относя брата в разряд людей низшего сословия.

Получив аттестат об окончании художественного интерната, пошел работать по распределению декоратором в один из известных ташкентских театров. «Конец деспотизму педагогов и воспитателей, новая независимая жизнь...». От такого невиданного счастья голова шла кругом, почва поплыла из-под ног. Мечислав первый раз в жизни напился. Помнил смутно, как добрался до дому, как хлопотала мать, замывая блевотину, как причитала горестно:

– Ай ты, сынок.... Ай ты господи...

Мечислав понимал, сколько отчаяния и горечи скрывалось в словах матери. Здесь и постоянное пьянство отца, и боязнь за будущее сына. Решение, принятое утром, было твердо и однозначно: «Ни капли!».

Оставаясь верным данному слову, Немалевиц с головой ушел в работу. В театре зарабатывал немного, так что приходилось прихватывать кое-какую халтурку. Обновил гардероб, прикупив водолазочку, джинсики, туфельки. Ну, и мало-помалу откладывал денежки на личные нужды, девочек, кафе, мороженное... Благо, за квартиру платить не надо: мама и накормит, и напоит, и спать уложит. Фортуна все еще принимала сторону Немалевица. Это проявилось в предложении руководителя знаменитого в то время инструментального ансамбля поработать у них оформителем сцены и по совместительству

звукооператором. Как говорится, от предложения такого рода не было никакой возможности отказаться. Начались гастроли по республикам необъятного Союза. Самолеты, поезда, встречи, расставания... Прибалтика, Украина, Белоруссия... Э-э эх! Песняры, Сябры, Лешенко, Карел Гот, Караклаич.... Замелькал калейдоскоп звезд того времени перед восхищенными глазами Мечислава. Концерты, после концертов застолья, общение со звездами такой величины! Не каждому на долю выпадет такая удача – перекинуться фразами как равный с равным, пропустить одну-другую рюмочку, клянясь в вечной дружбе и надежде на скорую встречу. Тут уж сам бог велел, Мечиславу пришлось поступиться своим зарокотом. Зазвездился, полностью уверовав в свою экстраординарность и талант, позволяя себе аморальные поступки. Отбил девчонку брата, хотя знал, с каким трепетом он к ней относился. Тот, конечно, вскипел, несмотря на кровное родство, двинул разочек «пролетарским» в челюсть, поубавил спеси. Не понял тогда Мечислав, каким он был подлецом, когда с обидой бросил в след уходящему брату:

– Из-за какой-то бабы, а еще брат называется.

Покуролесил полтора годика по гастролям да был мобилизован в ВМФ. Осуществилась давнишняя мечта – увидеть море. Служил в Балтийске, затем был переведен в приморский городок Лиепая. Здесь повстречал свою Ларочку, женился. Демобилизовавшись, прибыл домой с красавицей Ларочкой. Мать не противилась, только и сказала:

– Ну, привез, так привез, лишь бы мир да согласие.

Долгое время еще все говаривала своим подружкам не без гордости за сына: – Привез с Липая...

– Тю-у-у, слепая, – судачили те, покачивая головой, – то ли зрячей не нашлось?

– Да не слепая, а с Лиепая, – надменно заканчивала она, радуясь в душе за своего младшенького.

Брат к тому времени отслужил, женился, так что некоторое время приходилось мирно сосуществовать нескольким семействам на общей площади. Затем как-то все разрешилось. Умер отец, приблудившийся доживать оставшиеся дни к жене. Брат с семьей съехали, получив собственное жилье. Мечислав каким-то образом выхлопотал себе квартиру, а мать с дочерью и ее ребенком укатили по обмену в Россию.

Так у Мечислава началась собственная независимая жизнь. Лара первое время старалась предугадать все желания мужа и страшно ревновала, сознавая, что обладает таким красавцем. Мечислав хранил надменность и высокомерие, считая за великую честь ниспосланную господом жене, возможность любить себя. Ларочка с восхищением взидала на мужа, приходя к нему на работу и видя, как огромные грунтованные холсты превращались в сюжетные рекламные панно с удивительной точностью прописанными лицами киногероев той или иной кинокартины. Сначала вдвоем, затем втроем – с подрастающим сыном – они старались не пропустить ни одного фильма. Мечислав, сознавая значимость своего положения, исполненный самодовольства, минуя бесчисленные очереди, проводил свое семейство мимо контролеров бесплатно на любой выбранный ими сеанс.

Считая, что лучшие творения еще впереди, он создавал материальную базу. Всякую копейку – все в дом, «а черных квадратов их еще, О-о-о...». Выпивал редко, приобрел сначала мотороллер «Вятку», сменив его позже на «ИЖ». Погуливал потихонечку, чтобы никто ни-ни, словом все путем. Вдруг, как гром среди ясного неба, все стало с ног на голову, когда Лариса, неоднократно увещая мужа в необходимости ее устройства на какую-нибудь работу, заняла место секретарши в гостинице Intourist «Узбекистан». Мечислав видел, заезжая к ней на работу, как за Ларочкой увиваются хлыши. Его стало это раздражать, он делал постоянные внушения жене, устраивал проверки, словом заревновал. Та, избалованная свалившимся на нее всеобщим вниманием, осознав свою ценность в кругу представителей мужского пола, загуляла. Несмотря на то, что у них рос ребенок, она поздно возвращалась с работы или вообще не являлась домой, ссылаясь на внезапные, связанные с туризмом, командировки. Вот тут-то и началась у Немалевица черная полоса. Полностью игнорируемый вниманием Ларисы, он не знал, что ему делать, строптивость жены выбила почву из-под ног. Частенько бывало просыпался он от того, что елозил гениталиями по своей холостяцкой постели, плененный чарами эротических сновидений. В реальности «закрутить» как прежде уже ни с кем не мог, его целиком поглотила страсть вновь вспыхнувших чувств, но все поползновения были напрасны. Стал сильно пить. Администрации кинотеатра, мягко говоря, не понравилась его непунктуальность, после нескольких загулов ему нашли подмену, а потом и замену. Его как бы вычеркнули из жизни, у жены складывалась своя, независимая от него жизнь. Она приходила когда хотела, а на его выпады грозились расправой своих

любовников. Мечислав сам слышал обращенные к нему телефонные реплики: «Смотри, приду, разможду голову...». Он испугался, спасовал перед угрозами сожителей своей супруги, обмяк, прекратил допросы. Однажды, напившись, неся на своем мотоцикле по улицам, уповая на providение и не останавливаясь ни на одном из перекрестков. «Проскочу – с ней, нет – сгину...».

Проведению было угодно оставить его в живых, но травма, полученная после столкновения с автомобилем, оказалась не совместимой с его дальнейшей жизнью. Переломанные кости срослись, а вот с головой возникли проблемы. В семье ситуация оставалась прежней. Лара все также с подчеркнутым безразличием относилась к Мечиславу, правда, готовила ему пищу, содержала в чистоте его белье и прочий гардероб. Он находил кое-какую работу, но подолгу нигде не задерживался: или она его не устраивала, или он ее. Так продолжалось довольно долго. В конце концов, Ларисе надоело опекать, взрослого ребенка и она, поддавшись увещаниям одного из поклонников, предложила Немалевицу развод и в короткое время разобраться с разменом жилой площади. Не преминула при этом пригрозить своим «всемогущим» покровителем. Мечислав снова трухнул, стал редко бывать дома, больше пропадать на работе. К тому времени он работал оформителем при заводе сельскохозяйственных машин. Много ума не надо – парторг даст и плакат, с которого нужно сделать копию, и текст лозунга ко всякого рода мероприятиям, только знай себе малую. Стали навещаться «друзья», начались выпивки, посиделки – работа отошла на второй план, в конце концов, его уволили.

Оставшись без работы, Мечислав, принялся судорожно «закидывать невод» – искать женщину. Ему-таки удалось – выловил рыбку, правда, неказистую, но зато имеющую четырехкомнатную квартиру. Компромисс был найден, – поступившись амбициями, закрыв глаза на непривлекательность женщины, Мечислав, как ему казалось, вновь обрел покой, крышу над головой, и ... работу, правда, уже маляром...

Явно под давлением какой-то силы Немалевиц «благородно» оставил квартиру бывшей супруге и сыну, сам же лег в дрейф со своей избранницей. Поначалу старался переломить себя, меньше потреблять спиртного, пытаюсь отыскать в чертах своей спутницы малейшие зацепки для выражения личной симпатии. Все оказалось тщетным. Вымучив себя необходимо жить с нелюбимым человеком, он отпустил «тормоза». Начал открыто над ней издеваться, высмеивать. Пьянки начинались на работе, затем продолжались в одном из многочисленных питейных заведений. Поздним вечером, еле волоча ноги, он вваливался в дверь.

Невероятно сильными оказались гены. Мечислав в точности, как по нотам, повторял судьбу своего отца. Надежда, так звали вторую супругу Немалевица, неоднократно пыталась вытащить его из трясины пьянства – лечила в психиатрической больнице, сажала под домашний арест. Результаты, конечно, были, но проходило время и вновь какое-нибудь нелепое обстоятельство вышвыривало его из колеи и снова загоняло в бутылку. Надежда, поступившись своей гордостью и списывая его мерзкие выпады на нездоровую голову, с положительным усердием все начинала сначала. Учитывая возможные упущения в прошлой методике, вносила новые радикальные корректировки. Полностью отстранила от работы, сократила круг гостей, уходя на службу, оставляла его взаперти, а прогулки по улице – только непосредственно в ее сопровождении. Детей своих у нее не было, да и как-то с Мечиславом не зачалось, вот и обратила она свой материнский пыл и любовь на мужа. Изоляция от внешнего мира постепенно превращала Немалевица в Маугли квартирнoго масштаба, он перестал ориентироваться: о бывшей жене и сыне почти не вспоминал. Сообщение о смерти матери принял спокойно. Что убивать – он и так ее давно похоронил, когда она только уехала в Россию. «А теперь попробуй навестить хотя бы могилку: ни денег, ни билетов с этим чертовым Горбачевым...». Излишне упоминать, что с семьей брата отношения были давным-давно прерваны, общались только по телефону в исключительных случаях. Такой случай настал. Позвонила Надежда, взхлеб срывающимся от волнения голосом объяснила:

– Я уезжала в командировку, а Мечислава оставила под присмотром подруги соседки. Недоглядела она, как брат твой напился, зашла утром проведать квартиру, а его тело без признаков жизни лежит привязанное руками к батарее и вокруг бурые пятна. В квартире все порушено, вся аппаратура вывезена: и компьютер, и телевизор, и музыкальный центр, ну все, все, даже холодильник! Ничего, ничегошеньки не оставили. Тронула его – он замычал. Тогда вызвала «скорую» и отправила в больницу. Соседи видели, как привел он собутельников, а потом до ночи в квартире раздавались крики. Участковый сделал свой вывод: напоили, избили, а вещи вывезли. Промешкай соседка, нашли бы труп. В общем, он сейчас в больнице, из реанимации его уже перевели в палату. Приезжай.

– Допрыгался. – Коротко без тени сочувствия резанул брат, впившись глазами в опухшее с кровавыми ссадинами лицо Мечислава. Замелькали обрывки воспоминаний из раннего детства, когда роднее этого лица, может быть, и не было никого на свете. Ком подкатил к горлу, но отмахнувшись от воспоминаний, еще жестче продолжил:

– Жалости не жди, ты получил, что заслужил. Я сам пенсионер и в это волчье время, с трудом свожу концы с концами, а на мне семья. Так что выбирайся сам, вот тебе весь мой сказ. – Положил на тумбочку несколько купюр и ушел не прощаясь.

Снова Надежда бегала по врачам и всевозможным комиссиям. Выхлопотала в итоге для него инвалидность, пенсию. За беготней проглядела себя, думала пустяк, шишка, да и шишка. Оказалось – злокачественная опухоль. Начались сеансы химиотерапии, а в мыслях, как дамоклов меч, повис ужасающий диагноз – «рак».

Мечислав вроде остепенился, все суеился возле жены, всячески выказывая сострадание. Ей вырезали грудь, но процесс оказался необратимым. Усилия врачей были напрасны – гнусная тварь метастазами захватывала орган за органом. Было принято решение вызвать сестру Надежды из Москвы. Та, прибыв в Ташкент, быстро сориентировалась в ситуации. Поняв, что сестра больше не жалеет на этом свете, а Немалевич лишний и никчемный балласт, решила извлечь выгоду, продав квартиру, якобы из наилучших побуждений.

– Отвезу тебя, сестричка, в Москву, покажу лучшим профессорам, все будет хорошо, не отчаивайся, но все это будет стоить немалых денег. Так что придется продать квартиру, убеди своего инвалида, что для тебя это жизненно необходимо, а оно так и есть. От него ничего не требуется, только пусть не артачится и безо всяких эксцессов подпишет все необходимые бумаги. Пусть проедет со мной по всем нужным инстанциям, а что кому и сколько дать – это уже мои проблемы. Главное сейчас – оформить развод и выписать его с твоей жилплощади. Пообещай ему, мол, месяца через три вернемся, купим ему однокомнатную квартиру. Да смотри же, чтобы его родственники ничего не пронюхали, а то накроется наше предприятие медным тазом. Ведь они-то наверняка знают, что официальным юридическим путем мы ничего с ним сделать не можем, а статус инвалида дает ему безоговорочные права на проживание по месту прописки.

Надежда как смогла объяснила Мечиславу ситуацию, то и дело отводя глаза в сторону. Он, не задумываясь о своем положении в настоящем, а тем более в будущем, на все тупо мотал головой, повторяя:

– Надо, так надо.

Слепо, как нитка за иглой, проследовал Мечислав весь казуистический путь, навязанный предприимчивой свояченицей. Она была ласкова с ним, после каждой проведенной акции устраивала посиделки в каком-нибудь небольшом кафе. Давала «принять на душу» ровно столько, чтобы он обмяк и в знак благодарности выполнил любые пожелания своей благодетельницы. А утром труба, и снова поход.

Вот и сегодня Немалевичу следовало подписать какую-то последнюю важную бумагу. Не зря накануне вечером москвичка так рьяно его обхаживала.

Мечислав вышел из ванной комнаты, бросил взгляд на дверь в зал – она была приоткрыта. Оттуда тянуло морфием и запахом разлагающегося тела. Он протиснулся в дверь, присел на краешек дивана. Надежда тихо простонала и открыла глаза, протянула Мечиславу желтую высохшую руку, глаза ее увлажнились:

– Наверное, это конец.

Немалевич положил ее ладонь в свою. Его подбородок затрясся, а из глаз покатались крупные слезы. Он всхлипывал, как ребенок, сотрясаясь всем телом, впервые осознав, что с уходом этого жалкого с впалыми глазами и заострившимся носом человека он остается на свете один-одинешенек. Кажется, он впервые проникся к ней какими-то особыми чувствами, не в силах больше сдерживать эмоций уткнулся головой в ее живот и зарыдал: "Прости меня! Прости меня!"

На следующий день свояченица лихо распоряжалась имуществом Немалевичей. Что-то забирали соседи, что-то увозили на грузовиках. Скарб Мечислава, состоящий из гардероба, нескольких десятков книг, пары паласов и этюдника с красками был погружен в автомобиль и отправлен на заранее снятую квартиру с временным проживанием сроком на три месяца.

Вскоре до Мечислава дошла весть, что его Надежда скончалась в одном из московских хосписов. Ловкая сестричка, присвоив денежки за квартиру... и ни гу-гу. Немалевича перестали мучить сновидения с фантастическими панно. Теперь ему снилась лишь черная дыра, дыра, за которой ничего нет...

Невидимая сторона луны

Рассказ

Ветер размашистым веером брызгал в утрене-озабоченные лица спешащих на работу, машины проносились, глissiруя по лужам, заляпанные неизвестно откуда взявшейся грязью, двери автобусов и троллейбусов, открываясь, со скрипом выплескивали очередные партии людей, делающих этот город таким, как он есть, и таким, каким он будет.

В Москве зарядили наводящие тоску и уныние осенние дожди, умывающие город перед неизбежной, но более веселой, с белоснежными забавами зимой.

Я нарочито неторопливо иду по длинному коридору редакции «Вселенские вести», затоптанному осенними слякотными ногами, старательно изображая человека с чувством собственного достоинства и абсолютной независимости от окружающих. Мне кажется, что такая «маска» очень подходит для сотрудника независимого издания. То есть для меня.

Правда, изображать чувство собственного достоинства и абсолютную независимость очень трудно в этом бедламе, с суетливо снующими в разных направлениях и громко цокающими по новым ламинатным полам коридора сотрудниками редакции, резко и шумно хлопающими дверьми, и тетей Пашей, лавирующей как заправская керлингистка со шваброй, пытающейся хоть как-то навести чистоту, беззлобно поругивающей беспутную молодежь, погоду и ещё что-то понятное только ей одной.

– Мишка! Зайцев, – крикнул кто-то, – Тебя искал Главный.

Это Петров, целыми днями стоящий в курилке у лестницы, наверное, с десятой за утро сигаретой в зубах, с видом человека, ищущего решения глобальных проблем человечества и все про всех знающий. Информирован как никто обо всех делах в редакции. Интересно, когда он успевает еще и работать?

Когда меня зовут по фамилии, я всегда непроизвольно дергаюсь. Это у меня еще со школы. Сидишь себе на задней парте, никого не трогаешь, занимаешься своими делами. Ну, устроив на коленках, читаешь что-нибудь далеко непрограммное, рисуешь на обложке тетради, или еще что. Это было время моего увлечения рыцарскими романами, где я мог вволю представлять себя храбрецом в сверкающих латах, с длинным мечом и на вороном коне, играющем мускулами, громко и презрительно фыркающим на захудалых коняшек под трусоватыми врагами. Все это рисовалось не только в моем воображении, но и на всех свободных местах обложек тетрадей.

И вдруг: – Зайцев, к доске! Или: – Зайцев, повтори, что я сказала!

Блеешь: – Марь-ванна, я что? Я ничего, я слушаю же...

Марь-ванна укоризненно качает головой. Хвостик ее седых во-

**Искандер
ХАММАДОВ**

Физик, кандидат физико-математических наук. Автор научных статей, изобретения и монографии. В настоящее время работает в авиационной компании. Живет в Ташкенте.

лос, перетянутых черной резинкой, выписывает как кистью экспрессиониста широкие мазки по невидимому холсту, и строгим голосом общественного обвинителя произносит:

– Ох, Зайцев, Зайцев... Садись!

Звучало как приговор – «десять лет без права переписки». С приговором полностью согласны сидящие за первыми партами и с укоризной глядящие на меня, негромко похохотывающие средние ряды, и только на задних партах чувствуется сочувствие и понимание.

Так десять школьных лет и прошли.

Мне кажется, что все дело в моей фамилии. Был бы я Волковым, Орловым или, наконец, Медведевым, я бы чувствовал себя по-другому. Уверенней. А Зайцев и есть Зайцев. В самой фамилии уже кроется какая-то ущербность. Это, конечно, только моя теория, и с ней вряд ли кто согласится, но, все же, как корабль назовешь, так он и поплывет, говорят в классическом мультике. Так и есть. Ничего тут не поделаешь.

– Не знаешь, зачем я понадобился Главному? – спрашиваю у Петрова.

– Наверное, сообщить, что тебя номинировали на Пулитцеровскую премию, – отвечает он, противно хихикая.

Кстати, а бывает ли хихиканье не противным, а приятным?

– И сам ты... И шутки твои дурацкие, – отвечаю довольно резко Петрову, зная, что он и обижаться-то по-настоящему не умеет.

– Иди, иди Зайцев получать свою порцию пулитцеровского нагоняя.

От его ироничного тона становится совсем тоскливо на душе, но я, потоптавшись с минуту, вхожу в приемную и спрашиваю у секретаря:

– У себя? Не знаешь, зачем меня главный вызывал?

– Зайдешь к Борису Львовичу и сам узнаешь, – ответила она, посмотрев своими «буреночными» глазами сквозь меня, как через стеклянный предмет, не представляющий для нее никакого интереса. Юлечка, так зовут секретаршу, пришла в редакцию около полугода назад, после окончания филфака, тихой и скромной девочкой, с собственным цветом роскошных волос и нерастраченным обаянием детской наивности.

В редакции поговаривали о начавшейся близости секретарши и главного редактора, что привело к моментальному изменению в ее отношениях с сотрудниками. И не в пользу последних. Она, видимо, решила, что близость с Борисом Львовичем изменила ее статус, и что в редакции она теперь второе лицо сразу после главного. Постриглась и перекрасилась в блондинку, покрыла макияжем девичье обаяние и придала взгляду непреклонную жесткость. Далеко пойдет.

Когда я вошел, Борис Львович, к своим пятидесяти годам плотно и равносильно располневший, с красивой проседью коротко стриженных волос, в позолоченных очках сидел за заваленным стопками бумаг столом и демонстрировал непомерную занятость и увлеченность каким-то текстом. Немного подождав, я, негромко покашливая, решаю напомнить о себе как о живом существе, находящемся в заповедном пространстве его кабинета.

Заметив заполненность кабинета, Борис Львович встал, заложил руки за спину и, не поворачиваясь ко мне лицом, приятным баритоном начал говорить:

– Михаил, Вы мне нравитесь, но...

Не закончив фразу, Борис Львович блеснул глазами в мою сторону и, подойдя к окну, стал всматриваться во что-то жутко интересное на улице.

Это «но...» всегда переворачивает наизнанку то, что говорится до него. Такое короткое слово, но такое острое как бритва.

– Вот гад, – думаю я про главного и нерешительно спрашиваю:

– Борис Львович, Я что-то натворил? Вы хотите меня уволить?

Борис Львович, резко поворачивается и, шагая ко мне, говорит ласковым, почти отечески нежным голосом:

– Что Вы, что Вы, Михаил... Я совсем не об этом...

Немного отлегло. «Все-таки Борис Львович – неплохой человек», – мысленно меняю я свое мнение и жду с нетерпением дальнейшего развития ситуации, понимая, что все в руках Главного. Вернее, в его загруженной повседневными заботами голове.

Выдержав еще одну «вахтанговскую паузу», он начал проникновенную речь о том, в каком жестоком современном мире мы живем, какие трудности испытывают печатные издания, какая конкуренция...

Голос его то пафосно повышается, то переходит на доверительный шепот.

Из всего, что он говорил, я понял одно – нужны «жареные» материалы, повышающие тираж, я же слишком добренький и люблю тех, о ком пишу. Нужно быть жестким...

Мне стало скучно в этом театре одного актера, я начал разглядывать дешевые эстампы на стенах кабинета, не забывая согласно кивать в конце каждой фразы главного.

Наконец, Борис Львович посчитал, что воспитательная миссия выполнена и, сверкнув на меня очками спросил:

– Михаил, Вы все поняли?

Я немедленно начинаю энергично трясти головой.

– Тогда вот Вам адрес и телефон ветерана Великой Отечественной. Я ему позвоню, что Вы придете, незнакомцу и дверь не откроют. Старики. Кстати, очень интеллигентные люди. Она филолог, а он работал в конструкторском бюро. И прошу Вас интервью с ним подготовить к понедельнику в том ключе, о котором я Вам говорил. Под иным ракурсом. Вы должны показать и другую, невидимую сторону луны. То есть, чтобы Ваш материал сильно отличался от всех, что в огромном количестве, как под копирку, публикуются о войне.

Дождь прекратился, по небу неслись опустевшие, отошавшие после дождевых родов тучи, исчезли разноцветные зонты, повеселели лица прохожих. Через два часа я с полным пакетом продуктов из ближайшего супермаркета уже нажимал кнопку звонка ветерана. Дверь открыла сухонькая коротко стриженная белоголовая старушка с внимательными мудро-спокойными глазами.

Обычно, когда я вхожу в чужую квартиру, напоминаю сеттера на стойке. Наверное, ирландского, учитывая мою рыжую шевелюру. Нос вытянут вперед, хвост – продолжение спины. Ну, это я, конечно, преувеличиваю, но мне действительно кажется, что каждый дом имеет свой неповторимый, устоявшийся годами, запах. По этому запаху я сужу об обитателях дома, их благосостоянии, возрасте и здоровье. Часто совпадает с ожидаемым.

В этом доме пахло жареной картошкой, лекарствами и невыветриваемым грустным запахом глубокой старости. Мы прошли на кухню, чтобы распаковать продукты. На плите действительно была сковорода с остатками жареной картошки с лучком. Для меня этот запах – один из символов домашнего уюта еще с детства.

– Кто пришел? – раздался бодрый голос из комнаты.

– К тебе, Петя, пришел корреспондент от Бориса Львовича, – громко и четко выговаривая каждое слово, ответила старушка, вынимая продукты из пакета. Когда она дошла до водки, укоризненно посмотрела на Михаила и тихо сказала: – Ему только рюмочку. Больше нельзя. Сердце.

– Ну, что вы там на кухне застряли?

– Идем, идем, – и, обращаясь к Михаилу, – помогите накрыть стол.

В комнате за столом, покрытом клеенкой с экзотическими фруктами и обычными овощами, там и сям разбросанными по всему полю, на старом венском стуле сидел седой сухошавый старик с озорными не по возрасту глазами и прямой спиной. На спинке такого же соседнего стула висел черный пиджак с многочисленными орденами и медалями. У стены стоял старый кожаный диван с высокой спинкой и шкафчиками по краям, в середине ткань в рамке, изображающая китайскую джонку и утес с одинокой, причудливо изогнутой тоскливой сосной. На подоконнике ветвились рога алоэ. Почему-то обычная клеенка и алоэ на подоконнике меня совсем успокоили, сняли волнение, обычно присутствующее в незнакомом доме. «Все как у моей бабули дома» – подумал я.

Увидев, что я засмотрелся на награды и невольно остановился у входа в комнату с тарелками и вилками, старик весело произнес:

– Проходите, проходите молодой человек, не стесняйтесь. Вы давно работаете у Бориса Львовича? Как Вас звать – величать?

– Михаил. Михаил Зайцев. Работаю уже три месяца. Вы знаете Бориса Львовича?

– С малых лет. Я с его отцом еще на фронте познакомился, и мы дружили много лет, вплоть до его кончины в прошлом году. Борис каждый год присылает ко мне молодых сотрудников для интервью. Всегда разных. Как бы на практику. Вы спешите?

– Я? Нет, не спешу, Петр Сергеевич.

– Если же спешите, как Ваши предыдущие товарищи, то вот Вам мои мемуары и можете оттуда «надрать» себе материал для интервью. Все так делали, и Вы не стесняйтесь.

И он, не вставая, протянул руку и достал с буфета книжечку.

– Это Боря помог издать, – поясняет Петр Сергеевич, – без его помощи вряд ли кто издал бы. Замечательный человек. В нынешние дни другие книжки в ходу. Не книги, а чтиво, прости господи.

– Спасибо за книгу, Петр Сергеевич. Вашу книгу обязательно прочту, но я пришел к Вам поговорить о войне. Ну, не о такой, как в кино или в книгах...

– О какой же войне хотите знать? Я только одну знаю.

– Петр Сергеевич, я много фильмов посмотрел о войне, книг прочел несколько, прославляющих отвагу, мужество. Фильмы, где небольшой хорошо подготовленный отряд воюет чуть ли не целой армией... Но ведь разные люди были в армии. Не все же герои. Как обычный, мирный человек преодолевает страх смерти? Как он вообще живет с этим чувством недели, месяцы, годы войны? Как говорит мой главный редактор, есть видимая сторона любой вещи или явления и «обратная, невидимая сторона луны», и эта сторона бывает более интересной с психологической точки зрения... Вам было страшно?

– Страшно? Да, каждый день войны, каждое мгновение боя, черт возьми! Я же обычный человек. Страшно слышать жуткий лязг гусениц немецкого танка, давящего полковую пушку вместе с артиллеристом, пытающимся отползти от танка и от своих ног, оставшихся в сапогах. Страшно слышать неотвратно приближающийся гул бомбардировщика, страшно, когда тебя, лежащего на земле, подкидывает при взрывах вместе с землей и обсыпает горячими осколками. Страшно, когда на тебя удивленно, не мигая, смотрят глаза погибшего товарища, и ты представляешь, что через мгновение и ты можешь так же... Страшно и противно даже воду пить из болота и есть, что попало. Все страшно. Слава Богу, что это не выпало на вашу долю. Не хочу все это вспоминать... Не хочу!

Старушка тихо прошелестела стоптанными домашними тапочками, накрывая стол, и он замолчал. Непонятно, откуда появился большой в арбузную полоску рыжий кот, потерся об ногу Михаила, мурлыкнул нехотя, запрыгнул на свободный стул, коротко взглянул изумрудными глазами на еще пустой стол и закрыл глаза пушистым опухолем хвоста, демонстрируя кошачью независимость и полное равнодушие к предстоящей трапезе людей – у каждого своя жизнь.

Увидев водку на столе и рюмки с золотым ободком, Петр Сергеевич немного оттаял. Голос его стал мягче:

– Ну, раз так, значит, посидим, поговорим Михаил. А Вы не задумывались о влиянии водки на развитие философской мысли в России? – сказал Петр Сергеевич, разливая по рюмкам, – интересное исследование было бы. Ну, как говорится, выпьем за здоровье. Закусывайте, Михаил, не стесняйтесь.

Я и не стесняюсь, закусываю, ощущая языком приятную пупырчатость соленого огурчика, мгновенно гасящего огненную жгучесть водки, и жду сосудорасширяющего эффекта первой рюмки. Это состояние мне всегда очень нравится. Я не алкаш какой-нибудь, но рюмка водки делает из меня другого человека. Более раскованного и смелого в беседе. Правда, надо признать, что последующие рюмки постепенно и незаметно делают меня совсем другим человеком, который и мне самому не всегда нравится. Наверное, и окружающим.

Мои глубокие размышления о сосудорасширяющем эффекте первой рюмки прерывает Петр Сергеевич:

– Говорите, обратная сторона луны? Обратная сторона луны, ее ландшафт, очень заметно отличается от ландшафта той стороны, которая «смотрит» на нашу планету. Вся ее «темная» сторона буквально изрыта кратерами. Ее не защищала Земля и ее атмосфера. Обратная сторона луны была всегда беззащитной от бомбардировки метеоритами. Как душа человека, невидимая для окружающих. Душа не защищенная, изрытая кратерами войны, тихо ноющая по ночам...

Петр Сергеевич замолчал, задумался о чем-то, и я, воспользовавшись паузой, разлил по рюмкам. Он, не глядя, опрокинул рюмку, закусил и продолжил:

– Как писать о войне? Я и сам-то толком знаю. В черно-белых цветах не опишешь. Война не только разноцветна, но еще имеет и много оттенков для каждого, кто ее прошел. И я не знаю, что Вам рассказать, и поймете ли Вы все правильно.

– Думаю, что пойму, – самоуверенно заявляю я под пока еще благотворным действием второй рюмки.

– Ой, ли. Ну, вот Вам пример ситуации. Командир командует – в атаку, а один из солдат никак не выползет из окопа. Командир подбегает к солдату и, направив на него пистолет, кричит: – Вперед, Пристрелю как труса. И что Вы, Михаил, напишете?

– Здесь же все понятно. Храбрый командир заставляет труса, преодолевая страх, идти в атаку...

– Вот так вот, прямолинейно? Даже не пытаюсь глубже вникнуть в ситуацию. Вам, Миша, все ясно и понятно. Как же можно так просто и немудрено писать? А если я Вам дам дополнительную информацию?

Не желая быть втянутым в бесполезный и ненужный для моего больного самолюбия спор, я начал разливать по рюмкам, но, увидев резкое движение руки Петра Сергеевича, убирающее прочь рюмку, поставил на место бутылку и неохотно спросил:

– Вы думаете, это изменит мое мнение? Все же ясно как день. Какая дополнительная информация может кардинально изменить мнение об очевидной ситуации?

– Какой Вы, Миша, бескомпромиссный. Вам бы на фронте в особом отделе служить. Впрочем, большинство и было такими, как Вы. Все-таки я Вам расскажу эту историю полностью. А там и посмотрим, как Вы отнесетесь к этой «очевидной» для Вас ситуации.

Петр Сергеевич на минуту задумался. Старушка снова прошелестела тапочками, собрала пустые тарелки, тихо спросила Петра Сергеевича как он себя чувствует и, получив положительный ответ, так же тихо отправилась на кухню. Рыжий кот открыл глаза, потянулся и нехотя отправился за хозяйкой в надежде получить вкусный кусочек со стола.

Выждав пока жена выйдет из комнаты, Петр Сергеевич продолжил:

– Эта история началась еще до войны. У нас во дворе на Пятницкой улице жили двое пацанов. Очень разных по воспитанию, по темпераменту. Один – чуть постарше – заводила, весельчак, крепкий парень с быстрыми, не раздумывающими кулаками, проводивший все время с утра до позднего вечера во дворе. А, если его мать – дворничиха – приводила мужика, и «посиделки» затягивались, то он и пол ночи проводил, раскачиваясь на скрипучих качелях детской площадки, вызывая громкое недовольство из открытых окон. Вася его звали.

Другой парень – Петя – рос с бабушкой, не очень крепкий физически, часто болеющий ангиной, с вечно шарфом, обмотанным вокруг шеи, и с книгами по математике, в которой у него были большие успехи.

Иногда Вася и Петя вместе с другими ребятами и девчонками затевали общие игры, но друг с другом не сближались. Их никак нельзя было назвать закадычными друзьями. Просто жили в общем дворе. Слишком разные.

Петр Сергеевич сделал паузу в рассказе, встал, подошел к выключателю и зажег свет. Заблестел, заиграл гранями хрусталь в буфете, запестрели разноцветием корешки подписных изданий русских классиков на полках, поставленных одна на другую от пола до потолка, сверкнули поблекшим гляncем старые фотографии за стеклами рамок.

Внимание Михаила привлекла фотография в центре буфетной полки, прислоненная к хрустальному графику. На ней были изображены двое юношей и девушка. Парень слева в фланелевой куртке и серой кепке с папиросой в зубах. Справа – парень с шарфом на шее. Оба напряженно смотрят в объектив. Девушка с двумя косичками, перетянутыми белыми лентами, весело смотрит куда-то вдаль мимо объектива.

Петр Сергеевич вернулся на свое место, налил чаю себе и Михаилу. Отпив глоток, продолжил рассказ:

– Летом в сороковом году в наш дом переехала девочка Полина с родителями. Русые волосы в косичках, глаза цвета морской волны с картины Айвазовского влюбили в себя и Васю, и Петю. Подозреваю, что не только их двоих, но связываться с Васей никто не решался. Надо сказать, что парни преобразились. Вася ходил в начищенных сапогах

«гармошкой», во фланелевой двухцветной куртке, в кепке набекрень и с неизменной папиросой в зубах, а Петя для солидности нацепил очки в круглой оправе, периодически забывал о шарфе и даже предложил Полине помочь с математикой. Ни Васе, ни Пете не было понятно, кто из них нравится Полине. Она как-то умела дать понять каждому, что он единственный, кому она отдает предпочтение.

Как-то в один из осенних дней Василий встретил Петю у подъезда, схватил за отвороты пальто и прошептал нарочито сипло, приставив для убедительности кулак к горлу: – Не отстанешь от Полины – убью!

Чем бы это все кончилось – не знаю, но Васю призвали в армию весной сорок первого года. Потом началась война, Полина с родителями эвакуировалась в Ташкент и была там до лета сорок пятого. А осенью сорок первого и Петр ушел на фронт.

Петр Сергеевич встал, подошел к окну и закурил, выпуская дым в открытую форточку. Я молча ждал, стараясь не мешать. Покурив, он резко повернулся и сказал:

– Не утомил своим рассказом?

– Нет, что Вы. Что же было дальше?

– Осенью сорок первого враг наступал на Москву. Петр после призыва сразу, с колес попал в уже вырытые траншеи, даже толком не зная товарищей справа, слева, командира. Шел дождь, стены траншей стали скользкими, под ногами хлюпала вода. Вдоль траншей бежал человек и кричал – в атаку! По угольнику на рукаве Петр понял, что это младший лейтенант и, видимо, командир. Петр пытался выползти из траншеи, но скользкие стены, ослабевшие от страха ноги не позволяли этого сделать. Командир добежал до него и крикнул – вперед, пристрелю как труса. Петр обреченно взглянул на командира и узнал в нем Василия. Тот тоже узнал, направил пистолет прямо в него и прошептал – я же говорю тебе, что убью, – и выстрелил. Петр, наконец, выбрался и побежал вперед, догоняя падающих от шквального огня солдат, пока и сам не упал раненный...

– А что было потом?

– Потом госпиталь, Петр вылечился, воевал до конца войны, получил заслуженные награды, медали, ордена, дошел до Праги. А Василий погиб...

Петр Сергеевич помолчал с минуту и продолжил:

– Это я Вам, Михаил, рассказал, чтобы Вы так однозначно не судили о трусости одних, и храбрости других. Все дело в ситуациях, в которых оказываются люди. А теперь давайте прощаться. Устал я очень.

В коридоре, пока я надевал ботинки, Петр Сергеевич вдруг произнес:

– До сих пор меня мучают два вопроса. И я не могу найти на них ответ. Василий стрелял в меня или мимо, и второй вопрос... Кого все-таки любила Полина?

Наконец, я справился с обувью, надел куртку и взялся за ручку двери.

Петр Сергеевич, повернувшись в сторону кухни, зычно крикнул:

– Полинушка, гость уходит...

– Да, иду.

Я удивленно посмотрел на Петра Сергеевича, он в ответ утвердительно кивнул – да, это та самая Полина.

– А что же Вы сами ее не спросите, кого она любила больше.

– Боюсь...

– Вы боитесь, Вы прошли всю войну имеете боевые награды...

– Это другое...

– Чего же Вы боитесь?

– Узнать правду. А вдруг... Тогда вся жизнь наперекосяк.

Громко хлопнула за мной дверь подъезда, я вдохнул полной грудью свежий и влажный после дождя воздух. Улица блестела свежевывымытым асфальтом, горели фонари, мчались машины.

Я посмотрел вверх. В большой раме из редких, отошавших после дождя туч, ярко и одиноко светила луна. Говорят, что она постепенно удаляется от Земли, и когда-нибудь наступит время, и она совсем исчезнет с нашего неба, так ни разу не повернувшись к нам своей обратной таинственной стороной.

История одной компании

Повесть

Нас было четверо – четверо неразлучных друзей, одногруппников, одноклассников и соседей по дому: я, Костя с Пашей, приходившиеся друг другу троюродными братьями, и Эля, единственная девочка, которую мы соблаговолили принять в нашу ребячью компанию. Ей даже разрешалось здороваться с нами за руку, что являлось для девочки неслыханной привилегией и что мне до сих пор непонятно, но с предрассудками надо считаться.

Дом наш находился на стыке улицы Волгоградской с проспектом Дружбы Народов и был известен всему городу тем, что в нем свои последние годы жизни провел некий художник, чья фамилия фигурирует в БСЭ. Дом был заселен в конце шестидесятых, в эпоху массового строительства панельных пятиэтажек, и считался достопримечательностью районного масштаба – не столько из-за мемориальной таблички, сколько из-за расположенного на первом этаже гастронома и находящегося в пристройке пункта приема стеклотары, что для того времени было редкостью.

Сейчас, долгие годы спустя, там все по-другому.

Другое время, другая страна, другие люди, другая малышня играет под «грибком» в другие игры, другие карапузы ползают на карачках в песочнице и со знанием дела лепят куличики, а патлатые подростки по вечерам под окнами горланят дурными голосами другие песни, синхронно перебирая гитарные струны, и мутят разум другими напитками.

Последняя живая связь с тем временем оборвалась, когда несколько лет назад умерла совсем еще не старая наша классная руководительница Елена Георгиевна, не в меру эксцентричная и всегда жизнерадостная, также жившая в нашем доме и необычайно хорошо осведомленная обо всем и вся. Елена Георгиевна относилась к нашей дружбе довольно неприязненно, но на это у нее существовали свои, сугубо личные причины, речь о которых впереди. Мне же по этому поводу думается, что при всей своей любви к профессии, она так и не научилась уделять всем ученикам равное внимание, как того требует педагогическая мораль, открыто опекая любимчиков, а на остальных глядела с укором. В любимчиках из любимчиков у нее ходил Паша Балясников, за что мы над ним частенько подтрунивали. А вот самым первым объектом нападков в нашем классе являлся Зорик Пинхасов, а все потому, что отец его, дядя Заур, сапожничал в крохотной будке, примыкающей к нашему дому, и этим все сказано. Сапожником был и старший брат Зорика Рубик. Не правда ли, быть сапожником – достаточно веское основание, чтобы в народе не только о самом человеке, но и о его сородичах сложилось дурное мнение? Строгая, но справедливая, – да, и еще раз да! – Елена Георгиевна была непоколебима в своей искренности!

Нас четверых знала вся дворовая ребятня, а нам в свою очередь казалось, что наша компания и наша дружба – нечто

Марина БЕГЛОВА

Родилась в Ташкенте.

Окончила инженерно-строительный факультет Ташкентского политехнического института. Лауреат Международного конкурса малой прозы «Белая скрижаль – 2010». В 2011 году рассказ «Накануне любви» был опубликован в литературном альманахе «Феличита». Публиковалась в журналах

«Склянка часу»,

«Звезда Востока».

Живет в Ташкенте.

незыблемое и вечное, и, кроме того, было ужасно лестно, что все соседские пацаны, как малолетки в коротких шортиках на лямках, так и старшие ребята, пижонившие тридцатисантиметровыми клешами, откровенно завидуют нашей крепкой и нерушимой дружбе. Это обстоятельство помнится мне ясно и отчетливо даже теперь, спустя тридцать с лишним лет, когда слоган «крепкая и нерушимая дружба» давно превратился в ничего не значимый, забытый штамп.

В школу и из школы, в кино, в парк пострелять в тире, в «Стекляшку» – так называлось кафе-мороженое недалеко от дома, в котором продавали посыпанный вафельной крошкой пломбир в вазочках и лимонад, – мы всюду ходили только четвером.

А в каникулы в урочный час собирались у меня дома, чтобы вместе посмотреть очередную серию «Четырех танкистов и собаки». Еще помню, что мы страшно завидовали соседу Володе, у которого была похожая на Шарика овчарка. Звали ее цыганским именем Аза.

Летом мы каждый день гоняли на великах до Комсомольского озера, хотя дорога туда через загаженные подворотни и узкие улочки вдоль покосившихся заборов была едва ли не извилистей того самого критского лабиринта. Пока доедешь – всю душу вытряхнешь, но охота пуше неволи, поэтому уж гулять, так с ветерком и по полной!

На пляже первым делом, побросав как попало велосипеды и скинув в кучу одежду, бежали к вышке. Солнце пекло головы, ноги по шиколотку утопали в горячем песке, глаза нестерпимо резало от блеска озерной глади.

Пока мы возились с рубашками и брюками, Эля, сбросив с ног босоножки и стянув через голову сарафан, оказывалась впереди всех.

Вижу ее стоящей на верхотуре по стойке «смирно» и готовящейся к прыжку. Под ней сквозь марево знойного лета блестит вода. Солнце бьет в затылок. Видно, что ей страшно, но отступать не позволяет гордость. Как говорится, и хочется и колется. И все же нервы у нее не выдерживают. Она переминается с ноги на ногу, делает шаг назад и возвращается в исходное положение. Кричит нам сверху:

– На старт, внимание, марш! Я – первая!

Наконец прыгает.

Высшим классом считалось прыгнуть с вышки «солдатиком» – алле, оп! – и уйти под воду, создавая как можно меньше шума. Потом оттолкнуться от дна и выплыть в неожиданном месте, желательно подальше от берега.

Вода в озере была холодная, но мы все равно купались до «гусиной кожи» и посинения губ, а потом усталые, но сияющие и довольные, ближе к вечеру возвращались, чтобы к приходу родителей успеть оказаться дома.

Если же по каким-то причинам случался облом, и один из нас не мог, мероприятие без долгих разговоров отменялось. Ведь друг за друга отдаст, не раздумывая, все, кроме чести, разумеется.

Оглядываясь назад, вспоминаю много событий – важных и второстепенных; что-то помню отчетливо, а что-то из воспоминаний поросло паутиной, трогать которую у меня нет желания. Но, видимо, придется.

Завязка, интрига, кульминационный момент, развязка – необходимые составляющие любого повествования; так вот, если вы их ждете, сразу скажу, что ничего этого не будет. Будет обыкновенная история. История одной компании. Или, если хотите, жизни.

Вначале поведаю вкратце о себе. Зовут меня Леонид Зимин. Я родился в тот год, когда на экраны вышел фильм Лукиано Висконти «Рокко и его братья», и ангелоликий красавчик Ален Делон, играющий горячего сицилийского паренька, навсегда покорила сердца советских женщин.

Далее биография моя не представляет собой ничего интересного. Обычные вехи жизненного пути. Как у всех. Бурно проведя молодость, я волею судьбы и жизненных перипетий последние пятнадцать лет живу в Москве, работаю в строительной индустрии. Понятное дело, что не от хорошей жизни; кто ж родину от хорошей жизни покидает?

Искания, метания, сомнения – все это пройденный этап. Все позади. К счастью, голос разума прозвучал убедительней, чем зов сердца, поэтому я женат. С женой Светланой мы существуем более-менее в душу. В семье также значатся дочь Марина, ученица седьмого класса, и теща Маргарита Степановна, почтенная старая женщина, которая давным-давно живет с нами, но почти не выходит из своей комнаты и не в свои дела нос не сует, а это, если кто понимает, далеко не безделица. Еще есть золотистый ретривер Арчибальд, или в обиходе Арчи, – тоже как бы член семьи.

В общем, все как у людей, и пожаловаться, собственно, не на что. Если ты любишь

мир, мир отвечает тебе тем же. Ведь и мы, в сущности, любим именно тех, кто любит нас, банально, но факт. Ну и что, что уже «полтинник», а для бессмертия до сих пор ничего не сделано! Сумел состояться, устроить свою жизнь по-своему и ладно; впрочем, самодостаточность и собственная значимость – все это лишь пустые слова, за которыми ровным счетом ничего не стоит, и которые ничего не говорят ни уму, ни сердцу...

В тот дом в городе моего детства мы переехали, когда мне было двенадцать лет. По Дружбе народов тогда еще ходил трамвай, и от его громохання в серванте дребезжала посуда.

В шестой класс я пошел в новую школу.

Школьный двор был средоточием всего.

Здесь тоже, как в моей старой школе, на переменах и в продленке, засунув в карман пионерские галстуки, чтобы не мешали, играли в лянгу, в «города», в «тук-тукашки» или, по-другому, «куликашки» и в «разбивные цепи».

Считались так:

– Эники-бэники-суда-камо! Акстиль-бакстиль-домино! Ики-дрики-драмитики-зет! Анфан-бе! Ду-шан-бе!

О, эти считалки! Уму непостижимо, какую несусветную чушь я помню до сих пор! Где-то я слышал, что ностальгия – это особенное состояние души, когда ты словно оказываешься во внезапном озарении.

Девочки отдавали предпочтение «классикам» и «резиночкам» или хвастались друг перед дружкой коллекциями календариков и кеток (фантиков) от конфет.

Набегавшись и напрыгавшись, распаренные, возбужденные, с жарким румянцем во всю щеку и прилипшими ко лбу потными челками всем скопом отправлялись в класс.

Мы были типичными детьми своего времени. Если учитель задерживался, от избытка радости ходили на головах в классе, а когда нам делали едкое замечание, запросто могли нахамить, нацепив на рот пошлую улыбочку, хотя прекрасно осознавали, что это никому не нужная бравада и больше ничего.

Вечером игры продолжались.

Часов в семь на весь двор неслось:

– А Регина вы-ы-й-дет?!

И уже затемно ту же самую Регину загоняли назад:

– Реги-и-и-на, домо-о-о-ой!!!

Или:

– Виталик, сейчас же домой! Кому сказала, сволочь ты этакая! Ну, что за наказание с тобой!

В ответ откуда-то из-за гаражей раздавалось:

– Сейчас, мам! Пять минут! Ну, ма-а-а-ам! Только кон доиграю.

Пять минут растягивались в полчаса, а то и больше.

Наш двор имел свои неповторимые запахи. Сейчас закрываю глаза и явственно ощущаю их.

Летом это – запах каникул. Запах пыли, позолоченной неистовым солнцем, смешанный со сладким ароматом вишневого варенья. Специфическое благоухание айлантусов, которыми засажен двор, считается, что листва этих деревьев держит прохладу. И еще запах от деревянных ящиков из-под стеклотары.

А зимой – это острый запах прелой листвы и стоячей воды, тоже по-своему милый и родной.

Сначала я сдружился с Пашей Баясниковым, а Костя Сигал, хоть и приходился Паше родственником, примкнул к нам несколько позже.

С Пашей Баясниковым мы жили не просто в одном подъезде – втором с конца, – а на одной лестничной площадке, и наши обитые черным дерматином двери смотрели друг на друга одинаковыми «глазками».

А Костя Сигал жил на втором этаже в центральном подъезде, и длинные, как шупальца, ветви айлантуса протягивались со двора прямо на балкон его квартиры.

Среди жильцов считалось, что он из не вполне приличной семьи. Его отец – дядя Боря – любил выпить, и Костю частенько видели стоящим в очереди в торце нашего дома с авоськой, полной пустых бутылок. О дяде Боре Сигале рассказывали отвратительные вещи. Будто бы он жестоко третировал жену – тетю Клару, – устраивая ей сцены ревности. А потом он вообще тихо слинял из семьи. Поговаривали, что потому и слинял, что стыдно стало.

В Костиной семье также проживал старый-престарый дед Яков Соломонович с птичьей фамилией Кур, в прошлом – ответственный работник НКВД. Много лет назад его

разбил паралич, и с тех пор он на людях не появлялся. Костя рассказывал нам о деде, будто бы тот чуть ли не ежедневно обещал своей дочери, тете Кларе, вот-вот освободить всех от обузы, то есть тягостных забот о нем, и, тем не менее, продолжал год за годом исправно жить. Мы, Костины друзья, живьем Якова Соломоновича так никогда и не видели.

Костю прославил один поступок, а ведь могло оказаться с точностью до наоборот. В день своего тринадцатилетия, рискуя стать посмешищем, он совершил полет со второго этажа. С зонтиком вместо парашюта. Это был не хлипенький складной японский зонтик, а старинный мужской зонт-трость, некогда принадлежавший деду, который Костя предварительно переделал по своему вкусу. Странно, что он ухитрился не сломать себе шею, только выбил зубы. Два великолепных экземпляра резцов он спрятал в спичечный коробок и демонстрировал всем желающим.

Этим поступком Костя был мгновенно возведен на пьедестал, и, пока не зажили ссадины на щеке и локтях, он купался в лучах славы.

Но героем он был только для нас, пацанов во дворе. Для жильцов дома он оставался распушенным оболтусом, сыном отца-алкоголика и внуком бывшего энкавзदेशника, а посему самым заманчивым предметом осуждения.

А через два года в классе появилась она. Эля. Эльвира Литвина. В тот день, первого сентября, на ней была белая гипюровая кофточка и темно-синяя мини-юбка. На ногах – модные тогда босоножки на высоченной «платформе» из пробки. Роста она была высокого, с развитой грудью и тоненькая в талии.

Елене Георгиевне внешний вид новенькой не понравился; она велела ей назавтра переодеться во что-нибудь поскромнее, а заодно отправила несколько наших девчонок умыться в туалет. Она вообще ни с кем никогда не церемонилась, странно, что мы воспринимали это как должное. Никому не приходило в голову перечить ей, а ведь запросто могли бы.

Следующий урок была физкультура. Эля вышла из раздевалки в черном трико, футболке с битлами на груди и чешках, по балетному ставя шаг и вытягивая носок, и все наши пацаны устали на новенькую. Потому что, уж поверьте мне, там было на что посмотреть, хотя и другие наши одноклассники Богом обиженными уродками не были. Я же сделал морду кирпичом и отвернулся, сам не знаю почему.

А когда прозвучала команда: «В одну шеренгу становись!», после обычной в таких случаях кутерьмы оказалось, что Эля вообще выше всех девочек. Из-за роста, как она позже нам рассказала, ее не взяли в Хореографическое училище.

В тот же день выяснилось, что живет она в крайнем слева подъезде, что переехали они с мамой два дня назад, а раньше жили в частном доме на улице 8 Марта, который пошел под снос.

В школе кличка – обычное дело. Меня, к примеру, звали Зема; ну, это понятно: Зимин – Зема. Костю с Пашей – Братанами. А Эльвиру – насколько красивым, настолько же непонятным словом Пария. Прозвище это прицепилось к ней после того, как на уроке географии ее вызвали к доске рассказать про Индию.

– В Индии население делится на четыре основные касты, – с бесстрастным лицом и неестественно бодрым голосом сообщила она. – Касту брахманов, касту кшатриев или воинов, касту торговцев и крестьян и касту шудров. А все остальные – парии.

Где она это взяла – неизвестно. В учебнике этого слова не было; я потом специально проверял. Всех почему-то это ужасно рассмешило. Дружный хохот сотряс стены класса. Все буквально корчились от смеха. А она, как ни в чем не бывало, хлоп-хлоп глазками, что, мол, я такого натворила?

В тот же вечер, несмотря на неистовый весенний ливень, я, прихватив с собой из дома пол-лепешки, промазанную изнутри маслом, и набив карманы «раковыми шейками», не поленился, сходил в читальный зал районной библиотеки и раскопал в справочной литературе, что париями в старину называли прокаженных, а сейчас слово это в основном используется как синоним отверженных или гонимых. Никому, включая Костю, Пашу и саму Эльвиру, я об этом не рассказал. К чему? Еще решат, что я умничаю.

Училась Эля едва ли не лучше всех в классе, хотя отличников у нас было – раз, два и обчелся. Не отличаясь особой усидчивостью, была сообразительной, за словом в карман не лезла. Получив нечаянную тройку, очень переживала, ходила, как в воду опущенная. А мы знали, что, сколько не уговаривай, не утешай – все бесполезно, и день пошел насмарку; вечером она не «выйдет».

Первым моим подарком, сделанным Эле, был перстень, сплетенный из разноцветных телефонных проводков. В ту пору это был шик, а у меня неплохо получалось. И не только

перстни, но и брелоки, и даже ручки, если оплести по кругу стержень. Но вообще-то я специализировался на чертиках из пластмассовых прозрачных трубочек от использованных каплеуловителей. Нелзя же все время сидеть без дела; вот я и придумал себе занятие. Эти трубочки мы «добывали» в расположенном неподалеку за витой чугунной оградой Института гематологии и переливания крови.

Смерив меня подозрительным взглядом, Эля принять подарок не торопилась. Видимо, ожидала с моей стороны коварного подвоха.

– Ништяк колечко! Зема ты молоток, – пришел мне на выручку Паша. Он залихватски подмигнул и причмокнул губами, поднеся к ним сложенную в шепоть пятерню. – Элька, дашь поносить?

– Нетушки! Перебьешься, – нахально прищутив один глаз, с вызовом заявила ему Эля, отчего Паша даже подпрыгнул на скамейке. – Правда же, Ленчик? – расцвела она улыбкой.

Она с первого дня нашего знакомства звала меня Ленчиком.

Я что-то сострил в ответ, не помню – что, хотя, честно, мне было жутко приятно. Еще приятней стало, когда в ответ она заливисто рассмеялась мне в лицо. Но не будем говорить об этом.

Так было три года вплоть до окончания школы. Мы дружили.

Что значит дружили?

Делились шпаргалками на контрольных, на переменах толпились возле одного подоюника, сообща с боем брали прилавок в буфете, записывались на одни и те же факультативы, занимали друг другу очередь в школьной библиотеке, а вечером, сделав наскоро уроки и выполнив родительские поручения, до ночи сидели под козырьком подъезда. Обычно это был Элин подъезд, реже – Костин. Травили анекдоты, резались в дурака, показывали друг другу карточные фокусы.

Я бренчал на гитаре, а Паша нарочито слезливо-слашавым голосом с блатными интонациями пел. Мы ему кое-как подпевали.

Песни выбирались не лишь бы какие, а желательны – про несчастную любовь.

Помню, часто пели одну, про зеленые глаза: «У беды глаза зеленые...». При этом мы втроем многозначительно поглядывали на Элю, а она, симулируя непонимание, прятала довольную улыбку.

Напротив нашего дома, через улицу, был пустырь, посреди которого за высоким бурьяном скрывались развалины непонятного происхождения, а рядом – заброшенный котлован. Дно его покрывала изумрудная плесень, вокруг рос камыш. Говорили, что там, в этих зарослях, водятся змеи, но лично мне ни одну видеть не довелось. Обычно мы там играли в прятки, потому что лучшего места, сколько не ищи – не отыщешь. Летом в этом месте зудели комары, а коты устраивали свои кошачьи разборки, оглашая окрестности бешеными воплями.

В апреле пустырь покрывался алым ковром маков. Как там тогда пахло!.. Ветром и волей. Я рвал целые охапки маков для Эльвиры, разумеется, но никогда не успевал донести. Они, заразы, вяли на глазах; я их выкидывал, злился на их сволочный характер и рвал снова...

Потом мы с Элей поступили в один институт – Политехнический, на архитектурно-строительный факультет; старания репетиторов не прошли даром.

Костя назло врагам, на радость маме пошел учиться в Университет на прикладную математику, а Паша уехал в Новосибирск. Он вообще считался в классе умницей, одаренной личностью, ярким талантом, золотой головой и прочее, прочее, прочее... Все учителя в один голос предсказывали ему большое будущее.

Дни полетели с калейдоскопической быстротой. Казалось, только недавно был август и мандатная комиссия, а вот уже с маху сдали не только первую, но и вторую сессию, да и летняя практика не за горами.

На первом курсе наши посиделки возле подъезда продолжались, правда, уже без Паши и все чаще без Кости, у которого среди однокурсников появились новые друзья.

Летом из Новосибирска пришла ошеломившая нас новость: у Паши родился сын. Радость эту нам с доверительным видом сообщила Пашина мама. Новость бурно обсудили, отпраздновали в «Стекляшке», послали новоиспеченному отцу поздравительную телеграмму и вскоре благополучно забыли, тем более, что назревали другие события, лично для меня куда более важные.

Я стал замечать, что Эля без всякой видимой причины стала открыто меня избегать, сторониться, вдобавок завела себе на курсе близкую подружку – Милу Герасину.

На лекциях Эля теперь все чаще сидела с Милой, да и вообще, судя по ее поведению,

не была расположена к какому-либо дружескому общению со мной. «Предательница», – сделал я свое веское заключение.

Понятно, что мне это откровенно не нравилось. Не нравилось и все тут! И эта Мила мне не нравилась. Мысленно я посылал на ее голову громы и молнии, хотя что я мог по-ставить ей в вину?

Как все толстые девочки ее возраста, Мила была чересчур застенчивая, томная, медлительная, нелепая, скрытная, косноязычная. У нее была некрасивая манера все время смущаться и с наивной скромностью рано созревшей девушки в разговоре прикрывать рот ладошкой. Это отталкивало еще больше.

А Эля на ее фоне была не сказать, чтобы красавица, но очень даже ничего. Фигурка, грациозная осанка, походка легкая, как у балерины. Нет, безусловно, она была то, что надо! Не тихоня и не болтушка, но общительная и со всеми приветливая, не корчила из себя невесту что, как некоторые воображали. И толк в моде знала – одевалась всегда с иголочки. А когда однажды заявила в институт в красных туфлях на каблуках, я аж обалдел. И не только я. Я видел, как ее провожали глазами, причем все поголовно: и девчонки, и ребята.

У меня в институте тоже завелись друзья, но это – не в счет; это совсем другое дело.

На смену радужному настроению, когда о своих успехах хочется растрезвонить на целый белый свет, из всех щелей полезли сомнения и непонятная тоска.

На лекциях они секретничали, шептались, не замечая меня, озабоченно склонив головы, или же подавали друг дружке таинственные знаки. Знаете, как это бывает у девчонок? А я сидел, дурак дураком, в недоумении, за что Эля на меня дует, и сверлил ее спину взором василиска.

Накануне Нового года она учудила. Постриглась и сделала химическую завивку – на зависть тем однокурсницам, которые еще не решились на этот шаг. С новой прической Эля стала похожа на негритенку Максимку – у меня дома была такая старенькая, вся потрепанная «дет-гизовская» книжечка, на обложке которой изображалась голова того самого Максимки, вся в мелких кучеряшках, – но я сказал себе: «Не моя забота, на кого она теперь похожа. Пускай, если ей так нравится!» и сделал вид, будто в упор ее не замечаю. Из принципа.

А потом на горизонте нарисовался он. Рафик. Рафаил Сулейманов.

Откуда мне тогда было знать, что?.. Впрочем, все – по порядку.

Знакомы мы с ним не были, но заочно я про него знал предостаточно. Об этом четверокурснике на факультете ходили слухи, что он с преподавателями – шаркун и подхалим, и вообще подлая душонка, дрянцо-человек.

Рафик был смуглый и худой, как жердь, на голове – грива черных, жестких, будто из проволоки, волос, а его вытянутое, заостренное книзу лицо с ассиметричными чертами и длинным хрящеватым носом, который смотрел вбок, напоминало мне египетского сфинкса из фильма «Клеопатра» с Элизабет Тейлор; о таких обычно говорят: смесь бульдога с носорогом. Он не ходил как все нормальные люди, а словно скользил своей дурацкой походочкой, подметая пол клешами.

Я обозлился не на шутку. Временами меня так и порывало спросить: «Ты что, Элька, не видишь что ли, с каким ничтожеством связалась?»

Останавливало одно: с какого перепугу я буду лезть в чужие сердечные дела?

Когда же я, вопреки своим прежним убеждениям, ее прямо спросил о нем: мол, Элька, давай колись, да-да, нет-нет, что скрывать, она сначала вспыхнула, покраснела, как рак, но тут же взяла себя в руки и поглядела с нарочитым непониманием, а потом стала отнекиваться. Меня это не на шутку взбесило. Ее фальшивый тон. Ну, встречаются люди, мне-то какое дело? Но, оказалось, есть дело.

Сначала я растерялся. Я никогда к чересчур влюбчивым себя не относил. Конечно, было кое-что до Эли, но все несерьезно, по воле случая или даже больше ради спортивного интереса. Ну, целовались, особенным тоном говорили друг другу особенные слова, изображали влюбленность, держались за руки, делая вид, что никак не можем расстаться... С кем не бывает?

Меня взяла досада. А потом я не стерпел и рассказал обо всем Косте. Ведь он был весьма неглупый и считался большим мастером по части разных выдумок. Его голова вечно изобиловала всякими нетривиальными идеями.

Костя пообещал подумать, уточнив, что у него на этот счет уже созрела одна умная мысль, но словарного запаса не хватает, чтобы выразить ее правильно, поэтому, чтобы было наверняка, он еще поразмышляет и как только – так сразу.

А Эля – как ни в чем не бывало продолжала дружить с Милой. И одновременно встре-

чатся с Рафиком, а заодно якшалась с его друзьями-четверокурсниками. Я чувствовал ее глухую вражду ко мне. После лекций она уже не ждала меня, как раньше, возле буфета, где с утра до ночи толклись студенты, а вместе с ними шла в сторону станции метро.

Я этого видеть не мог. Я стал ездить домой на автобусе, хотя даже при большом желании на это уходило не менее часа, когда на метро хватало и получаса. Я смотрел в окно на запруженные всевозможным транспортом улицы и мысленно перебирал в памяти последние события, так что от напряжения звенело в мозгах и ломало виски. Наверное, никогда больше в моей жизни не будет такого отчаянно горького периода. Так казалось мне тогда.

Не доходя до дома, я закрывался в телефонной будке и набирал ее номер, а потом долго слушал ее недоуменный голос.

– Алло! Алло! – сердито повторяла Эля. – Извините, вас не слышно. Перезвоните!

И с досады бросала трубку.

Я перезванивал.

Я молчал, ошущая, как по лицу расплывается глупая гримаса. Она дома! Не шляется где-то с этим типом по городу, а дома.

Звонить из своей квартиры мне почему-то было... Не сказать, чтобы боязливо, но где-то так, будто она каким-то необъяснимым образом могла застать меня на месте преступления.

Костя тем временем подумал. План его не отличался оригинальностью: подкараулить Рафика, выразить удовольствие по поводу его цветущего вида, после чего, если поговорить культурно не получится, и этот хмырь вздумает в ответ хамить и качать права, то врезать по роже и недвусмысленно дать понять, что за Эльвиру.

Я Костин план отверг сразу и бесповоротно. Не наш метод. И вдруг почувствовал, что зверски устал, измучился. Устал сразу от всего на свете. От Эли, от Кости, от родителей, хотя они мне никогда особенно не докучали, от института. Мне больше ничего не хотелось. Все было лишним и абсолютно бесполезным. Я сказал Косте, что ничего больше не надо, спасибо, хватит, но у него на этот счет были свои соображения.

Пока он думал дальше, все разрешилось само собой. Развязка, как это зачастую случается, наступила неожиданно.

Я возвращался с тренировки – я тогда всерьез занялся боксом, – когда увидел в нашем дворе на скамейке одинокую фигурку в знакомом клетчатом пальто с капюшоном. Это была Эльвира Литвина. Одна в такой час.

Было преддверие зимы. Накапывал холодный и колкий дождичек, готовый вот-вот обратиться первым снегом. Хилые можжевельники, росшие вдоль дорожки, бессильно поникли под дождем едва ли не к самой земле.

Эля сидела нахохлившись, как мокрая ворона, и ворошила ногой листья на асфальте. Не подойти я не мог, хотя в последнее время мы чурались друг друга.

– Привет, – негромко бросил я.

– Привет, – эхом отозвалась она. – Как жизнь?

– Да так... Что одна тут торчишь? Ключи забыла? – спросил я первое, что пришло на ум.

Отца у Эльвиры не было, а мать работала врачом на Скорой помощи сутки через двое. Поэтому Эля с детства привыкла быть одна.

– Да, – сказала Эля и слизнула с губ дождемку. – То есть, нет. Не забыла, просто замок не открывается. Ты иди, Ленчик, а я тут посижу.

– Нет уж, пошли, что ли, посмотрим.

Мы поднялись на третий этаж. Дверь открылась с первого раза. Изобразив на лице глубокую признательность, она пригласила меня войти.

Я вошел. На пороге нас встретил кот Самсон.

Эля заперла дверь, прислонилась к косяку и сразу же начала плакать, будто только и ждала этого момента.

Сначала я просто вытирал ей слезы пальцами, как маленькой. Потом сходил на кухню за стаканом воды. Самсон поперся за мной. На кухне он бросался под ноги и отчаянно мурлыкал. Наверное, проголодался, бедненький. Потом мы оказались в ее комнате. На ее кровати. Что же я делаю?! Я не имею права!

Надежда, страх, желание – все смешалось в одну кучу и вылилось в то, что произошло дальше.

Она стала моей первой женщиной.

Потом Эля ушла на кухню заваривать кофе, а я сидел в ее постели и от нечего делать

перелистывал попавшийся мне под руку иностранный журнальчик, иллюстрированный модными красотками на капотах машин и прочей ерундой, когда она вошла и сразу, с порога, огоршила меня новостью. Она сказала мне, что «залетела».

– В смысле? – переспросил я, хотя все прекрасно понял.

– В смысле, – с расстановкой сказала она, – мне кажется, что я беременная. Вот такие дела, Ленчик.

Такой я ее еще никогда не видел. Оно и понятно, хотя голос ее звучал вполне ровно. Мне показалось, что она сейчас рассмеется и скажет: «Ты что, Ленчик, в самом деле поверил?» Мол, шутка.

Она сидела на кровати, скрестив ноги по-турецки, и маленькими глотками прихлебывала кофе.

Я пить не стал. Мне кофе показался чересчур приторным. Не люблю сладкое. Потом весь день во рту неприятно.

Когда же я попер на нее, как фашистский танк на окоп, и нажал, мол, давай, выкладывай все начистоту, она призналась, что этот гад, то бишь Рафик, узнав новость, самым банальнейшим образом самоустранился и теперь слышать о ней и ребенке ничего не хочет. Я слушал и слушал, подавляя в себе искушение бросить ей в лицо: «Так тебе и надо!»

– Как быть, Ленчик, не знаю. Что мама скажет? Она меня убьет. А люди?

Она внезапно сникла, как те побитый дождем можжевельник во дворе. Губы ее задрожали. Делать ей больше нечего, только думать, что скажут эти старухи на лавочке перед подъездом!

Я в ту ночь остался ночевать с ней. Не мог ее бросить.

Я позвонил домой, нагородил родителям черт знает что насчет срочной тренировки и соревнования. Они, похоже, не поверили, но мне тогда было плевать. Отмазался и ладно. А завтра видно будет.

Вокруг все будто бы перестало существовать. Были лишь я и она. Я боялся, что это сон. Я боялся открыть глаза и очутиться наяву. Но это был не сон. Она была рядом. Спала, мирно посапывая, уткнувшись мне в плечо. Дышала мне в шею.

Я напрягся. Я чувствовал щекой, как она дышит. Ее горячее дыхание, словно пламя, обжигало меня и ласкало. Надо было без спешки все обдумать.

Я скинул с себя одеяло. Встал. Сделал круг по комнате. Постоял у окна, рассеянно глядя на улицу. По стеклу зигзагами сбегали капли. Мир оттуда, из-за окна, обыденно взирал на меня.

Занималось утро. Я вышел на балкон. Закурил. Самсон шмыгнул в форточку и по водосточной трубе начал спускаться во двор. Я залюбовался, как виртуозно это у него получается.

Вы не замечали, что самые смелые замыслы рождаются в основном на рассвете?

За ночь снег облепил ветки деревьев и покрыл землю, только мокрый асфальт оставался черным. Таинственный, едва колышущийся переплет теней от сплетенных ветвей в тусклом свете фонаря кружил голову. Всходило солнце. В голубовато-белесом мороке плохо различимых далей оно было откровенно красного цвета.

Когда Эля проснулась, я просто сделал то, что представилось мне наиболее естественным и необходимым, – я предложил ей выйти за меня замуж, причем, немедленно, не откладывая.

А снег падал и падал крупными хлопьями, наполняя мир первозданной чистотой и безмолвием, и небо становилось все светлее...

Когда я, стараясь производить как можно меньше шума, своим ключом отпер входную дверь, дома была только мать. Отец уже успел уйти на работу, а она, судя по доносившимся из кухни звукам, мыла посуду.

Была – не была!... Я снял куртку, двумя точными бросками катапультировал кроссовки на их законное место в противоположном углу передней и в носках прошел на кухню.

– Мам! Значит, так. Я женюсь, – пряча глаза, сказал я с порога.

– Да ну, – равнодушно отозвалась она.

Я решил на всякий случай сразу уточнить, хотя она ничего не спросила:

– На Эльвире.

– На какой Эльвире? На нашей Элочке? – промямлила она, видимо, плохо соображая.

– На ней самой, на ком же еще? – ответил я.

Мать кивнула мне головой, мол, она так сразу и подумала, и надолго погрузилась в созерцание клеток на клеенке, которой был застелен кухонный стол.

– А что так? – спросила она наконец, и в ее голосе послышалось что-то жалобное.

Я легонько пожал плечами.

Она подняла глаза и улыбнулась мне вялой, похожей на гримасу улыбкой, от которой у меня защемило сердце. Все-таки она мне мать, а не абы кто, до вчерашнего дня – самый родной на свете человек.

Ну, что ж, я дал ей время прийти в себя; двух-трех минут, по моему разумению, было достаточно.

– У нас с ней будет ребенок, – прочистив горло, сказал я.

– Вот это интересно, – моментально мертвея, выдавила она из себя. – А подробности будут?

Пока она меня так допрашивала, я навтыяжку стоял возле порога. В окно мне было видно, как Эльвирин кот Самсон в гордом одиночестве разгуливает по двору и партизански делает вид, что ему на фиг не нужны ни толкушиеся на детской площадке голуби, ни справляющая свои делишки соседская такса Маргоша, ни вообще все на свете. Хотя, где бы что ни происходило, нате, пожалуйста, и он тут как тут! Его заинтересованность голубями выдавал только нервно подрагивающий кончик хвоста.

Этот не в меру откормленный котикше, жирный, как сумоист, был в то же время очень проворный и никогда не отказывал себе в удовольствии поохотиться на какую-нибудь мелкую живность.

– Мам, ну какие тебе еще нужны подробности?

В самом деле, какие тут могут быть подробности?

Через три месяца мы с Эльвирой поженились. На свадьбе Костя Сигал был моим свидетелем; со стороны невесты свидетельницей, как нетрудно догадаться, подвизалась все та же Мила Герасина.

Свадьбу гуляли в самом шикарном ресторане города: родители расстарались. В меню среди прочих деликатесов присутствовала даже паюсная икра. Паюсная икра! Пища богов и миллионеров! Она была подана в малюсеньких блюдецках, формой напоминающих рыбий остов. Приготовившись вкусить блаженство, после которого и умереть не жалко, не то, что жениться, я намазывал ею ломтик хлеба с маслом, а сам краем глаза наблюдал, как однокурсники, сидевшие с нами за центральным столом, с пешерной, как мне показалось, дикостью набросились на угощение. Прежде, чем откусить от бутерброда, я предусмотрительно попробовал верхушку одного языком. Есть можно, хотя я, честно сказать, ожидал несколько иного.

Тамада на эстраде нес в микрофон какую-то многозначительную чушь о том, какой непочатый край всевозможных достоинств заложен в женихе с невестой. Зал, как положено, взрывался криками «горько». Веселье было в самом разгаре.

За самым длинным в зале столом со строгими как у делегатов партийного пленума лицами, дабы важность их присутствия здесь ни у кого не вызвала ни капли сомнения, восседали наши с Эльвирой многочисленные родственники. Мой отец, судя по судорожному подергиванию его адамова яблока, был несколько не в себе; мать, разодетая по последней моде, с блуждающей улыбкой на просветленном лице пребывала в прострации. Приятную компанию им составляла захлебывающаяся от неподдельного восторга новоиспеченная сватья.

Эльвира в длинном кружевном платье на бретельках и с локонами вдоль щек, аккуратно упакованными в фату, была похожа на какую-то древнегреческую богиню – не знаю, правда, какую. Свой свадебный букет в конце торжества она подарила Миле Герасиной. На счастье и удачу, – сказала она.

Первое время я не мог насытиться своим счастьем. По ночам я глупо улыбаясь, поглядывал на неслышно почивающую на соседней подушке Элину головку и в буквальном смысле этого слова не мог наглядеться, а то, что очередную сессию мы с ней самым бесовестным образом завалили, так это полная дребедень, о которой и упоминать не стоит.

Оказалось, что моя теща Светлана Геннадьевна довольно милая особа. Путем сложных комбинаций она обменяла свой простаивающий в гараже «жигуленок» на дачу, и мы с Эльвирой на все лето уехали из города. Я, она и больше никого, только солнце, воздух и вода.

В конце августа Эльвира родила мальчика. На крыльце роддома я принял от тамошней медсестры нарядный, весь в кружевах и лентах, сверток, взамен сунув в кармашек ее халата приготовленную загодя «пятерку».

Наследника нарекли Темкой. Артемом Леонидовичем Зиминым. Рафиково отродье, как я называл его про себя первое время. Я смотрел, как он сучит ножками, и искал в его хрупком тельце, розовом личике с красными диатезными пятнами на щечках, шелко-

вистых, слегка выюхшихся волосиках, блестящих синих глазах, леденцово-розовых мочках ушей. Рафикины черты или хоть какое-то сходство. Искал и не находил. Разве что слегка длинноватый нос.

Эля взяла в институте академический отпуск, так что дипломы мы защищали в разное время. Потом я ушел в армию.

К этому времени Костя Сигал и Паша Баясников тоже окончили учебу и влились в труящиеся массы. Косте отыскалась работа на некоем режимном объекте. Вернулся из Новосибирска Паша. И вернулся не один, а с женой Ларисой и сыном Альбертом; Алик был старше Темки на два года.

Не прошло и недели, как случилось несчастье. В выходной день Паша с Ларисой поехали на Сырдарью обмывать приезд. Пустынное событие, обернувшееся страшной бедой. Слегка подвыпившая Лариса зашла в воду. И все. Просто нырнула и не вынырнула. Когда Паша спохватился, было уже поздно. Тело недалеко от места трагедии спустя неделю нашел кто-то из местных жителей. Много позже мне об этом рассказал Костя.

Когда я демобилизовался, Эля с Пашей, Темкой и Аликом уже месяц, как жили в Новосибирске.

Что со мной тогда творилось! Злость душила меня, не давала жить. Я не в силах был думать ни о чем другом. А еще жутко хотелось сделать им вдогонку какую-нибудь гадость. Чтобы знали Ленчика! Чтоб всю жизнь помнили! Чтоб на смертном одре вспоминали!

Вспоминаю сейчас, как я жил тогда, и ничего не могу вспомнить. Видимо, как-то жил. По инерции. Как живой труп. Или скажем так: создавал видимость того, что живу. Трепыхался, бился, как муха в окно, ища выход. Ел то, что готовила мать, коротал время напротив включенного телевизора, что-то читал, спал. Не скажу, что я сильно страдал бессонницей. И на работу, само собой, ходил... – Я тогда работал в том же учреждении, куда попал по распределению, и где послушно исполнял какие-то несложные повседневные обязанности. Даже находил в себе силы как-то бодриться, делая вид, что мне на все наплевать.

Стоит ли говорить, что мне никого не хотелось видеть. Мать, честь и хвала ей за это, старалась оградить меня от нежелательных посетителей, а я, чтобы совсем не зачахнуть, помогал ей по дому, изо всех сил делая вид, что в этом есть некий смысл, что не мешало мне думать о своей бездарной жизни.

Птица с перебитым крылом тоже еще не знает, что больше никогда не взлетит. Ей просто больно. Больно, обидно и страшно. Зато я как человек разумный усвоил урок на всю жизнь: творя добро, не жди в ответ добра, а если все же ждешь, то лучше не твори. Разочаруешься.

По телефону она много плакала, хотя истеричкой или психопаткой никогда не была, а потом сказала, что Паша тут абсолютно ни при чем, это она одна во всем виновата.

Слушать ее объяснения было невозможно, если не сказать нестерпимо, поэтому я, собрав самообладание в кулак, особенно не вникал в суть. А потом случилось то, что случилось.

– Ленчик, послушай! Я совсем забыла! – спохватилась вдруг она. – Я так и не сказала тебе самого главного. Ты же не против, если у Темки будет другая фамилия? Паша хочет дать ему свою – Баясников. Я, кстати, тоже теперь буду Баясникова. И, между прочим, Темка уже зовет его папой.

Ха, забыла она! Чистое вранье, трусливая, жалкая уловка и больше ничего. Потому что не забыла, а попросту боялась моей реакции, вот и не сказала сразу, зачем позвонила, тянула время. Мне сделалось противно.

Вслух же я, сама любезность, сказал следующее:

– Ах, сударыня, об чем вы говорите?! Как же, как же! К вашим услугам! Всегда пожалуйста! Если только вы не изволите со мной шутки шутить.

Я еще находил в себе способность паясничать.

На мой цирк она отозвалась коротким нервным смешком. А потом преспокойненько ответила:

– А вот и нет. Мне, знаешь ли, не до шуток. Короче, Ленчик, нам с Пашей нужен твой отказ от отцовских прав. Пойми же, это суровая необходимость. Так будет лучше. Кстати, тогда тебе не нужно будет платить на него алименты. Соглашайся, Лень.

Это она так решила. За всех. За меня, за Темку. И за своего драгоценного Пашу тоже.

Я вознамерился выдержать свою роль до конца. Вспомнив, что меня зовут Леонид, я не только сумасшедшим усилием воли, но и с поистине спартанской стойкостью смолчал. Смог. Даже бровью не повел. И с комическим спокойствием продолжал сохранять свою мину, словно мной овладел какой-то азартный кураж. Жаль, она не видела, а то бы не стала уточнять:

— Так ты согласен или нет?

Я напряг воображение и представил себе, как она там, в Новосибирске, за тысячи километров от меня, стоит, придерживая телефонную трубку плечом. Нижняя губка капризно выпячена. Нос красный и распухший от слез. Левая рука нервно тербит шнур от телефона. А правую она уперла в бок и ножку вперед выставила. Точно она на подмостках сцены. Ее излюбленная поза.

Потом прокашлялся и сухо ответил «да».

Я никак не мог сообразить, что бы еще такое сказать. Больше всего меня страшило то, что она подключит к разговору Пашу, и тогда я, ненавидя себя, ее, его, всех вокруг, не сдержусь и наговорю то, о чем буду потом всю жизнь сожалеть, но она догадалась не делать этого.

Следом за этим во мне что-то взбунтовалось. Посыпать голову пеплом, защищая свою честь, закатывать сцену ревности и тем более кидаться им вдогонку, выставая себя на посмеище, добиваться неоспоримой правды я посчитал ниже своего достоинства. Не по-мужски это, да и не к чему.

Отказ от отцовства оформили без проблем и волокиты. Я думал недолго. И сделал все, как она хотела. Чтобы не передумать, я, блудя приличия, немедленно заполнил и подписал все нужные бумаги. Все решилось даже быстрее и проще, чем я рассчитывал.

Во мне проснулось самолюбие. Пусть все идет, как идет, я не намерен вмешиваться, сказал я себе, хотя редкую минуту не думал о Темке.

Когда я казенным голосом объявил новость родителям, мать заполошно, словно какая-нибудь деревенская бабка-кликуша, завывала, а отец глядя на фотографию Темки часто-часто заморгал глазами. После этого у них вошло в привычку подолгу вдвоем молча сидеть за нашим обеденным столом, сдвинув посуду в центр: она – горестно подперши ладонью щеку, он – ребром ладони разглаживая жесткие крахмальные складки скатерти.

Что ж, жену и сына я профукал. Друга тоже потерял. Оставался еще Костя Сигал.

Невзирая на свои чудачества, Костя Сигал был парень далеко не промах. К тому времени он резко пошел в гору – обстоятельства в стране весьма этому поспособствовали – и одновременно приобрел вкус к красивой жизни. Хотя, к слову сказать, я тоже не бедствовал; в ОКБ большого завода, куда я перевелся незадолго до этого, платили на тот момент прилично. Костя же, благополучно пережив непростые времена и уволившись из «почтового ящика», работал теперь в крупном строительном кооперативе. Кооператив дислоцировался у черта на куличках – аж в Промзоне; для меня навсегда осталось загадкой, каким макаром его туда занесло, и чем он там занимался, но деньжата у него водились, и немаленькие.

Костина мать, тетя Клара, после ухода из семьи Сигала-старшего, который если не пил по-черному, то был близок к этому, и похорон отца, дремучего деда-паралитика, обрушила на единственного сына все свое обожание. Дабы он сполна вкусил ее заботы, она ни свет ни заря ходила для него на базар за горячими лепешками к завтраку; она уступила ему свою бывшую супружескую кровать, а сама перешла спать на старый, продавленный дедов диван (хотя кто кому в данной ситуации уступил – это еще как сказать); она по журналу «Verena» вязала ему уютные свитера и шарфы; она даже порывалась темными зимними вечерами встречать его с работы. Она бы исхитрилась и луну с неба достала, пожелай того ее сынуля.

Он же, тяготясь чрезмерной материнской любовью и ее маниакальной одержимостью порядком в доме, в скором времени предпочел за благо жить один. Купил квартиру в престижном районе, ездил – ни много ни мало – на черной BMW с тонированными стеклами и другими прибабасами, обзавелся аванажным гардеробом, даже стал носить галстук, однако жениться желания отнюдь не изъявлял. Раздольная жизнь савраса без узды его вполне устраивала.

Невысокого роста, худой, нескладный, чернявый, в очках с толстыми стеклами, за которыми прятались глубоко посаженные глаза, пребывающие все время настороже, с широким раздвоенным подбородком и длинным, с горбинкой на тонкой переносице носом, он совсем не походил на мать. Родство между ними выдавали разве что как две капли воды похожие выпуклые родинки на щее.

Тетя Клара брала не столько своим представительным видом, сколько добрым нравом и обаянием.

Она была общительная (по мне, так даже слишком общительная), смешливая, миловидная, круглолицая, зеленоглазая, рыженькая, с полной шеей, маленькими пухлыми ручками и ямочками на щеках, несмотря на излишки веса по девичьи легкая и живая. Я всегда терялся, когда она, здороваясь, складывала ладонь лодочкой и протягивала мне полуопущенную кисть с молочно-белой кожей. Было в этом жесте что-то вызывающе-манерное.

В своей квартире она всегда плотно задергивала шторы и даже скалывала их концы булавками, чтобы не оставалось, не дай Бог, ни шелочки, будто боялась соглядатаев; мне по этому поводу думалось, что, скорее всего, так она хотела отгородиться от пересудов соседей. Иногда все же приткнутым солнечным зайчиком удавалось проскочить сквозь все препоны. Обои в Костиной квартире были светлые, с крупными палевыми цветами на длинных изогнутых стеблях, и радужные зайчики порхали с цветка на цветок, приплясывали, залихватски прыгали с места на место, гонялись друг за дружкой и кружились в хороводе, воображая себя мотыльками.

И при всем том тетя Клара работала в грозном Первом отделе Гипрогора, причем, работала там с незапамятных пор, как утихла та самая кампания по борьбе с космополитизмом.

Необделенный умственными способностями и зверски начитанный Костя, если ему было надо, умел напустить на себя этакой печоринской загадочности. Он всегда был не такой, как все.

К примеру, после той бесшабашной выходки, когда он с дедовским зонтом отважно сиганул с балкона своей квартиры и загребел на неделю в больницу, чтобы удостовериться, что по своей дурачности не отшиб внутри себя что-нибудь серьезное, он успел за эти семь дней осилить «Семью Тибо», и это в шестом классе, – ей-Богу, не вру! Я, прежде о такой книге даже слыхом не слыхавший, тогда тоже вслед за ним попробовал, но, честно скажу, не пошло.

А учебники от первого параграфа до последнего Костя прочитывал сразу, едва получив их в начале учебного года в нашей библиотеке.

Подначитавшись таким образом школьной программы, отличником учебы отнюдь не был, скорее, наоборот. В точных науках теоретический материал не зазубривал, тем не менее, задачи шелкал одну за другой. В два счета расправившись с очередной контрольной, ошибок у себя в работе не проверял, вместо этого вплоть до звонка сидел, отрешенно уставившись в окно, и грыз колпачок от ручки, изредка сплевывая себе под ноги пластмассовую шелуху. Выглядело это не очень аппетитно, но говорить ему об этом напрямую было неловко, а сам он не догадывался. На диктантах дело обстояло еще хуже, к тому же почерк у Кости был – курица лапой лучше напишет.

Еще он обожал ковыряться во всяческих механизмах и запоем прочитывал инструкции по их эксплуатации. Раскрутить часы, разобрать швейную машинку, распотрошить магнитофон или кофемолку – не было для него большего счастья. Не беда, что после его вмешательства ничего не работало; в конце концов, существуют же мастерские.

Тетя Клара сына за проделки никогда не пилила, нравоучения не читала и уму-разуму не обучала. Мне это казалось весьма странным. Позже я для себя нашел этому объяснение: она его жалела за те недостатки и изъяны, в которых винила себя и только себя, оттого никогда не наказывала, хотя дня не проходило, чтобы не возникало повода.

В раннем детстве Костя слыл забиякой и драчуном, да таким первостатейным, что от него, как от огня, шарахались сначала добрая половина популяции детского садика, который он посещал, затем добрая половина пионеров и пионерок лагеря «Акташ», в который его исправно спроваживали каждое лето. Когда я его спросил однажды, за что он так их третировал, он ответил, что хронически не переваривает всяческих воображал и задавак.

В школьные годы он не то чтобы враждовал со всеми подряд, скорее постоянно пребывал в боевой готовности дать сдачи. Он вообще плохо сходилась с людьми, в большой компании, когда другие напропалую молили языками, обсуждая дела государственной важности, лишь изредка приправляя коллективную светскую болтовню крупинками аттической соли, а так все больше молчал, забившись в дальний угол, и при этом был вполне собой доволен.

Такой он был. Скрытный. Задиристый. С причудами. Немножко зануда. Неконтактный. Гораздый на всяческие выдумки. Переменчивый. Иногда серьезный. Иногда саркастичный. Я никогда до конца не понимал его сути, может, поэтому с ним было далеко не просто дружить или даже просто общаться. Девушки вокруг него, тем не менее, вились, но он пресекал все их поползновения, поэтому, покрутившись вокруг да около, вскоре из поля зрения пропадали.

Вот, пожалуй, и все, что можно было сказать о Косте. Мало кто из знавших его подозревал, какие нетривиальные мысли посещают его голову и какие демоны скрываются в его душе.

Когда мы с ним изредка виделись, на мой вопрос «как жизнь, не женился еще?» он, изобразив на лице выражение надменной скуки, неизменно отвечал:

– Заколебали совсем. Что ты, что другие. Да чтобы Костя Сигал сделался чьим-то подкаблучником?! Ой, не смешите мои тапочки! А пожарить на завтрак яичницу или сардельки отварить – я и сам в состоянии.

Больше всего в этих разговорах тетю Клару убивала именно пресловутая яичница на завтрак. Кошмарнее он ничего не мог выдумать, только постоянно повергать ее в слезы этой яичницей! Тут было отчего заплакать.

Пока он жил с ней, она твердо подготовила себя к худшему – его женитьбе, которая рано или поздно случится. Ведь ее дорогой Костик жених хоть куда. Воображение рисовало ей худенькую миниатюрную, мягкую и несуетливую, покладистую и простодушную, с уравновешенным характером и кротким нравом невестку; само собой, она должна обладать приличными манерами и хорошо бы, чтобы не оказалась интеллектуалкой, а то потом с такой хлопот не оберешься. Она станет звать ее «дочей», а та, в свою очередь, будет называть свекровь «мамой».

А пока такая не появилась, тетя Клара сил не жалела на то, чтобы по утрам ублажать своего Костику то жареной по особому рецепту рыбой, то оладушками с базарной сметанкой, которая неизменно покупалась у одной и той же, выдержавшей проверку, толстой и пожилой торговки в зеленой плюшевой кацавейке, то варениками с вишней, тоже со сметанкой, то плюшками с маком, конечно же, собственноручной выпечки, то рисовой кашкой, как он любит, с клубничным вареньем. Но прежде – непременно домашней простоквашей с чуточкой корицы, ведь это так полезно для его пищеварения.

Вскоре, видимо, бороться с ней не стало никакой возможности. Костя внезапно продал квартиру, где с его воодовением, невзирая на высокие потолки и свежий ремонт, неизменно оставалось тихо, мрачно и промозгло, а в новеньком холодильнике уныло и пусто, потому что он, к ужасу своей матушки, питался теперь, где придется и чем придется. Следом продал – BMW и завербовался в Калифорнию. Иными словами, сбежал на другую часть света. Одна солидная американская фирма вдруг возымела желание заключить с нашим Костей контракт. Сюрприз получился ошеломляющий, особенно для тети Клары.

Поехал он, как мне было сказано, не только чтобы набраться новых впечатлений, но и само собой, что скрывать правду, в поисках лучшей доли, и весьма кстати в том преуспел. Не знаю, стоит ли уточнять, что, каким макаром его туда занесло, чем он там занимался, для меня осталось загадкой. Распространяться о себе он не любил никогда, полагая, что вряд ли его более чем скромная персона представляет для кого-то интерес.

Через год с небольшим он вернулся. В Америке он не только вставил в рот дорогой фарфор, которым теперь напропалую пижонил (ведь прежде он всегда стыдился шерба-тости, потому разговаривал преимущественно сквозь зубы и улыбался крайне редко), он заметно остепенился, возмужал, даже брюшко наметилось, бросил курить, а хотя раньше дымил одну сигарету за другой, завел моду носить шляпу, в которой разве что не спал, и вообще стал другим человеком.

Мне он тоже привез шляпу с по-ковбойски загнутыми вверх полями (шляпа, с моей точки зрения, была так себе) и бутылку бурбона, которую мы тут же с ним вдвоем и распили.

– ...Ну что, чокнемся, что ли? За встречу! Вот ты, Зема, наверняка думаешь, что эти американцы гонят сей достопочтимый продукт токмо ради удовольствия? Так, да не так. Знаешь, как у нас в штатах говорят о бурбоне?..

Мы сидели с Костей вдвоем в моей комнате. Засучив рукава, с безмятежной улыбкой на физиономии он хозяйским жестом разливал напиток по стаканам, попутно разглагольствуя. Стаканы – тяжелые, хрустальные, с крупными гранями – он вызвался выбрать сам. Запястье блеснуло новенькими часами.

Чокнулись. Выпили по первой. Закусили сервелатом. Повторили.

– ...Так знаешь или нет? Не знаешь. Тогда слушай сюда, старина: с бурбоном невозможное становится возможным, нереальное – обыденным. Это напиток не просто вошедший в историю Америки, он творец той самой истории. И даже больше: он сам – история

Покуда Костя курил фимиами целительной силе своего бурбона, а заодно и всей Америке, о которой повествовал с повышенным азартом, я своим не абы каким наметанным глазом не только успел разглядеть и оценить по достоинству новенькие часы и зубы, модные очки в золоченой оправе, шляпу и сногшибательный галстук, который он, чтобы не мешал, закинул на плечо, но и порядком от него устать.

Когда мы оба были уже в приличном подпитии (даже я вошел во вкус), он счел уместным поделиться со мной теми сведениями, которыми располагал о моей бывшей жене, причем, пичкал меня ими добрых полчаса. Новости об Эле он узнал (совершенно беспрецедентный случай!) не от Елены Георгиевны, нашей бывшей учительницы, которая всегда была информирована насчет частной жизни учеников лучше, чем кто-либо, а

от тети Клары, пребывающей по случаю приезда сына в эйфории и захлебывающейся от гордости, что в кои-то веки и матушка родная пригодились. В нашем дворе ни для кого не секрет, что по части собирания и распространения сплетен тетя Клара с Еленой Георгиевной стоили друг друга.

Самая животрепещущая новость звучала так: у Эли с Пашей в Новосибирске родился сын, отпрыску дали имя Арнольд, но поскольку для малыша звать Арнольдом несколько громоздко, в семье договорились до поры до времени пользоваться усеченным Арик.

Арнольд, значит. К разочарованию Кости, я не выказал никакого удивления. Ну и что такого? Назван не иначе, как в честь Шварценеггера. Оригинально, вполне в духе Эльвиры, и даже складно получилось: братья Балясниковы, Алик и Арик. Ну и Тёмка как сбоку припека.

Гвоздем же Костиной программы явилась демонстрация цветной кодаковской фотографии четы Балясниковых, на обороте которой знакомым мне четким почерком отличницы были указаны исчерпывающие сведения: кто, где и когда. Показал он мне ее исключительно по своей доброте, ведь она отнюдь не предназначалась для моих глаз, однако, по Костиному разумению, всякий секрет только тогда и ценен, когда им можно поделиться с другом.

На снимке Эля, ее драгоценный Паша и три их пацана были запечатлены на фоне похожих на кубики рафинада одинаковых заснеженных домиков. Из живописных сугробов тянулись ввысь стволы сосен. Сквозь припорошенные кроны просвечивало затянутое хмарью небо. Старший из братьев с достоинством стоял поодаль, младшие с двух сторон жалась к матери, и снег сыпал им на головы, как конфетти из хлопушки.

Мускулистый и плечистый Паша со скрещенными на груди руками, поджаренной ультрафиолетом физиономией и причесом на косой пробор смотрелся вылитым Бельмондо, улыбался он так же, широко и нагло, и был весь из себя такой положительный и надежный. Я почувствовал, как у меня начало портиться настроение. Мне срочно захотелось изречь какую-нибудь гадость, но я заставил себя перетерпеть, а то Костя наверняка решит, что я ревную.

Эля ничуть не изменилась, – вот уж что правда, то правда! – только прическу сменила и была по-прежнему мучительно хороша, даже, пожалуй, стала еще красивее, с рдеющим румянцем на скулах, в полушубке из рыжей лисицы и лохматых рукавичках. К рукавичкам сыскались и отороченные мехом сапожки. Глаза ее прятались за солнцезащитными очками, а растянутый в улыбке рот сверкал брусничным блеском для губ.

В ее картинной позе я усмотрел неестественность; уж слишком явно, позируя фотографу, она демонстрировала образ счастливой жены и любящей мамыши.

Костя с пытливым интересом ждал моей реакции. Он заложил за голову сцепленные ладони и сидел так, откинувшись на спинку стула и пристально наблюдая за мной поверх очков. Чтобы вознаградить его за терпение, я с чувством констатировал:

– Хороша семейка!

Эта дежурная фраза пришлась как нельзя кстати.

– Глянь, какой твой Тёмка красавец! – воодушевился Костя, делая ударение на последнем слове. Ведь по нашему с бывшей женой взаимному негласному договору для всех, включая Костю, продолжала иметь место официальная версия, по которой Темкин биологический отец – я и только я, а никакой не Рафик.

– По всему видать, башковитый парень.

– А то, – охотно согласился я, хотя на самом деле Темкин вид мне совсем не понравился. Зачуханный какой-то вид. Стоит, ссутулившись. Кутается в неприглядную клетчатую курточку на рыбьем меху. Горло старательно перепоясано шарфом. Варезки болтаются на резинке. Брюки явно коротковаты. Рот строгий и маленький. Глаза невеселые и озабоченные. В объектив смотрит неприветливо. Брови тоненькими шнурочками. Стрижка ежиком. И вообще весь из себя слишком домашний и вылизанный; в наше время над такими потешались и дразнили «гогочками», что тогда переводилось как «маменькин сынок».

Я придирчиво разглядывал сына, испытывая смутное чувство вины. По правде сказать, оно, это чувство, всегда было со мной. Оно не улетучилось и сопровождало меня всюду, что бы я ни делал. «Мой Тёмка», который уже давно перестал быть моим. Да и был ли он когда-нибудь моим? Рафикиного, кстати сказать, в нем по сию пору так ничего и не проявилось.

Старший из трех, Алик, выглядел так, как оно и подобает выглядеть молодому дарованию. Круглый пятерочник – весь в отца! И такой же дылда. Губастый и шекастый, с глазами навывкате и русыми патлами, не скрывающими юное чело с врожденной печалью.

тью интеллекта. Меж бровей уже наметились две бороздки, тоже совсем как у родимого папаши. Он чинно стоял навывтяжку, а его жизнерадостный, в блестках от подтаявших снежинок лик сиял, как наст на ледяной горке.

Третий их детеныш, тот самый Арик, крепенький и румянёный, с пригожим девчачьим личиком, упакованный в серебристый комбинезон и вязаную шапочку с зазорным помпоном на макушке, чем-то неуловимым походивший на мать и вместе с тем смахивающий на елочную игрушку-космонавтика (тем более что антураж к этому располагал), недовольно куксился и был слишком мал, чтобы что-то из себя представлять.

А Костя между тем говорил:

– Нет, ну каковы, а?! Быстро же у них сладилось. Ты что, все так и оставишь, что ли? Я бы на твоём месте устроил им веселенькую жизнь. Пускай видят, с кем сцепились. Нет, если, конечно, у тебя кишка тонка, то хочешь, я сам? Плевать, что мы с Пашкой вроде как братья. Да и какой он мне, к чертям собачьим, родственник? Двоюродный плетень нашему забору и только-то.

Высказываясь в подобном духе, Костя то и дело отчаянно вскидывал голову и хищно скалился, что добавило немало сочных красок в сложившуюся картину. Видел бы он себя со стороны! Столько искренней обиды, даже праведного гнева было в его речах, что на меня напал смех. Мне захотелось вставить что-нибудь меткое, но я не успел.

– Знаешь, Зема, – сказал Костя, – был когда-то в древнейшей истории Кодекс Хаммурапи. Интереснейшая вещь между прочим. Зачитаешься. Что молчишь? Знаешь или нет?

За Костей водилась дурацкая манера доставать всех вопросом «знаешь – не знаешь?».

– С тобой не соскучишься, – нехотя отозвался я. Непонятная у него логика. Вот поди, разгадай, к чему это он. – Ну, знаю. – Хотя меньше всего меня тогда интересовал какой-то там Хаммурапи с его Кодексом. – Око за око, зуб за зуб... Что-то в этом роде.

– Во-во! – с тайным неудовольствием подхватил Костя, потому что всегда чертовски радовался, если моя эрудиция уступала его. – Принцип талиона называется. Хотя там и похлестче кое-что имелось. Но тенденция верная. Суть в том, что всякое аморальное деяние должно быть подвергнуто подобающей каре. У меня по этому поводу имеется одна ценная идея, только ее прежде надо хорошенько обмозговать.

Немного помолчав, он задумчиво продолжил:

– Не бойсь, Зема, никто твою боярню ничтожно обижать не собирается, – и посмотрел на меня по-особенному, как он умел. – Тут надо по-умному. И еще. Знаешь, какой девиз взял себе некий небезызвестный монашеский орден иезуитов? Наверняка знаешь. Цель оправдывает средства.

Я молча выдержал его взгляд. Костя, как всегда, в своем репертуаре. Все ему неймется. Хотя, понятное дело, Костя был под хмельком, и его тянуло на подвиги, а его модные заграничные очечки сверкали молодецким ухарством. И это тоже знакомо.

– Вот сколько тебя знаю, Костя, тебе бы все морды бить. Задиристый какой! Дебоширом был – дебоширом остался. Угомонишься ты или нет? Надоело. Все. Проехали. Вопрос исчерпан, – перетерпев нужную паузу, твердо сказал я.

– Я разве что-нибудь говорил про Пашкину морду? – не согласился со мной Костя. – Убейте меня, что-то не припомню такого. Положись на меня, старина. Завтра, на свежую голову, я все обдумаю и расскажу тебе, – не совсем трезвым голосом резюмировал он. – Обещаю. Как друг другу.

Но назавтра никакой беседы не состоялось, Костя, видимо, забыл, что напел по пьянке, а я напоминать не стал. Мне это и вовсе ни к чему.

Вскоре Костя опять укатил в свою хваленую Америку. Боссы той самой солидной фирмы в Кремниевой долине, на которой он подвизался кем-то вроде незаменимого специалиста по АСУП, продлили контракт еще на энное время, и стало окончательно понятно, что возвращаться в родные пенаты он не намерен, по крайней мере, в обозримом будущем.

Перед отъездом мы вновь встретились у меня дома. Разговора не получилось. Бестолковый треп и больше ничего. А все из-за того, что Косте вдруг вздумалось уговаривать меня ехать вместе с ним. Мне это не понравилось. Очень не понравилось.

– А давай со мной, а?! – внезапно встрепенулся он, будто на него только что снизошло озарение. – Человеком себя почувствуешь. Хватит филонить в этом своем, как бишь его там, ОКБ. Помогу на первых порах, походатайствую за друга. Друг ты мне или не друг?! Замолвлю словечко, где надо. Хотя работенка у нас, прямо сказать, не фонтан. На износ работенка. Это тебе не халтуру на родине гнать. Особенно-то не посачкуешь, сразу просекут и мозги на место вставят. А потом уж сам устроишься. Все устраиваются. Займешься чем-нибудь, что тебе понравится...

Словечко он замолвит. Скажите, какой заботливый! Вот уж чего не надо, того не надо. Я еще только в ходатаях и челобитчиках не нуждался. Нет уж, премного благодарен!

Я даже дискутировать на эту тему не стал. Предоставил ему возможность еще немного посотрахать воздух, а потом просто сказал:

— Кончай зря мозги пудрить. Нет, Костя, нет.

— Почему? — удивился он

Чтобы не пускаться в долгие объяснения, Костя я отвечал следующим образом:

— Я сказал: нет. Во-первых, это не по моей части. А во-вторых... — Я подавил зевок и напустил на себя безразлично-усталое выражение. — Просто нет и все.

— Как знаешь, Зема. Дело хозяйское. Хотя напоследок все же скажу тебе, только ты не обижайся: вот чмурила! Покажите мне второго такого типа. Ему умную вещь говорят, а он...

Он не договорил, со своей стороны также сочтя тему исчерпанной. Взмахом руки изобразил обреченность. Слава Богу, заткнулся, потому что его резонерство уже стало мне порядком надоедать. Мазнул по сторонам быстрым, скользким взглядом, как будто попал на мою жилплощадь впервые.

Я тоже глянул вслед за ним. Комната как комната. Диван, на котором я сплю, застелен симпатичным клетчатым пледом. Диван как диван. Не Бог весть какой шедевр, но ведь и у самого Кости был когда-то такой же. На противоположной стороне комнаты — письменный стол, для экономии места упертый в угол. Книжные стеллажи почти до потолка и шифоньер. Пожалуй, вот и все мое достояние. У окна на табурете материна гордость и постоянная тревога — дохленький бонсай в горшочке; сколько я ни уговаривал ее: не жилец, мол, он у нас, брось, мам, не возись зря, она — ни в какую.

Я осмотрел комнату еще раз, теперь Костиными глазами. Согласен, бардак налицо, а на моем столе особенно, там вообще всегда черт ногу сломит. Плед постелен вкривь и вкось. Створки шифоньера вечно скрипят, потому, как недосуг смазать, а одна, так вообще держится на честном слове, вот-вот отвалится. Поверх стеллажей в круглой картонке из-под материнной шляпы — моя старая коллекция авиамоделей; крышка у картонки отсутствовала, поэтому все там было покрыто пухлой, многолетней пылью. Давно надо было выкинуть всю эту никому не нужную дребедень на помойку. Для чего храню, спрашивается? Но то, чего не сделал сразу, уже не сделаешь никогда. Такая вот сермяжная правда.

Я все же на него тогда крупно обиделся, хотя был не из тех, кто обижается по любому поводу. Но отнюдь не на чмурилу. Я от него и не такое слышал. Дело в другом. Что-то с Костей сделалось не так после Америки. Развел тут бессовестную достоевщину. Послушать Костю, все-то на его родине не так, уныло и безобразно, кругом, куда ни плюнь, повальная безалаберщина да кромешная мерзость запустения, а соотечественники — сплошь разгильдяи и балбесы, ни черта не делают, только балду гоняют да в очередях за импортом давятся. А сам-то, сам? Только посмотрите на него! Прямо вылитый кум королю. Где уж нам уж!.. Одним словом, это был уже другой Костя. Америка навела глянец не только на его внешность, она прошла и по его душе.

Не только меня, Костю никчемность нашей беседы тоже тяготила. Отказавшись от предложенного моей матерью чая с конфетами, он поднялся и небрежно водрузил на голову свой американский головной убор, продолжая думать о чем-то мне неведомом. Плаш тоже, судя по всему, американский, он надевать не стал, просто перекинул его через руку.

Мы вышли в переднюю.

— Ну, Леонид, бывай, мне пора, — сказал он тоном человека, полностью снявшего с себя всякую ответственность за дальнейшее, и, слегка фиглярничая, в легком полупоклоне приподнял шляпу, небрежно держа ее за тулью. И все же он медлил уходить, стоя как бы в раздумье, подперев плечом косяк. — Надо еще успеть в одно местечко заскочить. Мне тут у вас один фраерок дубленку обещал, отдает почти за так. Отчего ж не взять? Ты как считаешь, а?

Я никак не считал. Мне-то что?

Пока Костя мешкал, я от нечего делать прошел на кухню и отдернул штору. Была поздняя осень. День выдался угрюмый и промозглый. Отвратительная пора, всегда такую ненавидел. Сплошная череда беспросветных хмарей и хлябей. С утра до ночи — одинаково серые сумерки, холодно, ветрено, да еще с неба сыпет непонятно что. Не то дождь, не то мелкая пороша. А хуже всего то, что мокрые голые ветки деревьев лезут в запотевшее окно и елозят по стеклу. И без того погано, а они еще больше душу выматывают.

Костя явно что-то мучил. «Один фраерок... Одно местечко... Одно дельце...» Непо-

нятно было, на кой ляд ему там, в Калифорнии, сдалась дубленка, ну, да шут с ним.

На утро – это было воскресенье – он отбыл; само собой, я поехал его провожать. В такси он занял место рядом с водителем, я и тетя Клара расположились на заднем сидении. Склонная к сантиментам тетя Клара всю дорогу глотала слезы. Она сидела в классической скорбной позе и изображала своим видом самую жалостную на свете картину. Мы с Костей хранили упорное молчание, лишь изредка нарушая его случайными репликами. Не спорю, получилось некрасиво, но я был не в состоянии пересилить себя.

Начинал бледнеть рассвет. Город, ввиду выходного дня не обремененный заботами о насущном, еще спал. Дорога до аэропорта не то чтобы длинная, но и не короткая, и пока мы ехали, фонари успели сначала сделаться тусклыми, потом замигали и вскоре погасли. Оттого улицы, на которых в столь ранний час было безлюдно, смотрелись голыми и беззащитными, а воздух по ту сторону стекла казался плотным, сизым и душным. Я думал о Косте и о том, какого рожна ему здесь не доставало, а что думал на этот счет Костя, мне было неведомо; я никогда не умел читать его мысли.

Когда водитель притормаживал у светофоров, тетя Клара каждый раз вздрагивала, как от боли, и с беспокойством глядела в окошко, не приехали ли. Возможно, ей хотелось, чтобы машина плелась, как черепаха, или еще лучше, чтобы водитель не выбирал кратчайший маршрут, а напротив, подольше плутал по улицам. Тогда ее Костя – о счастье! – опоздает на самолет и никуда не полетит. Я ее понимал.

В аэропорту Костя галантно обнял мать за талию и одновременно свободной рукой похлопал меня по плечу, еще раз назвав стариной. Настроение у Кости было исключительно бодрое; я же поймал себя на том, что в обоих его жестах углядел что-то одинаково неуместное и брезгливо-жалостное. Мне даже показалось, что он сейчас снимет с моего рукава пушинку, но нет, до этого не дошло.

– Костик, береги там себя. Допоздна не засиживайся, спать ложись пораньше. Правильно питайся. И про маму не забывай. Звони почаще. Ты же прекрасно знаешь, как я всегда жду твоего звонка, – вся во власти тревоги, звенящим от слез голосом напутствовала на дорожку тетя Клара. Напоследок еще разочек проинструктивровав сына по некоторым важным бытовым вопросам, она поцеловала его в щеку и вновь предалась безмолвной кручине.

– Угу, – по старой привычке сквозь зубы рассеянно отозвался Костя, нисколько не стараясь придать своему голосу хоть малую нотку сердечности.

И по-военному ловко и звонко шелкнул каблуком.

Мы с Костей обменялись рукопожатием, после чего он, торопливо распрощавшись с матерью, с громоздкой дорожной сумкой в руке и плоской черной папкой подмышкой пристроился в хвост к какой-то шумной делегации, также направляющейся в Америку.

Когда его пижонская шляпа и облаченная в кожаный плащ спина скрылись из виду, мы с тетей Klarой вышли на свежий воздух. У нас с ней была договоренность своими глазами убедиться, что Костин самолет благополучно взлетел, и помахать ему вслед ручкой.

Двумя часами позже со вздохом удовлетворения тетя Клара повернулась спиной к ограде аэропорта и направилась к стоянке такси. Придав своей физиономии благочестивое выражение, я устремился следом за ней.

Из темного, тяжелого неба лил дождь гнившие листья, собранные кучками вдоль тротуара. Земля разбухла от воды. Обглоданные кустики роз на куртинах смотрелись жалкими заморышами. Со дня на день ожидался первый снег, если, конечно, погода не испугается и не переменится. Из приоткрытого канализационного люка клубами поднимался пар. Рядом на толстой трубе, прижавшись друг к дружке, грелись две кошки. В жухлой с проплешинами траве в поисках поживы ковырялись сороки. Я опустил голову, смахнул с лица дождинки и поежился, ощущая за шиворотом противную холодную влагу.

На другое утро я свалился с высокой температурой и мать отпаивала меня попеременно то крепким куриным бульоном, то горячим чаем с малиной, то молоком с медом и сливочным маслом.

А полутора годами позже в нашем дворе вдруг объявился Паша Балясников. Без Эльвиры, зато сразу с тремя мальцами. Привез их к своей матери, сам же, почтя своим вниманием покинутую родину, долго не задержался и по прошествии двух дней укатил назад в Новосибирск. Я его не видел, поскольку как раз в то время проводил отпуск в Сочи.

Оказывается, Эля уже несколько месяцев жила в США.

Надо же, как забавно!

Понятно, что с Костей, в качестве его законной супруги; непонятно было другое – когда они успели. Я подивился Костиной прыти.

А вот детей Паша ей вывезти за границу не дал – как отец он имел на это право. Исключительно из вредности. Видимо, помимо всяческих добродетелей, в длинном списке коренных свойств балясниковской натуры наличествовала и вредность. Так и сказал:

– Пускай сама катится, куда вздумается. Але-машир, дорогая, ко всем чертям! А мальчишек не дам. Из вредности.

Ай, молодца! Я постарался переварить эту новость, преподнесенную мне Еленой Георгиевной.

Не могу сказать, чтобы я воспринял ее хладнокровно и удовлетворенно, не могу сказать также, что меня переполняло изумление или что я был убит ею наповал. Скорее всего, я испытал чувство близкое к злорадству. А потом я сказал себе: очень может быть, что не все так просто, но мне-то что до этого? Ровным счетом ничего. Пусть другие, кому приспичило муссировать свежую сплетню, теряются в догадках, а я не буду.

Она мне уже давно не жена, даже не подруга, я вообще никто, и мне абсолютно без разницы, кто с ней делит ложе, ведь в мире есть темы куда более интересные, чем эта.

Хотя, у меня, как у человека, обладающего здоровым любопытством, само собой, возникал вполне логичный вопрос: что сие означает и как, собственно, это понимать?

Где-то в глубине мозгов у меня шевельнулось подозрение. Какой-то намек, совсем пустяковый, но он меня озадачил. Собравшись с мыслями, я стал последовательно вспоминать нашу с Костей последнюю встречу, бурбон, кодаковскую цветную фотографию, Костину пустую болтовню про кодекс Хаммурапи и иезуитский девиз, которую я слушал вполуха, чмурилу и, когда дошел до того самого «одного фраерка» с дубленкой, меня осенила догадка. Все сошлось, как в аптеке. Какой же я тупоголовый кретин! Я должен был еще тогда догадаться. Ведь это лежало на поверхности. В Калифорнии она ему, конечно же, ни к чему, а вот в Новосибирске очень даже пригодилась. Ай да Костя! Теперь я подивился Костиной дальновидности и почти что уверился в гениальности коварного соблазнителя.

Первое, что напрашивалось: таким нетривиальным способом этот олух царя небесного отомстил за друга, то бишь, за меня, проникнувшись всей серьезностью моей ситуации. Око за око, так сказать... – Значит, – сделал я трезвый вывод, – получается, что на этот шаг его сподвигли исключительно дружеские соображения. Я не знал, как мне к этому относиться. Логично бы было благодарность. Но что-то не получалось. Удружил, называется. И что, позвольте узнать, теперь с меня причитается этому благодетелю за его услугу?

У нас во дворе Эльвиру до сих пор помнили девочкой, хоть и с некоторыми выкрутасами, тем не менее, из благополучной и интеллигентной семьи. Мать ее, мою бывшую тещу Светлану Геннадьевну Литвину, в доме уважали. Многие при встрече рассыпались перед ней в благодарностях. И было за что. Врач, как-никак, к ней всегда шли за помощью, за советом, и она никому не отказывала, не важничала, была со всеми одинаково любезна и предупредительна, к тому же собой хороша. И дочку одна, без мужа, сумела воспитать – да какую! Не семья, а золото.

А бедный Костик, невзирая на все достижения, как был нелюдим, так нелюдимом и остался, то есть дикарь дикарем, что сродни всякой там чуди белоглазой.

И теперь, скажите, пожалуйста, чем же этот змий-искуситель ее прельстил, какой лапши навешал на уши, каких перлов и звезд вдобавок к золатым горам насылил?

А Паша? Ведь он, наверняка, подумал, что мы с Костей вступили в тайный сговор.

Хотя, так ли уж это теперь важно? В любом случае это ничего не меняло.

Коли так, у меня возникло естественное желание вернуть Тёмку себе. Я решил не пассивать и включиться в эту игру, условия которой мне были неизвестны, предварительно взвесив все «за» и «против». Я даже попробовал предпринять кое-какие реальные шаги, но... Как говорится, факир был пьян, и фокус не удался. Мне было сказано, что подавать прошение не имеет смысла, только осрамлюсь на весь белый свет, что вновь претендовать на отцовство – это с моей стороны полнейшая дурость и что у меня абсолютно нет никаких шансов, да и сам я это умом понимал. На каких основаниях? Ну и что, что в ванночке его, новорожденного, купал. По животу, когда его, беденького, донимали колики, гладил. Кашу варил. В кровати баюкал. В детсад за ручку отводил. Шнурки на ботинках завязывать учил. На горшок сажал. Попу вытирал, а иногда и шлепал не больно, если уж слишком расшалится. Это в расчет не бралось. Поезд ушел, и вообще, вас тут, папаша, не стояло...

Думать об этом было не то чтобы обидно. Просто больно и невыносимо. Поэтому я гнал от себя эти паршивые мысли. Что, убедился, как заклинание твердил я, что ты там никому не нужен? Без тебя обойдется.

Эльвира мне больше не звонила. Приветов через тетю Клару этот чокнутый кретин мне тоже не передавал. С Пашей я не общался. Оставалось ждать, во что это выльется.

Алик уже заканчивал десятый класс, а Тема был в восьмом, когда они на спор, на «слабо», угнали «Москвич», принадлежащий завхозу школы (я его немного знал, этого завхоза; неприятный, суетливый и чернявый коротышка, приворовывающий по мелочам, он работал в школе эва с каких времен). Потом мальчишки, чтобы больше никого из своей компании не подставлять, сказали, что просто хотели покататься и вернуть, и что никто бы даже не заметил. Сделать это было не трудно, поскольку москвичонок никогда владельцем не запирался.

Не вышло. Заметили. Машину мальчишки бросили, не проехав и километра. Алик сумел убежать и скрыться в каком-то дворе, а Артема задержали. Завязалась драка. Он защищался и велосипедным клаксоном разmozжил тому субъекту голову; черт его знает, зачем он таскал эту штуковину с собой в кармане, но на суде это посчитали отягчающим обстоятельством. Угон транспортного средства с предварительным сговором плюс умышленное причинение вреда здоровью – это вам уже не шутки.

Если бы рядом были родители, возможно, дело удалось бы замять, но Паша жил в Новосибирске, Эля – в США, а что может бабка-пенсионерка, на шею которой повесили трех пацанов? Какой с нее спрос?

Алику и Теме присудили реальный срок. Алику как старшему, а значит, зачинщику – побольше, Темке – поменьше.

Меня в курс событий не посвящали; понятное дело, кто я таков? То, что Артем отбывает срок в колонии для несовершеннолетних, я узнал через третьи лица, поскольку в то время уже жил в Москве. Приехав в отпуск на родину, тем не менее, я получил разрешение на свидание с ним.

Пока на перекладных добирался до колонии, представлял, как встретимся?! Вспомнит ли он меня? Узнает ли? А я его? Каким он стал? Вырос? Переменился? Ведь сколько времени не виделись.

Нет, он не изменился до неузнаваемости. И вместе с тем стал другим. Это был уже не мой Тёмка. Он заметно вытянулся, стал ростом почти с меня. Громадная, не по размеру, жесткая хэбэшная роба с накладными карманами не скрывала, насколько он тонок в поясе. Отвисшие на попе штаны держались на каких-то брезентовых постромках. Кроссовки просили каши. Голову покрывала колючая щетинка. Лицо бледное, ни кровинки, с желтушным оттенком. Костистые, туго обтянутые кожей скулы. Бисеринки пота на висках. Два жестких желвака в уголках рта. Недоверчивый взгляд круглых, с синевой у переносицы, глаз. Больше всего мне запомнился этот взгляд. Взгляд, а еще – ресницы, длинные, как у девчонок; он ими хлопал, стряхивая слезы. Отмалчивался, прятал глаза в пол, дичился и не хотел ничего мне рассказывать. И правильно. К чему, когда и так все было ясно. Прикасясь ко мне случайно, он испытывал горячее смущение. Еще он заметно картавил, что для меня явилось тогда новостью. Он это заметил, стал стесняться еще больше. Так мы и просидели все назначенное нам время почти молчком. Прощаясь, он протянул мне руку – неуклюже, сложив ладошку лодочкой. Ладошка у него была маленькая, холодная на ощупь, и неожиданно твердая, в мозолях и красных рубцах, а пальцы – с начисто, под самое мясо, обкусанными ногтями.

Через год его освободили. Кое-как он окончил десять классов, учиться дальше не стал, устроился работать в автомастерскую, но долго там не продержался. В первую же зиму застудил почки.

Изредка через Светлану Геннадьевну я узнавал об Эле и Косте.

В Америке Костя с Эльвирой пробыл недолго, всего каких-нибудь три-четыре года. Но и на родину следом за этим, как можно было бы предположить, не вернулись, а предпочли эмигрировать в Израиль. У Кости вовремя отыскились нужные родственные связи.

Только непонятно было, как поступить с Артемом и младшим Баясниковым – Арнольдом. Хотя они и жили под опекой Пашиной матери, формально он продолжал числиться их отцом.

Пашина мать, тетя Женя Баясникова, приходилась тете Кларе Сигал двоюродной сестрой. Свое родство, к слову сказать, чтобы не подвергаться нескромным пересудам, сестры специально не афишировали, но никогда и не скрывали.

Паша, надо отдать ему справедливость, мальчишек не забывал, не только финансово обеспечивал их существование, но и систематически навещался самолично, правда, его воспитательные разговоры носили не конструктивный, а скорее ритуальный характер.

В один из таких приездов он в назначенное время не появился дома. Его хватились не

сразу, а когда все же хватились, переполох поднимать не стали, соседей и друзей-приятелей поголовно не опрашивали, окрестности не прочесывали, думали, просто загулял, мало ли, бывает, дело-то молодое. Кто-то сказал, что видели его в «Стекляшке» в веселой компании, но позже оказалось, что информация ложная. Через три дня все же обратились в милицию.

Его нашли. Нашли почти что возле родительского дома, на том самом пустыре, где каждый апрель расцветает безумное количество маков. Паша ничком лежал на земле, лицом уткнувшись в дерн. С зажатым в ладони огрызком боярки. Рядом валялся кулек с бояркой.

Расследование, само собой, проводилось, но безрезультатно. Следов насильственной смерти обнаружено не было. Экспертиза тоже ничего не показала. Получилось, что умер он от внезапной остановки сердца. Сказали, так бывает, причем, сплошь и рядом. Он был трезв, как стеклышко.

Тетя Женя после скоропостижной смерти сына слегка тронулась умом. Никакие мирские дела ее больше не интересовали, и в доме воцарилась тотальная разруха. Теперь она сутками напролет в старой, заштопанной на локтях кофте поверх нестиранного халата и резиновых ботах на босу ногу сидела возле подъезда и горевала. Что дождь, что белый день, что темная ночь – ей было все рано. Она горевала.

Вместе с ней выходила, ложилась на лавочку и горевала ее неизменная спутница – трехцветная кошка Пеструшка. Рядом толклись голуби. Прыгали майны. Чирикали воробьи. Трепали сороки. Пеструшка их не замечала. Горевала.

Шли мимо озабоченные своими проблемами люди. Оглядывались на тетю Женю. Здоровались. Заговаривали с ней, ведь ее многие в городе знали. Одни пристрасстно разглядывали ее малахольное искаженное скорбью лицо. Другие, слегка косясь в ее сторону, делали друг другу знаки. Злые соседские ребятишки дразнили ее кикиморой и лахудрой. Она ничего не замечала. Не слышала. Не отвечала. Горевала. За полгода она так почернела лицом, согнулась и отошала, что стала похожа на стручок рожкового дерева.

Когда она умерла следующей весной, Артема и Арнольда вместе с Пеструшкой забрали к себе Светлана Геннадьевна.

Вышел из колонии Алик, но на воле задержался недолго. Что-то натворил, и его опять посадили за решетку. На этот раз дали пять лет.

Путать семейные планы стало больше некому. Артема и Арнольда, теперь уже без проблем, увезли в Израиль. Они не хотели – от матери они отвыкли и совсем не знали незнакомого дядю Костю, но кто их спрашивал.

В израильской армии Артему служить не довелось – по причине слабого здоровья. Застуженные почки спустя годы обернулись хронической почечной недостаточностью.

А Арнольд служил, как полагается. Защищал обетованные земли на границе с Египтом.

В Израиле Костя с Эльвирой произвели на свет дочь. К этому времени им уже было по сорок лет. Назвали ее красивым именем Ноэми.

Вспоминала ли Эля меня? Мне хотелось, чтобы это было так.

Приблизительно к этому времени я окончательно перестал грызть себя за Артема уговорил себя, что жизнь сложилась так, как сложилась, что такое стечение обстоятельств, и это не я их выбирал, это они, обстоятельства, меня выбрали. Это оказалось нетрудным.

Без какой-либо дополнительной канители я перебрался в Москву, вняв доводам разума, я женился-таки во второй раз. На Светлане. Родилась дочь Марина, и я начал осваиваться в новой для меня роли настоящего, не запасного, отца.

Жизнь размеренно потекла по своему руслу. И все реже и реже я вспоминал нашу компанию: Костю, бедного Пашу. И Элю...

И вот однажды в моей московской квартире раздался телефонный звонок. Я сделал вид, что это меня не касается; неохота было поднимать себя с дивана. Жена Светлана – она у меня стоматолог – врачевала пациентов в вечернюю смену, теща Маргарита Степановна отправилась навестить приятельницу, а Марина закрылась в своей комнате. Я же, отключив мыслительный процесс и заварив себе большую кружку зеленого чая, к которому привык с детства, в одиночестве благодушеествовал у телевизора. В последнее время нечасто доводилось побыть в собственном доме вот так, чтобы никто не мешал. А хотелось.

Телефон, черт бы его подрал, звонил все громче и требовательней.

– Барышня, может, вы соблаговолите оторваться от своего компьютера и взять трубку? – не выдержав, повышенным тоном поинтересовался я. Тшкетно, поскольку Марина никаких признаков жизни не подавала.

Наконец, Марина сжалась над нами и подошла. Послушала и с недовольным видом изобразила жестом, что просят меня.

– Кто там, Мариш? – доброжелательно спросил я.

Ответа не последовало. Обиделась, значит, на «барышню».

– С работы, что ли?

– Понятия не имею. Не сказали, пап, – миролюбиво ответила Марина.

– Ты меня интригуешь.

– Алло! – отозвался я, тупо тарахась на себя в зеркало.

– Здравствуй, Леня...

Я узнал бы этот голос и через сто лет. Это была она. Эля. Эльвира Литвина. Теперь уже, конечно, Эльвира Сигал.

У меня застучало в ушах, а в глазах сделалось темно. Наверное, это оттого, что я резко встал. Да уж, в космонавты меня теперь точно не возьмут.

– Здравствуй, Эля.

Не ахти как красноречиво, но, во всяком случае, голос мой прозвучал достаточно вежливо. Теперь бы еще унять бешено бьющееся сердце; только как?

Мы обменялись ничего не значащими репликами. Я не знал, что еще сказать. Почему-то язык начисто отказывался ворочаться. В висках все еще пульсировало. Я придвинул к себе один из рядком стоящих вдоль стены стульев и сел.

– Вот я тебя и нашла. Ты удивлен? Не удивляйся, пожалуйста, все очень просто. Мне твой телефон дала твоя мама. Как поживаешь, Леня?

– Все путем, Эля, если тебе это интересно.

Более глупый ответ трудно было придумать, но он ее вполне удовлетворил. Она не стала уточнять и расспрашивать. Я в свою очередь поинтересовался:

– Эля, что-то случилось? С Артемом? Зачем ты меня искала? Как Костя? Младшие дети как?

– Дети, спасибо, хорошо. Арнольд недавно женился. А Артем со мной живет. Я не работаю, занимаюсь семьей, домом. Что тебе еще рассказать? Помнишь Милу Герасину, нашу однокурсницу? Она передает тебе привет. Мила ведь тоже много лет здесь, в Израиле. Живет в Бат-Яме. Райское местечко! Милу стало не узнать. Вообрази, она так похудела! И вообще красotka! Прогуливается по своему Бат-Яму в мини-юбке и обалденных серебряных туфельках с бантами. А ты знаешь, по какой примете можно узнать влюбленную женщину? Именно по бантам на туфельках! Еще как-то встретила Зорика Пинхасова. Помнишь, в девятом появился у нас второгодник? Так вот, он теперь художник-реставратор. Раздобыл, такой весь из себя импозантный стал! Живет сейчас, как и мы, в Яффе. А у меня еще дочка есть, но ты ведь, кажется, знаешь про нее. Моя Ноэми. Переводится, как Радость моя. Я зову ее на русский манер Нюничка. Нюничка – бойкая и очень уверенная в себе девочка. Знаешь, такая маленькая разбойница...

Повинуясь каким-то ей одной ведомым соображениям, она торопилась выдать мне как можно больше полезной информации, пока я ее не перебил.

– Вся в тебя. Потому что сколько можно было молчать. – Небось, у твоей Нюнички женихи не переводятся.

– Что ты, она еще маленькая, – живо возразила Эля. – Моя Нюничка учится в школе.

Потом тихо добавила:

– Да, Леня. Вся в меня, в кого ж еще ей быть?..

Что-то в ее голосе меня все же встревожило. Какая-то непонятная нотка. Я переспросил, теперь уже настойчивее:

– А Костя? Ты ничего не рассказала про Костю. Как у Артема со здоровьем?

Она замешкалась. Потом тихо сказала:

– Как, как? Плохо – вот как. Живет на гемодиализе. А Костя умер, Леня. Месяц назад. Острый приступ панкреатита, спровоцированный обильным застольем. Врачи, конечно, пытались спасти, но... Начался панкреонекроз. Не получилось у них ничего, короче говоря. Вот тебе и наша хваленая израильская медицина. Может, все дело в том, что сам Костя ни во что не верил. Говорил, сплошная туфта это их лечение, им лишь бы деньги платили, а они и рады стараться. И еще шутил, что поздно пить боржом. Ты ведь знаешь Костю, эти его вечные шуточки...

Она что-то еще говорила. Я не слушал. Отключился. Вспоминал прошедшие годы. Школу. Наш двор и нашу компанию.

Я безнадежно сникнул вернуться туда, куда хода нет никому, – в прошлое, поймать неуловимое ощущение того беззаботного детства. Когда, в какой момент все пошло не так?

Почему только тогда, когда тебе исполняется «полтинник», ты спохватываешься и обнаруживаешь у себя морщины на щеках, мешки под глазами, лысину на темечке, седину на висках и вставные зубы, а вместе с вышеперечисленными прелестями умение обуздывать свои желания – умение, которого у тебя прежде не водилось? Почему, проснувшись однажды, ты обнаруживаешь, что рядом не осталось ни друзей, ни истинных привязанностей, в лучшем случае – лишь семья и сослуживцы? Ну, может, еще соседи, с которыми ты вынужден поддерживать тот самый худой мир, иначе тебя совсем сживут со свету. Почему? Почему вместе с ненужными, обременительными связями куда-то подевались и все старинные приятели? И, что интересно, ты прекрасно без них обходишься. А еще ты спохватываешься и осмысливаешь, что данная тебе жизнь далеко не бесконечна, что все, что с тобой могло произойти, уже произошло, и тебя уже не возьмут в космонавты.

– А про своего Рафика ничего не знаешь? Где сейчас этот подонок? Может, он на склоне лет изъявит-таки желание посмотреть на своего сына? Или так и сойдет в могилу в неведении? – спросил я.

Вот я ишак отвязанный! Что я такое несу?! Черт меня за язык потянул! Не надо было это у нее спрашивать. Вопросы у меня вырвались как-то невзначай, сами по себе, я вовсе не собирался задевать эту тему.

– Зачем тебе знать о Рафике, Леня? До сих пор не можешь мне его простить?

И тут меня прорвало. Я говорил и говорил. Никогда прежде не думал, что могу говорить так много и так долго. О ней, обо мне, о том, что я ее любил, а она меня предала. Что ей не на кого пенять, кроме себя. Что и Паша, и Костя – это расплата за грехи. И все, что тогда натворили брошенные ею Артем с Аликом, ей тоже припомнил.

Тогда она сказала:

– Мои отношения с Пашей и Костей – мои и только мои. Ты не смеешь их касаться. Никто не смеет. Просто вспомни, что от добра добра не ищут. Теперь про Артема... Ты же никогда не считал себя его настоящим отцом...

А кем, простите, я должен был себя считать, если тогда мне в лоб было сказано: не суйся, он не твой и баста?

– А про Рафика же, если хочешь знать, знай: с ним у меня ничего никогда не было. Дурачок ты, Ленчик! Это же был элементарный блеф, а ты и не понял. Я решила, если ты будешь меня ревновать, это тебя подстегнет. Если бы я тогда не придумала закадрить Рафика, чтобы как-то тебя привлечь, ничего бы у нас с тобой не получилось. Ты же был типичный тихушник. Скрытный по натуре и болезненно самолюбивый. К тому же казался мне немного со странностями. Ты до скончания века не обратил бы на меня внимания, как на девушку, или продолжал бы на моих глазах клеиться к другим девчонкам, а меня просто продолжал держать при себе и все. По привычке, в качестве школьного товарища, а я хотела большего...

– Послушать тебя, так я кругом мерзавец. Что ж ты замуж за меня тогда пошла? За такого мерзавца?

– Ну, зачем ты так, Леня? Не перебивай меня. Дай сказать. Пошла, потому что ты мне предложил. А предложил ты потому, что так уж у тебя получилось. А ведь я любила тебя. По-настоящему, Леня. Я со школы была в тебя влюблена. Я и в институт поступила следом за тобой, хотя у нас с мамой раньше была договоренность, что я пойду в медицинский. Но я хотела только с тобой. Это же было так очевидно. А ты ничего не замечал. Ты и потом, когда мы уже жили вместе, никогда не спрашивал меня, люблю ли я тебя. Потому что тебе это было не важно. Тебе главное, что чувствовал ты, а не что чувствовала я. Знал бы ты, как меня это задевало. И если бы не тот самый случай, нашего с тобой Темки тоже никогда бы не было на свете. Вообрази только: не-бы-ло-бы-ни-ког-да! Сначала меня радовало, что моя уловка сработала. Я думала, ты станешь гордиться собой. Как же, такое благородство с твоей стороны! Тебе же всегда нравилось, что я чувствую себя обязанной тебе. Я думала, ты погордишься немного и перестанешь, когда надоест. И тогда я скажу тебе правду. Или сам додумаешься. Он же просто вылитый ты. А потом я поняла, что тебя такое положение вещей полностью устраивает. Когда ты, если что, как бы ни при чем...

– Подожди! То есть как нашего с тобой?!

Прежде, чем она ответила мне, я еще успел подумать, что, может, неправильно слышал или не так ее понял.

– Какой же ты тормоз, Ленчик! А вот так! Он – твой родной сын. Твой и мой. Я же сказала уже тебе, что с Рафиком у меня ничего и не было. Я все придумала. Подлым образом сочинила. Вот так! Такая я комедиантка! Ну, ругай меня, кори! Да, я виновата, я выдумала эту

глупую ложь, но только, чтобы позлить тебя. Я же не знала, как иначе!.. А потом... Потом я подумала, если признаюсь, что солгала, ты все равно уже другим по отношению ко мне не станешь. А, может, будет еще хуже. Уж пусть будет так, как есть. Это был мой секрет. Только мой. Я никому его не сказала, даже Миле, с которой мы в то время были подругами. Я тогда так запуталась, Леня. И еще мне все время казалось, что ты не любишь Тёмку, как надо. Как должен любить отец. И уже не полюбишь никогда. Ты никак не мог простить мне Рафика. Не мог простить Темке... Я же видела, как ты на него смотрел, я не слепая. Поэтому во мне возмущилась материнская гордость. Дурочка была, мне ж только двадцать лет было...

Я опешил. Вот уж поистине, если хочешь, чтобы в ложь поверили, она должна быть чудовишной.

– Это правда?! Если – да, то ты понимаешь, что сейчас сказала?!

Я кричал. Мне плевать было, что в соседней комнате Марина и что, может быть, она все слышит. Пусть думает, что хочет. Хотя у нас толстые стены.

Потом до меня дошло, что кричу я яростным, надсаженным шепотом.

– Я все понимаю, Леня. Я знаю, я сказала никому не нужную правду. Как будто это теперь так важно!.. Я сгубила твои лучшие годы. Прости меня, Леня! Ах, если б загадать невозможное и вернуть все на тридцать лет назад! Нет, не на тридцать, а на тридцать пять. Скажи, разве с тобой такого никогда не было? Чтобы все вновь стало, как в тот день, день нашего с тобой знакомства, первого сентября.

Она все понимает! Ни черта она не понимает!

Арчи заглянул поинтересоваться, что тут у меня происходит. Он шумно втянул носом воздух и, удостоверившись, что я на месте, а посторонних в помещении нет, сконфуженно ретировался.

Но она была здесь. Я слышал ее дыхание. Вот она – тут, рядом со мной, притихшая и настороженная.

Потом она заговорила вновь:

– Леня, раз ты теперь все знаешь, прошу тебя, помоги Артему. Твоему сыну, Леня. Он весь измучился. Так, как он живет, дальше жить нельзя. Врачи говорят, его может спасти только операция. Ему бы пересадили мою почку, но у нас с ним несовместимость. Такая беда! Значит, вся надежда только на тебя. Ты не думай, мы не нуждаемся. Деньги на операцию есть. Нужна только донорская почка. Твоя, Леня! И твое согласие на пересадку. Если бы ты только согласился! Нужно будет, конечно, пройти обследование. Мало ли... Но я буду молить Бога, чтобы все сложилось хорошо. Ты же ведь здоров, правда? Никогда ничем серьезным не болел. И спортом занимался... Леня, приезжай, а! Это теперь так просто. Даже виза не нужна. Я узнавала. Только загранпаспорт. У тебя ведь есть загранпаспорт?

Она произнесла это скороговоркой, на одном дыхании, словно боялась, что не справится. И совсем уж по-ребячьи шепотом добавила:

– Ты мне нужен, Леня. У меня больше никого нет, кроме тебя...

На этом телефонная связь прервалась.

Нариман ИСКАНДАРОВ

Родился в 1945 году в Ферганской области. В 1971 году окончил историко-филологический факультет Калининского государственного педагогического института (ныне Тверской государственный Верхневолжский университет). Автор повестей и рассказов. Член Творческого союза журналистов Узбекистана.

Веточка сирени

Рассказ

Красивым и ладным парнем был Марат Нуриев. Ещё до призыва в армию девчонки жилмассива «Тинчлик» заглядывались на него, чуть ли не каждая мечтала стать его избранницей. Когда же он демобилизовался и прошёл по родному микрорайону в дембельской сержантской военной форме, соседки в один голос заговорили вслед:

– Ну, этот долго в холостяках не задержится. Сам не захочет – насильно женят! Нынешние девки стеснительностью не отличаются, не то, что мы в наше время...

И, тут же забыв о Нуриеве, переходили к воспоминаниям о своей молодости. Потом хором советовали матери Марата:

– Готовься, Фаридушка, до свадьбы недолго осталось, дочь замуж выдала, теперь пришёл черед сына женить.

– А я и не против, пусть женится, – отвечала Фариди апа, – только бы невесту хорошую нашёл.

– Теперь все они хорошие, – подхватили доброхоты излюбленную тему, – если природа кому-то недодала красоты – в «Салоне красоты» её доберут. Там так размаляют, что мать родная не сразу признает. Правда, слава Богу, есть ещё и скромницы. Взять хотя бы ту же Эльмирочку Дадабаеву, – так та до сих пор даже брови не подводит...

Все знали, что Эльмира дружила с Маратом до его призыва в армию. Они переписывались, но вскоре почему-то, их переписка прекратилась. И причина этого осталась загадкой для многих.

Фариди апа очень сожалела о том, что симпатичная и застенчивая девушка не будет снохой, но сына ни о чём не стала допытывать.

До армии Марат закончил девять классов и не проявил особого желания учиться дальше. Вина в этом был не столько он, сколько его отец, который не много внимания уделял воспитанию сына и чуть ли не каждый день приходил домой крепко выпившим. Теперь же, вернувшись со службы, Марат заявил матери:

– Пойду учиться в колледж, закончу его и буду поступать в институт.

– Надумал? Ну и хорошо, – обрадовалась Фариди апа и с упрёком добавила:

– А ведь я тебе ещё до службы говорила, что нынче без учебы нельзя.

– Мама, армия-то мне и открыла глаза. Именно там я увидел большую разницу между грамотным человеком и недоучкой. Небо и земля!

– Что ж, сынок, учись, – согласилась мать, – ты способный, если захочешь, многого сможешь добиться. С твоей головой получить высшее образование – ничего не стоит...

Похоже было, что Марат действительно всерьёз решил заняться образованием и женитьбу отложил на будущее. Правда, на «Тинчлике» всезнающие соседки отметили, что изредка он бывает в соседнем жилмассиве «Пахлавон», ходит туда к миловидной учительнице начальных классов. Но вскоре Марат по неизвестной причине перестал к ней ездить и стал появляться у себя на «Тинчлике» в семейном общепитии, у Тамары Жаровой.

Жила она здесь с недавних пор с маленьким сыном. Поговаривали, что от мужа уехала. Он приезжал как-то, просил её одуматься и вернуться домой, но Тамара наотрез отказалась.

– Проживу и без тебя, – категорически заявила она, – так что ты свободен и можешь жениться, я разрешаю.

Строгостью поведения Тамара не отличалась. Ничего серьёзного, по всей видимости, у Марата с ней не было. После начала учебного года в колледже их перестали видеть вместе. Да Жарова особо и не скучала в одиночестве: вскоре у неё появился новый «жених» – предприниматель – тоже из приезжих.

Очень уж радовалась Фарида апа, видя в руках сына книжки и тетрадки. Только вот в доме у них по-прежнему было беспокойно: Рустам, муж, часто приходил навеселе. Раньше, бывало, мог и руку на жену поднять, но после возвращения Марата из армии стал спокойнее. Правда, однажды, вспомнив прошлое, он вновь попытался замахнуться на неё, но сын схватил его и посадил на кровать. Рустам сделал усилие вырваться, но почувствовав, что зажат словно в тиски, только и прохрипел:

– Пусти, сопляк, не то шею сверну!

С тех пор родитель затаил к сыну неприязнь. И когда тот в очередной раз поздно возвращался домой, ворчал:

– Ишь, грамотей нашёлся... то ли в колледже учится, то ли где-то шляется... Погоди, я припомню когда-нибудь, как отца надо уважать!

Когда у Марата до летней экзаменационной сессии оставалось совсем немного, у отца начался очередной запой. В такие дни сын, не желая видеть пьяный кураж «главы семьи», вечерами домой не спешил. Вот и сегодня его долго не было. Когда стрелки часов перевалили за полночь, Фарида апа начала нервничать. Она уже в который раз выходила на улицу, прислушивалась, но в ночной тиши все реже раздавались запоздалые шаги. Прошёл и сосед, любивший перед сном прогуляться.

– Что, Фаридушка, сына поджидаешь? Видел только что его с ребятами возле семейного общепития, девчат с ними не было, значит, скоро придёт...

Женщина немного успокоилась и возвратилась домой. Муж не спал.

– Чего ходишь туда-сюда, спать не даёшь? – буркнул он.

– Марата почему-то до сих пор нет, уж не случилось ли что?

Рустам что-то пробурчал, оделся, вышел из дома, не прошло и полчаса, вернулся.

– Нигде не видно его, аж до магазина дошёл, ни души. Загулял, видимо, твой хваленый сынок с какой-нибудь девкой!

Через несколько минут он уже громко храпел.

Фарида апа ещё долго стояла у окна, выходящего на улицу, прислушиваясь к каждому звуку, и задремала лишь на рассвете. Рано поднялась и вышла во двор. Там уже стояло несколько соседок, о чём-то взволнованно говорящих. Подойдя ближе, она услышала:

– Парня мёртвого недалеко от магазина нашли. То ли убили, то ли сам убился. Милиция приехала, никого не подпускают к нему...

Предчувствуя недоброе, Фарида апа почти побежала к магазину. Когда ей сквозь толпу удалось приблизиться к человеку, лежавшему на тротуаре, она узнала в нём Марата.

Рядом с ним был неизвестно откуда попавший сюда большой камень. В правой руке была зажата веточка сирени с едва начавшими раскрываться маленькими бледно-лиловыми цветочками.

– Я живу вот в этом доме, – наверное, уже в сотый раз рассказывала собравшимся молодая женщина. – Моя Светланочка в эту ночь почему-то спала очень беспокойно, и мне дважды приходилось выходить на балкон за пелёнками. Первый раз я видела, как они прошли вдвоём, один высокий, а другой чуть пониже, и о чём-то громко говорили, как будто спорили. Когда

снова вышла на балкон, где-то приблизительно через полчаса, смотрю – тот, что пониже, побежал обратно, бежал и оглядывался, как будто боялся, что его кто-нибудь увидит...

Здесь же был и охранник продмага. Он добавил к рассказу молодой женщины:

– Было чуть более трёх часов, я не спал, как и положено на посту. Вдруг ночную тишину взорвал громкий разговор. Вышел из сторожки, обошёл вокруг – никого не видно. Остановился, голоса доносились из-за угла, в начале вон той улочки. Потом пробежал какой-то человек, впотьмах я его не разглядел. Если бы знал, что такое случилось... А так часто тут бродят ночью: то закурить просят, то бутылочку вина продать...

Прибыла оперативная группа. Весть о случившемся моментально разлетелась по многоэтажкам жилмассива.

Пришёл сюда и отец Марата. Хмурый и молчаливый, он долго смотрел на лицо сына, на веточку сирени, на тёмное пятно на асфальте тротуара и, не проронив ни слова, ушел. Многие из собравшихся на месте происшествия знали его, но никто не пожелал заговорить с ним.

Эксперты пришли к заключению, что удар тупым предметом в область виска, оказавшийся для Нуриева смертельным, мог быть и преднамеренным, и результатом падения погибшего. Других повреждений и ран на его теле не было. Заключение судебно-экспертной комиссии гласило: «Телесных повреждений, характерных для борьбы и обороны, не обнаружено. Незадолго до смерти употребил незначительное количество алкоголя». Единственным признаком борьбы мог быть лопнувший по шву рукав пиджака, если действительно Марат с кем-то боролся.

Расследование этого непростого дела, было поручено опытному следователю уголовного розыска капитану Анвару Садыкову. На десятки предварительных вопросов он должен был найти ответы, прежде чем подойти к главному: что произошло ночью у магазина – несчастный случай или убийство?

С самого начала расследования Садыков поставил под сомнение версию, что у магазина произошел несчастный случай. Грабежа, безусловно, не было, часы на руке Нуриева и деньги в кармане пиджака подтверждали это. Признаков драки тоже не обнаружено. Но почему у погибшего рукав наполовину оторван? А могли его ударить камнем в висок и убежать? Или толкнуть неожиданно, и он, не устояв, упал на камень? Ведь и незначительное количество алкоголя могло быть причиной падения.

Первые показания свидетелей – молодой мамы, выходившей ночью на балкон, и охранника магазина – убедили Садыкова в том, что с Нуриевым был ещё кто-то. Возможно, это тот, кто убежал с места происшествия... Смерть, по заключению экспертизы, наступила около четырёх часов утра. Примерно в это же время и видели двоих, громко разговаривавших или ссорившихся. Можно было допустить, что это были и другие люди, но не часто же проходят далеко за полночь по спящему микрорайону!

Куда и зачем шел погибший? Логично предположить, что он возвращался домой. Где же и с кем был Марат до четырёх часов утра? Время подсказывало, что он был или с девушкой, или где-нибудь на вечеринке. Если возвращался со свидания, то мог встретить случайного прохожего, или такого же запоздавшего влюбленного, как и сам, и между ними произошла ссора. Напрашивается новый вопрос: из-за чего?

Итак, известны только место и время происшествия. Однако есть ещё люди, с которыми Нуриев провёл последний вечер и ночь, с кем выпил «незначительное количество алкоголя». Их и надо было искать, чтобы получить ответы на ряд возникших вопросов.

Места, где в тот вечер в «Тинчлике» отмечались различные события, сопровождавшиеся употреблением горячительных напитков, установить было несложно. Это были юбилей, день рождения и проводы в армию.

На юбилей Турсун ака Инамова, профессора местного университета, который проходил в элитном ресторане «Туркестан», были в основном близкие и коллеги виновника торжества. И компания тут собралась солидная и серьёзная. Вряд ли здесь мог оказаться Марат.

То же самое можно сказать и о второй посиделке, где отмечался день рождения дочери пенсионеров Лаврененко, приехавшей в отпуск к родителям из Киева. Там тоже присутствовали в основном родственники, самым молодым среди них был муж именинницы, но он ходил с палочкой после перелома ноги. Так что, и в этой компании Нуриев быть не мог.

В тот вечер на улице Текстильщиков, что за два квартала от места происшествия, чета Петровых провожала в армию своего младшего сына Павла. Их старший отпрыск Сергей когда-то учился в одном классе с Нуриевым. Садыкову необходимо было встретиться с ним.

Сергей поведал следователю следующее:

– Перед самым началом вечеринки я увидел проходивших мимо нашего дома Марата и Тахира Исмаилова и, конечно же, пригласил их выпить за счастливую службу братишки. Они зашли, чуток посидели и ушли. Может быть, и дольше были бы, но один кореш Павлухи стал приставать к Марату, завязалась ссора. Тахир и Марат постарше задиры, поумнее, да и выпили меньше, они не стали связываться с охмелевшим юнцом и ушли.

Тахир немного смог добавить к сказанному Сергеем:

– Когда мы вышли от Петровых, я пошёл в клуб, чтобы часок-другой погонять шары в бильярдном зале, а Марат, как я помню, собирался пойти домой.

– А что за спор возник у него с одним из гостей?

– Да это Костя Гордеев привязался к Марату. Оказывается, он некоторое время назад дружил с его сестрой.

Ссора из-за сестры? Это очень возможно, если учесть, что Гордеев был в изрядном подпитии. Но он, по словам участников проводов, после стычки с Маратом уехал домой на «Пахлавон». Мог ли Гордеев оттуда вернуться? Конечно же, мог. Но где он снова встретил Нуриева, где каждый из них был всю ночь?

Костя своей ссоры с Маратом от следователя скрывать не стал:

– Он вскружил моей сестре голову, а потом бросил её. Нина любила его, вы бы видели, как она переживала, когда он перестал приходить к нам. Встреть потом я его на нашем жилмассиве, наверное, намылил бы ему физиономию. А на вечеринке дело до драки не дошло. Что было потом, мне неизвестно. Я уехал домой, ребята меня проводили, они могут это подтвердить.

Все бывшие гости Петровых дали примерно одинаковые показания – Нуриев и Исмаилов ушли вместе, и больше их никто не видел. По всему было видно, что ответа на вопрос – с кем был Нуриев у магазина? – здесь не найти. Тахир действительно два с лишним часа провёл в биллиардной, а оттуда напрямик пошёл домой. Это подтвердили многие, видевшие его в клубе.

Из всего этого можно сделать вывод, что Марат после стычки с Гордеевым встретился с кем-то еще и где-то находился почти всю ночь? Так где же и с кем?

После недолгого раздумья Садыков начертил на бумаге схему улиц, по которым в ночь гибели проходил Марат. Отметил на ней дом Петровых, клуб, магазин, дом Нуриевых. Магазин, а точнее место происшествия, располагался за линией «клуб – дом Нуриевых». Получилось, что Марат шёл к месту своей гибели из дома! Нет, здесь кроется что-то другое, но что именно? Фарида апа говорит, что прождала сына всю ночь, выходила из дому, и отец куда-то выходил ненадолго. А не мог ли он встретиться с сыном? Ведь известно, что Рустам Нуриев конфликтовал с ним, был обижен на него и в тот вечер, по свидетельству жены, был изрядно пьян.

Разговор следователя с отцом Марата получился не лёгким. На вопрос Садыкова, что он думает о происшедшем, Нуриев старший вскипел:

– Пропал сын ни за что, ни про что. А как это могло случиться – откуда я знаю?

– Куда вы выходили ночью и зачем?

– Ах, вон вы о чём? Дело в том, что в тот вечер жена не давала уснуть, ходила как неприякаянная. Надоело с ней ругаться, пошёл к магазину в надежде бутылочку вина у сторожа выпросить. Да не получилось: у продмага обнаружил, что карманы пустые.

– Какие отношения у вас были с сыном в последнее время?

– Самые обыкновенные. Я его не трогал, он – меня.

– Но был же случай, когда вы повздорили?

– Ага, вам и это известно. Что ж, попробую объяснить. Очень уж задиристый он был, если тронешь его – не промолчит. Да, из-за матери мы поскандалили, я расшумелся немало, а он – её защитник – за неё встал горой. Короче, недолюбливал он меня. Признаю,

я тоже виноват перед Маратом – в ту ночь он из-за меня домой не очень спешил. Кстати, жена говорила, что сосед его в ту ночь видел где-то возле общежития...

Фарида апа в страшном горе забыла об этом сказать следователю.

Сосед же помнил тот вечер до малейших подробностей.

– Хорошо помню, – сказал он Садыкову, – что в скверике, который разбит прямо у самого семейного общежития, на скамейке сидели два парня, а Марат стоял около них. Они о чём-то оживленно разговаривали, смеялись. Я Марата узнал и одного из его собеседников. Фамилии его не знаю, но у него есть старенький «Запорожец». Я и сказал Фариде, что видел там её сына.

Сейчас машина этой марки большая редкость, и найти ее хозяина проще простого. Им оказался Тимур Базаров – инструктор автошколы «Ватанпарвар». Нашёлся очень быстро и другой собеседник Нуриева Игорь Сизов, курсант автошколы.

– Марат в сквере подошёл к нам около одиннадцати, – сообщил Тимур. – Покурили, подискутировали на какую-то тему, потом он сказал, что пойдёт домой.

– Не заходил ли он в общежитие?

– Нет. Мы ещё пошутили, не к Тамаре ли Жаровой он снова собирается заглянуть? Марат ответил отрицательно и ушёл. Где-то через четверть часа и мы разошлись по домам.

То же самое подтвердил и Игорь.

Эти ребята видели Нуриева в тот поздний час на скверике последними. Так куда же он ушёл от общежития? Где находился около четырех часов? Подумав об этом, Садыков задал ребятам новый вопрос:

– Пока вы сидели на скамейке, никто в общежитие не заглядывал?

– Как же, например, к Тамаре приходила её подруга Валя Пензур, она из нашего микрорайона, а работает в центре города, в супермаркете.

– Почему вы уверены, что она приходила именно к Тамаре?

– К кому же ещё? Ведь Тамара первая модница на «Тинчлике», а Пензур в парфюмерном отделе работает и время от времениставляет подруге импортные товары, сбывает втридорога. Мы сказали ей, что Тамары дома нет, видели, как недавно куда-то ушла. Но Валентина нам не поверила, зашла в общежитие и вскоре вышла ни с чем...

Следователь вновь и вновь мысленно возвращался к общежитию. Может, потому, что именно здесь обрывался след погибшего, а может быть, и потому, что общежитие находилось недалеко от места происшествия? Значит, необходимо продолжить поиск в этом районе.

Опрос жителей жилмассива помог Анвару Садыкову выяснить, что в ту ночь недалеко от общежития после двух уже известных ребят был и другой запоздалый тинчликовец Геннадий Снегирев. Перед тем как зайти в свою квартиру, а он живёт в многоэтажке у сквера, где ему предстоял серьёзный разговор с ревливой женой по поводу позднего возвращения домой, он решил ещё раз перекурить на улице. Его рассказ особо заинтересовал капитана.

И вот что ему сообщил важный свидетель:

– Когда я стоял у подъезда своего дома, мимо прошли трое – два парня и девушка. Парней я не разглядел, заметил только, что один высокий, второй пониже ростом. А вот на девушку обратил особое внимание. Вернее не столько на неё, сколько на её наряд – кофточку с очень глубоким вырезом и юбку до неприличия короткую. Мне сразу это бросилось в глаза и не понравилось. Они дошли до перекрёстка, остановились, о чём-то горячо поспорили, потом свернули за угол, больше я их не видел.

– Откуда они шли, не помните?

– Конечно, помню, шли от общежития...

У Анвара Садыкова, который в девушке сразу распознал Тамару Жарову, тут же родилось к ней множество вопросов: где она была в ту ночь, куда уходила вечером, когда вернулась домой, с кем видел её Геннадий Снегирёв?

– Хотела поехать в город, потом передумала. Сын оставался у знакомой, пошла за ним. Он уже спал и так крепко, что жаль было будить, и я вернулась домой одна, – пояснила Тамара следователю.

- С Нуриевым давно были знакомы?
- Нас связывало не только знакомство, но и дружба. Но когда поняла, что он не собирается на мне жениться, дала ему от ворот поворот. Мне ведь отец ребёнку нужен. Садыков не стал углубляться в подробности её личной жизни.
- А какие отношения у вас с Валентиной Пензур?
- Тамара на мгновение смутилась, а потом сердито ответила:
- Да никаких, просто она меня парфюмерией снабжает.
- В тот вечер её видели?
- Нет, я же сказала, что поздно пришла домой...

Сынишка Тамары действительно ночевал у знакомой Жаровой и встреча с ней ничего нового не дала. Бесполезным оказался и разговор с Пензур. Однако следователя удивило, что Валя не сказала о своём позднем визите к Тамаре. Забыла или умышлено промолчала? Надо будет напомнить ей об этом при новой беседе. Но сначала придётся ещё раз увидеться с Базаровым и Сизовым и кое-что уточнить...

– Валя приходила в общежитие одна или с кем-нибудь? – спросил следователь сразу обоих парней. Тимур задумался, Игорь же ответил не мешкая:

– В дом заходила одна, а вот на улице остались ожидать два парня, правда, за деревьями трудно было их разглядеть...

Садыков решил: если Пензур приходила с одной единственной целью – решить косметические вопросы, тогда от повторного разговора с ней толку немного. Но поговорить о цели визита и сопровождавших её парнях все-таки необходимо поподробнее. А вдруг появится какая-то зацепка?

– Валя, при первой нашей встрече вы ничего не забыли рассказать? – спросил следователь:

- Нет, всё рассказала.
- А в общежитие к кому приходили? И с кем?
- В какое общежитие, я вас не понимаю?
- В семейное, на «Тинчлике».
- Разве я не говорила? – с наигранной наивностью переспросила Пензур, – значит забыла. С Павлом Петровым мы приходили к Тамаре Жаровой. Когда я заходила к ней, он оставался на улице. Я Тамаре лак для ногтей приносила, жаль, её дома не оказалось.

– Тимур и Игорь говорили о двух парнях, Валя же – об одном. Не тут ли кроется зацепка, которую я жду от беседы с ней? – подумал Анвар Садыков и спросил:

- А Павел с кем на улице оставался?
- Валентина вскинула на Садыкова настороженные глаза, чуть подумав, ответила:
- Не знаю с кем он оставался, но мы пришли к общежитию вдвоём, вместе и ушли.
- Ребята, которые в то время сидели в скверике, говорят, что Павел не один стоял на улице.

– Может быть, пока я заходила в общежитие, к нему подходил какой-нибудь знакомый, но, когда я вышла оттуда, с ним никого не было...

Игорь и Тимур опровергли её показания. Они упорно утверждали: когда Пензур вышла из общежития, оба парня стояли вместе, и ушли они втроём. Значит, Валентина сознательно скрывает кого-то? Только вот кого? И почему? Какая тут может быть связь с гибелью Марата Нуриева? Неужели разгадка его гибели близка?

Снова Садыков пошёл в общежитие, выяснил, что никто здесь в последние дни с Пензур не разговаривал, а в ту злосчастную ночь из комнаты Жаровой действительно были слышны голоса, мужские в том числе. Жених из командировки ещё не вернулся, значит, был кто-то другой. Или другие? И об этом Тамара ничего не сказала. Но это вполне естественно, не будет же она говорить на столь деликатную тему. И всё-таки подруги скрывают что-то важное. Следователь стал тщательно готовиться к новой встрече с Пензур, обдумывая каждый вопрос.

Супермаркет закрывался на обед в час. Садыков пришел туда на полчаса раньше. Он решил вызвать Пензур, не дожидаясь перерыва. «Если она ничего не скрывает, то естественным ответом будет просьба подождать до закрытия». Расчёт ему казался точным. Он подошёл к отделу парфюмерии. Клиентов не было, Валя скучала у прилавка.

– Появилась необходимость уточнить кое-что, – сказал он ей и предложил поговорить где-нибудь вне магазина.

– Хорошо, только подождите немного, скоро будет перерыв.

– Нет, время не терпит, – потребовал капитан, делая ударение на «не терпит»

– Пожалуйста, только я предупрежу напарницу, что ухожу на обед.

– Неужели я ошибся, и мой план провалился! – подумал Садыков, выходя из магазина следом за Пензур.

– Валя, вы не все мне рассказали, – сказал Садыков, едва они устроились за столиком летнего кафе у супермаркета.

– Может быть, что и забыла. Спрашивайте, я же не знаю, что вас больше всего интересует.

– Кто был третий у общежития? Вы, Павел и ...?

– Мы были вдвоём...

– Назовите третьего, – резко, не дав окончить фразу, перебил девушку Садыков. – Почему вы скрываете? Неужели не знаете, что за искажение и сокрытие фактов вас могут привлечь к ответственности?

– Никого и ничего я не скрываю, – меняясь в лице ответила Пензур.

– Нет, скрываете! – с уверенностью воскликнул Садыков, будто своими глазами видел того, третьего, неизвестного. – Так кто он?

После некоторого молчания, Валентина понуро ответила:

– Мой двоюродный брат Валерий Лысенко. Он в тот день приехал из Коканда, вечером зашёл к Петровым и попросил меня вызвать Тамару. Они давно знакомы.

Удивительно, что никто из опрошенных участников проводов, а опрошены были они все, не вспомнил о том, что приходил брат Валентины, и они втроём куда-то ушли. Но Садыков нашёл ответ на этот вопрос. Обычно в больших компаниях запоминают знакомых, а чужих помнят смутно, порой и вообще не замечают. А если учесть ещё и то, что Валерий Лысенко пришёл в самый пик веселья, то нет ничего удивительного в том, что его никто не запомнил.

– Почему же вы раньше об этом не рассказали?

– Валерий попросил. У него была судимость, его непременно начнут допрашивать, ведь Нуриев погиб недалеко от общежития в тот вечер, когда мы были там. Ещё брат сказал, что жена может узнать о том, что он вновь встречался с Тамарой, будет скандал. Я и молчала и Павла просила тоже ничего о Валерке не говорить, – пояснила она.

Так просто, на первый взгляд, объяснилось странное поведение Пензур. Но почему Лысенко решил, что на него падёт подозрение? Только по той причине, что у него есть судимость? Нет, в это Садыков не верил. Он всё более убеждался в том, что нити ведут в общежитие, к Тамаре Жаровой. Нуриев раньше с ней встречался, Лысенко тоже был знаком, недаром, едва приехав к родным, он решил навестить её.

Но как найти связь между Лысенко, Жаровой и смертью Марата Нуриева? Из слабых контуров предположений пока никак не удаётся получить зримые очертания реальных событий. Более чёткими, а может быть, и более туманными, они станут после того, что скажет при новой встрече Тамара. Её ответы или окончательно откроют путь к истине, или снова заведут в тупик. Так чей же мужской голос, или голоса, слышали соседи? По словам Пензур, не застав Тамару, Лысенко пошёл домой. А если он встретил Тамару, и они вдвоём вернулись в общежитие? Мог он позже и сам прийти...

– Да, был у меня Валерий, ночевал, ну и что? – с вызовом сказала Жарова.

– А как же жених?

– Он ещё мне не муж, – зло ответила Садыкову Тамара. – И нечего в чужую жизнь вмешиваться.

– Что ж, оставим в стороне вашу личную жизнь. Меня интересует, когда Лысенко пришёл к вам и когда ушёл.

Тамара на какое-то время задумалась, сжимая виски руками, и прошептала: была я дурой, ею и останусь... Потом, вытирая рукавом кофты набежавшие на глаза слёзы, начала рассказывать:

– Лысенко я встретила ещё днём. Он сказал, что заглянет в общежитие вечером, но я не желала этого и сказала, что меня дома не будет. Когда возвращалась от подруги, встретила Марата и пригласила его к себе. Думала немного посидим, а тут кто-то начал стучаться в дверь. Я открыла. Это был Валерий. Выгнать я его не смогла – побоялась шума. Он принёс бутылку, мы распили её, немного посидели, и они ушли.

– Когда они ушли?

– Я на часы не смотрела, но было уже довольно поздно.

– Вы их проводили?

– Нет, они вышли в коридор, и я сразу закрыла дверь, потом в окно посмотрела – они разошлись в разные стороны.

Следователь чувствовал, что Тамара что-то не договаривает. Снегирев видел двух парней и женщину, а она утверждает, что не выходила за порог. Более того, сказала, что Лысенко и Нуриев разошлись в разные стороны.

– А во что вы были одеты в тот вечер?

Разговор коснулся её излюбленной темы.

– Я была вот в этом, – она раскрыла дверцу шифоньера, Садыков увидел на вешалке коротенькую юбчонку и кофточку с глубоким вырезом. Именно это одеяния так запомнилось запоздалому жителю соседнего со сквером дома.

– Вы пили в тот вечер?

– Совсем немного.

– Так почему же не помните, как проводили Марата и Валеру?

– Я не выходила из дому.

– Не надо..., вас видели с ними на улице, на вас была именно эта одежда. Вы уговаривали парней не ссориться. Так вспомните, о чём они спорили?

– Они ещё в комнате начали шуметь, особенно разошелся Лысенко. Ему не понравилось, что он застал у меня Марата. Я попросила их говорить тише, чтобы соседи не слышали. Они на некоторое время утихли, но на улице опять не стали сдерживать своих эмоций. Я накричала на них, проводила до перекрёстка, и они ушли.

– Куда пошли?

– Не знаю, я вернулась домой.

– Но ведь вы ранее сказали, что не провожали своих гостей?

– Это всё Пензур. Она предупредила меня, чтобы о Валере ничего вам не говорила, иначе всё расскажет моему жениху...

От Лысенко напрасно было ждать правды. Не случайно же он предупредил сестру, а та, в свою очередь Тамару. И уехал её братец сразу же в Коканд тоже не случайно. Скажет, что испугался подозрений, а с Нуриевым разошёлся на перекрёстке и больше его не видел. Как докажешь, что они шли вдвоём до места происшествия? Свидетелей, которые видели их близко, нет и, видимо, уже не будет.

Работники уголовного розыска Садыков и Рахматуллаева выехали в Коканд, где Лысенко работал шофером в одной из автобаз. Там дали ему не очень лестную характеристику:

– Грубый и невыдержанный человек, работать не любит. Да и в семье у него не очень спокойно...

Когда Лысенко узнал, что за ним приехали, не удивился:

– По делу Нуриева прибыли? Так могу сказать – зря приехали. К его смерти никакого отношения не имею.

– А как понять ваш срочный отъезд с «Тинчлика», если у вас нет никакой вины?

– Это вполне объяснимо, я ведь «меченый» – имею судимость. Кого вы в первую очередь обычно хватаете? Конечно, бывших осуждённых! Вот я и уехал от греха подальше, чтобы это дело мне не пришили...

– Мы здесь не из-за вашей судимости, а потому, что вы были с Нуриевым вместе в ту ночь, и нам необходимо выяснить, при каких обстоятельствах он погиб.

– Так вам я и поверил. Вон, нашли мёртвого, так не стали искать среди местных, а сразу же ко мне приехали.

Показания Лысенко ничем не отличались от показаний Тамары и других свидетелей. Но когда его рассказ дошёл до того места, где свидетелей не было, он заявил:

– Тамара с перекрёстка пошла домой, а мы с Маратом пожали друг другу руки и мирно разошлись в разные стороны. Куда он пошёл не знаю, я – к родственникам.

Садыков склонился над листком и вновь стал чертить схемы. Одну – маршрут движения Марата Нуриева: Петровы – общежитие – магазин. Вторую – путь Лысенко: общежитие – дом Пензур, куда возвратился Лысенко. Сопоставив обе схемы, не трудно было убедиться, что пути Нуриева и Лысенко от общежития до магазина совпадали. Конечно же, Лысенко будет отрицать свою причастность к происшедшему до последнего. Но, наверняка, он не откажется пойти по данному делу свидетелем.

– Скажите, Лысенко, кем бы вы хотели быть на суде по делу о гибели Марата Нуриева – обвиняемым или свидетелем? – спросил Садыков.

– Конечно же, свидетелем! – не раздумывая ответил тот.

– В таком случае слушаем и запишем ваши свидетельские показания, – и следователь протянул Лысенко лист бумаги, на котором были обозначены семейное общежитие, место происшествия, дом Пензур и улицы, ведущие к ним.

– Внимательно посмотрите на схему и покажите, по каким улицам вы возвращались домой, и в каком месте расстались с Нуриевым.

Лысенко взял карандаш, настороженно рассматривая листок, словно почувствовав какую-то уловку, и никак не решался провести самую короткую линию от общежития до дома Пензур: эта линия пересекала страшный кружок с надписью «Место гибели М.Нуриева». Рука невольно тянулась в сторону, подальше от того рокового кружка, и он прочертил зигзаг по улицам Тестильщиков, Машраба и Садовой. Но как только он оторвал карандаш от бумаги, Садыков, наблюдавший за движением его руки, взглянул на схему, быстро сложил листок и умышленно торжественным тоном сказал:

– Не быть тебе свидетелем, Лысенко, ты допустил главный промах, допрос окончен.

Ошеломленный, ничего не понимающий Лысенко лихорадочно пытался восстановить в памяти злополучную схему и никак не мог сообразить, где и в чем он ошибся? Прочертить свой путь через место гибели Нуриева он никак не мог, так в чём же ошибка? И к чему вопрос Садыкова – кем хочешь быть на суде? Да ведь никто никогда не скажет: хочу быть обвиняемым! Таких дураков на свете просто нет. Но зачем тогда он спрашивал об этом? Зачем?

Всю ночь Лысенко не сомкнул глаз, но ответа на мучивший его вопрос так и не смог найти. Он ждал вызова на новый допрос, не мог сообразить, о чём снова спросит следователь, как надо будет отвечать, но почему-то думал, что отпираться дальше бесполезно. Незнание терзало его, он стал паниковать. Прошёл целый день, а его не тревожили. И только когда вечером открылась дверь камеры и его вызвали на допрос, он, едва услышав слова Садыкова: «Будете говорить правду?», сразу же заявил:

– Я скажу всё, как было.

– Что ж, давно пора.

– Вы уже знаете, что в общежитие я принёс бутылку водки. Мы выпили её и начали ссориться. Тамара урезонила нас и проводила до перекрестка. Когда остались одни, мы снова завелись. Нуриев мне что-то резкое сказал, я ему. Потом он замахнулся на меня, я схватил его за рукав. Он попытался меня ударить, я увернулся и толкнул его. Он упал и не поднялся. Я думал – полежит и встанет, а утром узнал, что он мертвый...

После суда жители махалли «Тинчлик» ещё долго обсуждали трагическое происшествие.

– Жаль парня, таким молодым ушёл из жизни...

– Это всё из-за этой вертихвостки...

– Если бы отец в семье нормальный был...

– Выпивка до добра не доводит...

Каждый по-своему был прав. Но никто не обратил внимания на то, что в этих разговорах не принимали участия два человека: соседки Нуриевых – Эльмира Дадабаева и её мать Назира апа. Никто не знал (даже следователь Анвар Садыков), что в день гибели Марат к вечеру приходил к своей бывшей девушке. В руках у него была веточка сирени с едва начавшими раскрываться на ней маленькими бледно-сиреневыми лепесточками. Не успел молодой человек вручить её в знак примирения своей любимой. Появилась Назира апа. Очень грубо она потребовала от парня забыть порог их дома и больше никогда не беспокоить её дочь, так как он ей не ровня. Женщина категорично заявила, что в семью, где есть пьющий человек, она свою дочь никогда не отдаст. Сообщила Марату мама девушки и то, что именно по её требованию Эльмира перестала отвечать на его армейские письма...

Эх, если бы Назира апа знала, как долго ждала её дочь этого шага Марата, не вмешайся она в разговор молодых людей, может, эта веточка сирени и спасла бы молодую жизнь...

– Если бы...

Зарафшанекий диван

Федор Григорьевич Сухов – поэт, всегда находивший путь к сердцу читателя, но оставшийся для современников не до конца оцененным и известным.

Между тем, именно к нему полностью применимы слова М. Горького о поэте, которого сама природа России создала «как специальный орган», чтобы явить себя миру, выразить в музыке и слове.

Сухов был и остался в памяти читателей тонким лириком, истинно русским поэтом. Главной темой, лейтмотивом его творчества, вслед за Есениным и Клюевым, стал плач о России.

Мне бы воздуху, чистого воздуху
Хоть один бы, один бы глоток...

Ф. Сухов родился в 1922 г. Рос на Волге, под Нижним Новгородом, в древнем селе Красный Оселок – одинаково близко от Макарьева монастыря и от села Григорова, родины протопопа Аввакума. В июне 1941-го в девятнадцать лет ушел на войну.

На войне он стал поэтом: «Верил, что меня не убьют, потому что я пишу стихи». И поэзия навсегда сделалась его ангелом-хранителем.

В 1954 году по окончании Литинститута приехал в Сталинград, полный энергии и надежды, а в 1974-м покидал Волгоград, разочарованный и опустошенный. Но земля и поэзия врачуют: родное село дало ему новые силы.

Он рано выбрал и выработал свой способ жизни в поэзии, сформулировав его с детской наивностью и категоричностью:

Ну а может, ромашкою стану...
Хорошо б колокольчиком стать,
Чтоб соседним лугам и полянам
Что-то вызвонить, что-то сказать.

Федор Григорьевич поэт добрый и мыслящий, а потому грустный. Даже, может быть, горестный.

Печальнее и обобщеннее о Русской земле написать нельзя:

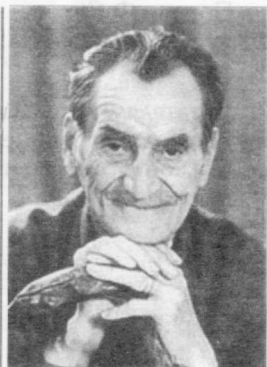
Выплетает от моря и до моря,
Не в хлеба – в осот да в лебеду
Солью пересыпанное горе,
Горем напоенную беду.

Другая, тоже всю жизнь не отступавшая горечь – война, которую Сухов, три года провоевавший на фронте, никогда не воспринимал только как подвиг и победу:

Говорят, что никто не забыт
и ничто не забыто.
Говорят не о ком-нибудь,
говорят обо мне
И не о живом, об убитом на войне.

И третья, важная тема – русская деревня. Поэт ждал и звал грозу и обновление.

Пролейся же, наконец, гроза!
Пройдись по Волге и по Дону –
Чтоб я поднял свои глаза,
Давно опущенные долу.

Федор СУХОВ

Родился в 1922 году в Горьковской области. Учился на рабфаке. В 1949 году поступил в Литературный институт им. М. Горького. Работал в газетах и книжных издательствах. С 1957 г. член СП СССР. Автор многочисленных сборников стихов и поэм (30 сборников).

Последние сборники: «Посох» (2002 г.), «Солнцеворот» (2005 г.), «Ивница. Лирическая хроника» в двух частях (2006, 2008 гг.), «Вербное воскресенье» (2012 г.).

В последние годы в лирику Федора Сухова все чаще и решительнее вторгались эпические образы. Им задумана была трилогия об Аввакуме, патриархе Никоне, Степане Разине. Ныне опубликованы две первые части: драматические поэмы «Красная палата» и «Никон». Поэма о Стеньке не была написана.

Поэзии Ф.Сухова, несомненно, предстоит еще долгая жизнь, т.к. его стихи волнуют душу, заставляют о многом задуматься и многое переоценить.

Н.Лисовский

Читателям журнала «Звезда Востока» предлагается небольшая подборка стихов о Средней Азии, где впервые Ф.Сухов побывал обучаясь на ускоренных курсах артиллерийского училища, перед отправкой на фронт.

Зарафшанский диван

(Из восточных тетрадей)

Как по острому лёзу ножа,
Я хожу по земле Согдианы.
Я вернулся к тебе, Шахназа,
Неизбывной печали глаза
На верблюжьих глядят караваны.

От Уренча спешат на Хиву
Иноходцы великой пустыни.
Кажет небо свою синеву,
Поднимает на ноги траву
По велению святой благостыни.

Освежает цветущей весной,
Исцеляет по слову Аллаха,
Избавляет от черного страха,
Усмиряет зеленой рубахой
Согдианский полуденный зной.

Нет, не зной, усмиряет мою
С полуночи пришедшую зиму.
Ну а я недвижимо стою,
В каждом дервише я узнаю,
Знаменитого Ибн Сину.

«Ассалам алейкум!» – говорю
Врачевателю тяжких пороков,
Я свою возвышаю зарю,
В чайханы зазываю-зову
Убеленного пеплом пророка.

Угощается чаем пророк,
К пиале припадает устами,
Собирает сорочий горох,
Что пообочь кремнистых дорог
Розовеет в моем Гулистане.

Белолико и розоволико
По Дюрменю гуляет Навруз.
Ни собачьего лая, ни крика,
Лишь улыбка девчоночьих уст.
Белолико и розоволико
По Дюрменю гуляет Навруз.

Веселит, хороводит все реки
Этот праздник цветущей весны.
Даже старые ветлы-калеки
Видят сладкие-сладкие сны.
Веселит, хороводит все реки
Этот праздник цветущей весны.

Веселеют, шустреют арыки,
Быстроногой блистают водой,
Подобrevшие светятся лики,
Подружились с моей лебедой.
Веселеют, шустреют арыки,
Быстроногой блистают водой.

Из Кибрая уходит к Дюрменю
Быстроногая эта вода.
Не могу удержать... Не умею...
Пусть моя помолчит лебеда.
Из Кибрая уходит к Дюрменю
Быстроногая эта вода.

Прослезилась, расплакалась ива,
Низко клонит обиду свою.
Я и сам уж не так горделиво
На обочине пыльной стою.
Прослезилась, расплакалась ива,
Низко клонит обиду свою.

Есть в веселии горечь печали,
Ивы-ивушки тихая грусть,
Потому не кричали, молчали
Лепестки розовеющих уст.
Есть в веселии горечь печали,
Ивы-ивушки тихая грусть.

Здесь Анна Ахматова гордо взидала
На горы, что в синем скрывались тумане,
Когда ежедень, еженочь не орала –
Ковались мечи да по всей Согдиане.

От своего отдалился окопа,
Великий могол надвигался с полночи,
И потому-то неугомонно
Тревожились к небу поднятые очи.

Не находила Ахматова Анна
Успокоения, не находила...
Благоухая, цвела Согдиана,
Не унималось всесветное диво.

Розовизной лепестящихся яблонь
Пуржился Курбай, и Дюрмень

распуржился

И небо под вечер тихохонько зябло,
И месяц, как тонкое, острое шильце.

Тогда-то незримое благословенье
Прошелестело, сошло с поднебесья,
Звенело тогда соловьиное пенье –
Как близкой разлуки давнишняя песня.

Великий могол надвигался с полночи,
Темнела вода от всесветного страха.
Кто бы вознес, но никто не возносит
Молитву свою к милосердью Аллаха.

Нет милосердия, нету пощады,
Когда неумолчно грохочут копыта...
Волшебная сказка ночной Шахрезады,
И та беспощадной стрелою убита.

Встречаю – кого бы? –
Сергея Есенина,
Идет вдоль Салгира Есенин Сергей,
Несет две гвоздички – как воскресение,
Явление милых, родных снегирей.

Остановить бы, поговорить бы,
Не остановишь – торопко идет,
Взирает не на рязанские избы –
На азиатский чернявый народ.

Заходит – куда бы? – к Омару Хайяму,
Гостит у Омара Хайяма поэт.
Через оконную ломится раму
Прохладного утра сиреневый цвет.

На виночерпия долго глазеет
Пятилепестковое счастье, оно
Слагает свои потайные газели,
Глядится в свое потайное окно.

Желтоволосого гостя ласкает,
Доволит его самаркандской весной
И осеняет его лепестками,
Благоухающей розовизной.

И вопрекор всем запретам Корана
Подносит – не с чаем – с вином пиалу,
Вспоминает сады Зарафшана,
Что в золотую вошли Бухару.

Что одарили полночного гостя
Неувядаемой, дивной зарей,
Чтоб в пиале, как в небесных

пригоршнях,

Играло вино золотой Бухарой.

До удивления – розово-розово
Благоухают подросшие яблоньки,
Как будто иду я по роше березовой,
К нижегородской я шествую ярмарке.

От Бармина до Печерской обители
По луговине ромашковой топаю.
Я вижу, как русские наши святители
Легко поспешают к возросшему тополю.

А на всемирно ликующем торжище
Хива удивляет своими верблюдами,
Своими шелками, что знойно полощатся,
Переливаются зноями лютыми.

И Бухара с дорогими халатами,
С червонной чеканкой,
с червонным роскошеством,
Она умиляет своими палатами,
Медовой халвой по всей ярмарке
крошится.

Кишмишем уруса бездомного потчует,
Аллах не забудет ничье милосердие...
Бредят урусы березовой рошею,
Возносят урусы свое воскресение.

Ису возвышают,
Исе поклоняются,
Благовестят колокольными звонами.
С поганой травой никто не якшается,
Себя окружают лесами зелеными.

Пыхтят по воде пароходами белыми,
Чадят многотрубно своими заводами
И похваляются бедными-бедными,
Капустными славят себя огородами.

Верую – все сбудется, все будет,
Но не будет лебеды моей...
Не взгрустнет,
не вспомнит о верблюде,
А верблюды – это тоже люди,
Я люблю, боготворю людей.

Возношу любую животину,
Всякую печаль превозношу,
Мне ль, земли и неба властелину,
Не умилосердить Шахназу?

Саади я призову, Хафиза,
Сядет на ковер свой Саади.
Близок день...

А может быть, не близок,
Если за порогом мгlisto, сизo,
Если звезды тлеют позади.

Думают, печалются о саде,
Шахназу баюкает тот сад...
А Хафиз вздыхает о Ширазе,
Никогда, ни в коем разе
Не забудет розовый Шираз.

Бухару он отдавал за чьи-то
Небом умудрённые глаза.
Может, дождь...

А может быть, копыта...
По земле, Аллахом позабытой,
Утренняя топает гроза.

На багдадском шлёпает верблюде,
С отдалённых движется морей,
Подобреют, просветлеют люди,
Верую – всё сбудется, все будет,
Но не будет лебеды моей.

Здесь вроде бы просторней небо,
Светлей ночная бирюза,
Не ведают, не знают гнева
Её волшебные глаза.

На белое безмолвье сада
Взирают с дивной высоты...
А ночь,

она — как Шахрезада,
В иные шествует сады.

Иными яблонями бредит,
Иной обласкана весной.
Благоухает сладкий лепет
Младенческой розовизной.

Струит тишайшую прохладу
На землю павшая роса,
Страшит, пугает Шахрезаду
Неугомонная гроза.

Зашедшая с Ургута туча
Темнит ночную бирюзу.
Звезда далёкая, пастушья
Свою возвысила слезу.

Своей слезою углядела
Ургут, Китай, Каттакурган...
Не углядела Искандера,
Не пала к царственным ногам.

К развесистой припала иве
Печаль неуголённых уст –
Давно пыталась осчастливить,
Мою утихомирить грусть.

Мою тоску о дивном саде
К иной приблизила весне,
К той яблоне, что Шахрезаде
В волшебном улыбнулась сне.

Кто это? Что это?

Это разбойно
Свистят – да на весь Гулистан! –

соловьи...

Глядит милосердно, глядит сердобольно,
Приметил меня Алишер Навои.

Мой посошок углядел, заприметил,
Притопал к рассветной заре посошок!
И Зарафшан шевелит на рассвете,
Свой золотой озирает песок.

«Гляди, –

говорит мне великий провидец, –
Как золото слепнет,
теряет себя...»

Откуда-то тоненько-тоненько вылез,
Вдруг месяц свалился к ногам воробья.

И растревожились,

и всполошились,
Пролили шебечущий дождь воробьи!
Восставшее утро раздвинулось шире,
Припало к чашне соловьиной любви.

К колодезю Аюба, к его благодати
Неутолённая пала сирень.
По Гулистану арбу свою катит,
Ещё неумаянный шлёпает день.

Ещё не сморённым красуется утром,
Свистят – да на весь Гулистан! –

соловьи...

Не поучает — советует мудро,
Жалеет меня Алишер Навои.

Он знает, –

откуда пришлёпал, притопал,
Прибился к рассветной заре посошок, –
Ещё до всемирного, может, потопа
Меня зарафшанский учуял песок.

Колодец Аюба учуял, узрел он
Каплюжиной павшей на землю воды,
Чтоб усадить не кишмишем –

газелью

Нестихшую горечь моей лебеды.

Остров уединенных душ.
А.Нур

Бахт.
А.Нур

Божественный свет.
А.Нур

Начинается подписка на журнал «Звезда Востока» — 2014
Наш индекс — 831.

В свободную продажу журнал
не поступает, распространяется по подписке.
В розницу журнал можно приобрести только в редакции.